

ISSN 2410-1583

Министерство образования и науки Российской Федерации
Администрация Алтайского края
Совет по вопросам реализации государственной национальной политики
в Алтайском крае
Алтайский государственный университет
Факультет социологии
Центр социологических исследований «Регион Алтай»
Алтайская краевая общественная организация
психолого-социального сопровождения и охраны здоровья
«Позитивное развитие»

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник материалов

Часть II

 Новый формат
издательство

2016

ББК 60.542.15-26
С 693

Редакционная коллегия:

А.А. Экарт, С.Г. Максимова, В.И. Матис,
О.Е. Ноянзина, Н.П. Гончарова, Д.А. Омельченко

С 693 Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С.Г. Максимова. – Вып. 4. – Ч. 2.– Барнаул: Новый формат, 2016. – 150 с.

ISSN 2410-1583

В издание включены материалы Международного научно-исследовательского Форума «Взаимодействие этнических культур в процессе евразийской интеграции», проходившего 23 июня 2016 г. в рамках общего собрания Ассоциации азиатских университетов. В них освещены проблемы социальной интеграции, национального и этнокультурного развития, формирования гражданской, национальной и этнической идентичности, этнокультурных особенностей самосохранительного поведения, культурного наследия, этнокультурного воспитания молодежи, формирования гражданского общества, функционирования системы патриотического воспитания, лингвокультурологии, культуры межнациональных отношений.

Книга предназначена для представителей органов законодательной и исполнительной власти в сфере социальной и национальной политики, специалистов комитетов по делам молодежи, некоммерческих организаций, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех лиц, интересующихся проблемами социальной интеграции и этнической безопасности.

Издание подготовлено при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России №28.1475.2014/К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Сборник опубликован за счет средств Гранта Губернатора Алтайского края в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций предоставленного Алтайской краевой общественной организации психолого-социального сопровождения и охраны здоровья «Позитивное развитие» на реализацию социально значимого проекта «Социальная интеграция и развитие этнокультур в полиэтничной среде Алтайского края», договор № ГУ -126/16 от 01.06.2016 г.

ISSN 2410-1583

© Администрация Алтайского края, 2016
© АКОО ПССОЗ "Позитивное развитие", 2016
© Алтайский государственный университет, 2016

Содержание

РАЗДЕЛ III. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	5
<i>Максимова С.Г., Ноянзина О.Е.</i> Региональные особенности и основные детерминанты восприятия гражданских позиций населением приграничных территорий Российской Федерации.....	5
<i>Сытых О.Л.</i> Потенциал гуманитарных дисциплин в подготовке студентов к гармоничному межнациональному взаимодействию.....	12
<i>Омельченко Д.А.</i> Евразийская интеграция и молодежные обмены: роль организационных и личностных факторов в оценке полезности.....	19
<i>Гончарова Н.П.</i> Этническая идентичность мигрантов как вызов и критерий социальной сплоченности общества.....	25
<i>Вараксина Н.В.</i> Прогнозирование демографического поведения населения.....	34
<i>Дмитриева Д.С., Ли Ю.</i> Подарочная традиция в России и Китае как элемент культуры трансграничья.....	39
<i>Дмитриева Л.М.</i> Ментально-топонимическая карта трансграничья Алтая.....	43
<i>Абросимов А.Е., Трофимова Ю.В.</i> Проектирование воздействия видеоролика, пропагандирующего экстремистскую деятельность и запрещенного к показу в Российской Федерации, на эмоциональную сферу личности.....	49
<i>Игнатенко А.В.</i> Муниципальный опыт внедрения образовательной инклюзии (на примере г. Барнаула).....	54
<i>Неваева Д.А.</i> Этническая идентичность в современном российском обществе (по данным социологических опросов).....	58
<i>Меженин Я.Э., Домашев А.Н.</i> Отношение к термину «толерантность» в студенческой среде.....	62
<i>Замятина О.Н.</i> Межэтническое взаимодействие в сфере культуры.....	67
<i>Неваева Д.А., Максимова С.Г.</i> Социальная эксклюзия пожилых людей (по материалам социологических исследований в Алтайском крае).....	71

<i>Давлетбаева О.В.</i> Образ реки Обь в сознании китайских студентов.....	77
<i>Доровских А.С.</i> Этносоциальные основы межнациональных отношений в Республике Тыва.....	82
<i>Сарыглар С.А.</i> Оценка эффективности этнокультурной политики в Алтайском крае.....	89
<i>Шахова Е.В.</i> Роль медианпространства региона в регулировании межэтнического взаимодействия (на примере Интернет-ресурсов Алтайского края).....	92
<i>Дергунова И.В.</i> Международное молодежное сотрудничество как фактор социальной интеграции.....	96
<i>Мамчур Ю.Ю.</i> Особенности управления образовательными организациями в условиях евразийской интеграции.....	99
<i>Деделова М.А.</i> Межнациональные отношения в современной России.....	103
<i>Жабина А.В.</i> Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в развитии этнокультуры....	106
<i>Семьянов С.А.</i> Образ этнически другого в социальных представлениях студентов Алтайского государственного университета (на примере стран азиатского региона).....	109
<i>Мыльникова А.В.</i> Медиация как ресурс управления разрешением межнациональных конфликтов.....	112
<i>Кобелев К.Ю.</i> Формирование гражданских и патриотических ценностей как приоритет молодежной политики.....	116
<i>Каратаев А.А.</i> Евразийство: альтернатива постмодерну.....	122
<i>Дурманова Т.Ю., Мазайлова Т.А.</i> Внедрение инновационных социальных практик реабилитации детей как площадка интеграции молодежи.....	125
<i>Тамразян Н.А.</i> Социальное сиротство в России и Армении: основные характеристики.....	130
<i>Силонова М.В.</i> Роль различных типов дошкольных образовательных учреждений в процессе социализации и социальной интеграции детей.....	135
<i>Эбелинг Э.О.</i> Социальные риски: теоретический анализ.....	140

РАЗДЕЛ III. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПОЗИЦИЙ НАСЕЛЕНИЕМ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

***Максимова С.Г., г. Барнаул (Россия)
Ноянзина О.Е., г. Барнаул (Россия)***

В данных материалах приведем результаты исследования, проведенного в шести регионах Российской Федерации (n = 2400): Алтайском и Забайкальском краях, Кемеровской, Еврейской автономной, Оренбургской и Омской областях. Одна из задач исследована была связана с изучением особенностей близости жителей современных российских регионов к разным социально-идентифицирующим позициям, структура этих идентификаций. Напомним, что идентификация выполняет очень важную социально-психологическую функцию, удовлетворяя изначально свойственные человеку потребности, с одной стороны, в самобытности и отличии от других, с другой, в защите, принадлежности к определенному коллективу.

Идентичность является социальной по происхождению, так как она формируется в результате взаимодействия индивида с другими людьми и усвоения ими выработанного в процессе социального взаимодействия языка. В изучении вопросов идентичности особое значение имеет представление о ее многомерности. Однако, отечественные исследования отмечены отсутствием универсального подхода к выделению элементов системы социальной идентичности личности. Так, В.С. Малахов развивает представление о различных уровнях социальной идентичности личности – от сексуальной идентичности до идентичности региональной. М.Н. Губогло описывает структуру социальной идентичности через открытый «список идентичностей», включающий тендерную и семейную, этническую и религиозную, профессионально-трудовую, социально-групповую

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России №28.1475.2014/К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации»

и имущественную, региональную и национально-гражданскую идентичности. В.А. Ядов уделяет особое внимание классификации видов социальной идентичности по такому признаку, как специфика объектов идентификации: примордиальные сообщества и группы и «модерные», современные сообщества. Е.М. Аврамова различает макроидентичности (страновую, общероссийскую, общенациональную) и микроидентичности (семейную, социально-групповую, этническую, религиозную). З.А. Жаде доказывает, что социальная идентичность – это многоуровневая система, которую можно представить как единство вложенных друг в друга (наподобие матрешки) этнической, региональной, национальной, геополитической и цивилизационной идентичности [1, 2].

Постановка такой задачи в рамках данного исследования обусловлена тесной связью социального доверия, развития гражданского общества в нашей стране с категорией нации, национальной и политической идентичности, а также оценкой общности жителей России через принадлежность к одной и той же системе отношений, системе идентифицирующих позиций. В этой ситуации, естественно, важно проанализировать массовое общественное сознание. Ведь идентичность политической нации может быть как нормальной, позитивной, так и гиперболизированной, болезненной. Ввиду многомерности социальной идентичности возникает вопрос о смысловой нагрузке каждой из идентичностей. Как подчеркивает Л.М. Дробизева, все граждане Российской Федерации переживали переосмысление, в какой стране они живут с ее новыми территориальными очертаниями, этническим составом населения, политическим устройством, рождающимися и отмирающими ценностями, изменяющейся социальной стратификацией. Скорости и масштабы осознания трансформационных изменений, встраивание в новую систему отношений, освоение новых смыслов и значений были разными. И это определяло то многообразие жизненного мира, в котором происходила, с одной стороны, индивидуализация идентичностей людей, а с другой, – росла потребность в пространстве, где тебя понимают и разделяют какие-то интересы, важность больших, воображаемых (с точки зрения представляемых людьми) сообществ – политической нации, государственного, гражданского сообщества, республиканского, областного, этнического сообщества.

Предлагая свой вариант ответа на данный вопрос, в ходе исследования респондентов просили определить степень

близости себя с разными социальными общностями и пространствами людьми своего поколения, той же профессии, достатка, национальности, религии, живущим в городе, поселке, области, республике, со всеми гражданами России, близкими по политическим взглядам.

Использование шкалы «в значительной степени – в небольшой степени – не ощущаю близости» смещает идентификацию в эмоциональную сферу, но одновременно позволяет в какой-то мере нивелировать ситуационный фактор, в большей мере выявить глубинную связь. Данную связь, прежде всего, отражает выбор опрошенными альтернативы «в значительной степени», фиксирующей приближение как к условно называемым базовым идентификациям, так и отражение привыкания населения к новому государству, его очертаниям и месту в мире.

Таким образом, данные фиксировали ее устойчивость в отношении таких идентификаций как «поколенческая» (60,7%), которую можно отнести к ряду базовых, локальная (жители города, села) (59,4% выборов), далее на третьем месте по числу выборов – ощущение значительной принадлежности к общности граждан России (57,1%), на четвертой позиции региональная идентичность (51,2%). Весьма устойчивой является этническая идентичность опрошенных (51,0% респондентов в значительной степени ощущают принадлежность к группе людей определенной национальности). Далее выделим одну из базовых идентичностей – профессиональную – отмеченную 49,7% выборов респондентов шести регионов России, затем следуют социально-экономические идентификации с людьми одного достатка (45,5%), религиозная идентичность (41,6%) и идентификация с определённой политической группой (34,7% выборов).

Рассмотрим региональные особенности структуры идентифицирующих позиций регионов, охваченных исследованием. Естественно, что особенности социально-экономического положения, политика властей разного уровня по манипулированию массовым созданием в целях формирования системы национально-политических убеждений, особенности этнической мозаики территорий накладывают свой отпечаток на идентичность жителей, ее состав и позитивное совмещение компонентов идентичности.

Так, мы видим, что жителей Кемеровской области отличает целый набор устойчивых идентифицирующих доминант, среди

которых совмещается базовая идентификация с людьми своего поколения (78,2%), глубокая идентификация с общностью граждан России (75,7%), не менее глубокая локальная идентичность (близость к гражданам города, села) (75,1%), сильная этническая доминанта (72,6%) и региональная идентичность, принадлежность к сообществу Кемеровчан (71,4%). Логично поставить вопрос об успешности сочетания таких сильных доминант в системе личностных позиций граждан области.

Совершенно иную картину мы фиксируем в Оренбургской области, где практически исключительно базовые идентичности выступили на первый план личностных позиций опрошенных: 60,6% респондентов в значительной степени ощущают себя людьми своего поколения, у 53,8% сильная профессиональная идентичность, 52,9% – этническая, 50,0% региональная. Естественно, что в таких условиях не стоит ожидать роста, например, гражданской идентичности жителей области. Актуализация этнической идентичности может совпадать с повышенной тревожностью, например, в связи с этническими конфликтами, приливом мигрантов, усиление региональных идентификаций – с сепаратистскими настроениями. Обратим внимание, что формирование национально-гражданской идентичности для жителей этой области еще стало социально значимым фактом.

Алтайский край и Еврейская автономная область схожи составом доминирующих идентифицирующих личностных позиций и довольно слабой выраженностью в целом. Так, и в ЕАО и в Алтайском крае доминантой выступила национально-гражданская идентичность – общность с гражданами России, которую в значительной степени ощущают 60,1% и 58,3% опрошенных соответственно. В обоих субъектах сильна и локальная идентичность (59,9% в Алтайском крае, 48,1% в ЕАО), поколенческая (56,0% в Алтайском крае, 48,4% в ЕАО) и региональная доминанта (50,2% в Алтайском крае, 45,0% в ЕАО).

Зафиксированная ситуация может свидетельствовать как о том, что в регионах снижается доминантность этнического самосознания, являвшаяся следствием распада Союза, взрывов этничности, утери или изменения других идентичностей (изменения социального статуса, привычного представления «советские люди» и т.п.), что, по мнению Л.М. Дробижевой, может быть связано именно с этническим составом населения, поскольку для большинства в этих районах отсутствует непосредственно

присутствующий другой. Это говорит о том, что данных регионах национально-гражданская российская идентичность имеет тренд не только к возрастанию, но и к углублению – в немалой степени за счет эмоциональной сферы.

В Забайкальском крае идентифицирующие позиции также не столько очевидно выражены, как в двух предыдущих субъектах, однако доминирующей идентификационной позицией выступила значительная близость к людям своего поколения (56,1%) и жителям своего города, села (53,8%), на третьем месте – профессиональная идентичность (47,0%). Таким образом, в данном регионе мы фиксируем исключительно базовые идентичности.

В Омской области доминантами выступили локальная идентичность (63,0% выборов), поколенческая идентичность (61,7%) и идентичность региональная (60,1%).

Таким образом, мы видим, что идентичность россиян, жителей шести регионов Российской Федерации – действительно сложный и многовариантный конгломерат новой российской идентичности: социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что распространение позитивных смыслов при идентификации россиян имеет очевидную региональную специфику.

Проверка предварительных прогнозов о зависимости эмоционального восприятия идентифицирующих позиций от социально-демографических характеристик опрошенных позволила выявить достоверные зависимости лишь по ряду идентификаций.

Итак, ощущение значительной близости к некоторым общностям сограждан достоверно связано с самооценкой уровня материальной обеспеченности.

Чем богаче ощущает себя гражданин, тем сильнее у него выражена государственно-гражданская идентичность: близость к гражданам России ощущает 33,3% очень бедных опрошенных и 45,8% очень богатых и, наоборот, чувствуют себя гражданами России крайне редко 33,3% очень бедных и 14,7% очень богатых. Хотя заметим, что богатые чувствуют себя гражданами России преимущественно в небольшой степени (41,7%), бедные и средне обеспеченные в значительной степени (39,8% и 39,7% соответственно), а вот очень бедные респонденты в равной мере как очень близки, так и очень далеки в общности сограждан (по 33,3% выборов).

У респондентов, воспринимающих себя как очень бедных, слабее выражена и региональная идентичность. Так, ощущают себя жителями своего края, области 20,5% очень бедных, 34,3% бедных, 34,7% обеспеченных на среднем уровне 36,9% достаточно обеспеченных и 45,8% не нуждающихся ни в чем. Доля тех, кто ощущает региональную идентичность в группе очень бедных почти в два раза больше, чем в других группах, дифференцированных по уровню благосостояния, а среди очень и просто бедных – в два раза больше те, кто никогда не связывал себя с общностью жителей края, области. При этом в группе очень богатых вообще нет тех, кто никогда не ощущал региональной идентичности.

Любопытно, что одна из базовых идентичностей – профессиональная – также достоверно зависима от оценок уровня материального благополучия респондентов. Респонденты, считающие себя очень бедными, реже прочих групп населения идентифицируют себя с профессиональным сообществом (в значительной степени – 17,5% и не ощущают близости 27,5%, ощущают ее крайне редко – 27,5%). Однако такая ситуация находит объяснение в том, что полагающие себя очень бедными опрошенные чаще не относятся в настоящий момент к работающей части населения: в группе очень бедных 28,2% составляют неработающие пенсионеры, 23,1% – безработные, и лишь 23,1% – наемные работники коммерческих организаций, 10,3% – работники бюджетных организаций, студенты (5,1%) и прочие работающие.

Понятна и зависимость идентификации с группами схожего уровня материальной обеспеченности от самооценки финансовой состоятельности.

Ряд идентификаций – локальная, этническая, религиозная, поколенческая, профессиональная и экономическая достоверно связаны с религиозной принадлежностью респондентов. Так, локальная идентичность максимально выражена у протестантов (50,0% выборов «в значительной степени») и православных (42,7% аналогичных выборов) и не входит в число доминант у католиков (37,5% выборов «не ощущаю близости»).

Осознание этнической принадлежности на 100,0% приоритетно у иудеев, в 47,8% случаев выступает в качестве доминирующей идентификации у мусульман, и в 36,5% – у православных. А вот 37,5% католиков свободны от ощущения

своей этничности. Интересно, что католики также далеки (в 50,0% случаев) и от сообщества представителей своей веры.

Поколенческая идентичность устойчиво выражена у иудеев (100,0%), православных (43,9%) и мусульман (43,5%). А профессиональная – у протестантов, которые либо в значительной степени (50,0%) либо в небольшой степени (50,0%) ощущают принадлежность к людям своей профессии. Представители прочих конфессии лишь менее чем в трети случаев указывают на значимость профессиональных идентификаций, которые наименее выражены у католиков (12,5% выборов «в значительной степени»).

Отнесение себя к группе людей со схожим достатком доминирует у православных (33,4%), лишь в небольшой степени проявляется у протестантов (100,0%), католиков (50,0%) и мусульман (40,0%) и в 100,0% случаев крайне редко проявляется у иудеев.

Некоторые идентичности, как уже ранее отмечалось, достоверно определяются профессионально-квалификационным статусом опрошенного. Так, гражданская идентичность в значительной степени доминирует у наемных работников коммерческих организаций (41,7%), пенсионеров (40,3%), бюджетников (39,0%) и руководителей (38,6% в бюджетной сфере, 38,9% – в коммерческой). Региональная идентичность максимально выражена у студентов вузов (41,3%) и руководителей-бюджетников (37,6%), при этом почти пятая часть (20,7%) учащихся ПТУ, колледжей не ощущает близости к жителям своего региона.

Этическая идентичность важна практически в равной мере для представителей всех профессиональных групп (в диапазоне от 30,8% до 37,9%, и лишь только для пятой части учащихся ПТУ (20,7%). Профессиональная идентичность важна практически в равной для руководителей всех сфер, а наименее, что объяснимо для студентов вузов (26,0%) и учащихся всех типов средних учебных заведений.

Идентификация с группой схожих политических воззрений максимально сильна в группе руководителей НКО (34,0%) и руководителей-бюджетников (29,7%) и наименее выражена во всех группах учащейся молодежи (студенты – 36,6% крайне редко и вообще не ощущающих близости, учащиеся ПТУ, техникумов – 44,8%, учащиеся школ, лицеев – 100,0%).

Поколенческая идентичность также обнаружила закономерно достоверную зависимость от возраста опрошенного: связь со своим

поколением доминирует в группах самого младшего возраста (4,4% в группе от 18 до 24 лет) и пенсионеров (60 лет и старше, 49,7%). Единственная достоверная зависимость от гендерно принадлежности опрошенного выявлена только в отношении религиозной идентичности, которая чаще в значительной степени выражена у женщин (30,0%, 26,4% мужчин).

Проживание в городской или же сельской местности будет определять приверженность своему городу, селу: так локальная идентичность существенно более выражена у сельчан (46,2%), нежели чем у горожан (37,4%); а также доминанту поколенческой связи: в значительной степени ощущают близость к людям своего поколения 46,7% сельчан и 38,7% жителей городов.

Литература:

1. Omelchenko D., Maximova S., Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National identity and patriotism among russian youth: representations, feelings and actions // Asian Social Science. 2015. Т. 11. № 6. С. 27-36.

2. Noyanzina O., Maximova S., Goncharova N., Omelchenko D., Avdeeva G. Interethnic generalizations and stereotypes in mental representations of image of 'the other' in social representations of Russian population // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 185. С. 179.

ПОТЕНЦИАЛ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ К ГАРМОНИЧНОМУ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Сытых О.Л., г. Барнаул (Россия)

Современный период общественного развития характеризуется широким распространением различных технологий, направленных на манипулирование общественным мнением, использованием методов и технологий информационно-психологического воздействия на людей в СМИ и, прежде всего, в социальных сетях. Сегодня это – явление нашей повседневности, это способ политической борьбы и экономической конкуренции, это попытка изменить геополитическую ситуацию в мире и отношении людей к политике, сформировать негативное отношение к определенным странам, народам и национальностям.

Манипулирование, как правило, осуществляется в интересах отдельных групп людей, политиков, общественных организаций, правительств, международных структур и др. Сегодня в образе главного врага мирового сообщества в западных СМИ выступает Россия, а русский человек рисуется этими же СМИ человеком агрессивным и опасным.

Среди приемов информационно-психологического манипулирования активно используемых сегодня: навешивание ярлыков, ссылка на авторитеты, свидетельства и другие. А к признакам скрытой манипуляции относятся изъятие из контекста фактов и проблем из реальной действительности, замалчивание и смещение информации, активизация стереотипов, усиление значения фактов, и прямая дезинформация. Поэтому возрастает роль гуманитарных дисциплин – истории, философии, социологии, политологии и других, в обучении умению отличать правдивые источники информации от вводящих в заблуждение.

СМИ и социальные сети широко используются для разжигания национальной и религиозной вражды. Достаточно вспомнить недавние события на Украине (2014-2015 гг.), которые сопровождались для украинского народа прекращением «российского вещания», усиленной пропагандой в СМИ Украины героических подвигов Степана Бандеры, рассказами о «проклятых москалях», воссоединение с которыми привело к нищете украинского народа, попытками возложить всю вину за события в Донбассе на Россию. Думается, что в разгар украинских событий СМИ стали одним из главных средств борьбы. Ведение информационной войны против братских народов было весьма заметно.

Предполагается, что в идеале СМИ должны формировать объективную картину дня на основе проверенных фактов. Но замалчивание сведений, преувеличение или принижение значения фактов уже рождает манипуляцию общественным сознанием, т.к. не позволяет людям правильно ориентироваться в событиях. Но в настоящее время СМИ, информационные порталы и социальные сети часто занимают сознательной дезинформацией, тенденциозными трактовками событий. Противостоять всему этому трудно, но высокообразованный человек имеет больше шансов не быть обманутым и разобратся в «потоке информации».

Образованию принадлежит важная роль в формировании мировоззрения, в том числе и его ценностной компоненты. «Ценности пронизывают всю социальную жизнь человека, они

неотделимы от общества и выражают уровень его нравственного состояния» [1, с. 216]. Система высшего образования определяет степень воспроизведения культурных ценностей, доминирующих в конкретном обществе. Процесс образования изначально социален по своей сущности, он может устранять причины дегуманизации человека и общества и противостоять негативным явлениям, в том числе и манипулятивным воздействиям СМИ. Образование призвано воспроизводить ценности общества, оказывать решающее влияние на формирование аксиологических оснований культуры.

В самом общем, философском смысле, образование – придание человеку человеческой сущности через формирование общечеловеческих ценностей. Сведение образования к передаче объективных знаний о мире, что можно иногда наблюдать, – это попытка сузить функции образования.

Выполнение сущностной гуманистической функции образованием связано с осуществлением его гуманизации и гуманитаризации. Гуманизация предполагает формирование у человека широкой мировоззренческой культуры, органичного и толерантного восприятия общечеловеческих ценностей, потребности в индивидуальной ответственности за самостоятельный и свободный выбор жизненной позиции. Гуманитаризация образования означает насыщение образовательных программ освоением разнообразных гуманитарных дисциплин. В школах это, прежде всего, – история, литература, обществознание; а в ВУЗах – философия, право, культурология, история, иностранный язык и др.

Однако, если посмотреть на изменение стандартов высшего образования за последнее десятилетие, то можно заметить уменьшение часов, отводимых на изучение гуманитарных дисциплин. Это проявляется и в том, как постепенно уменьшается количество обязательных дисциплин данного цикла. Так, в соответствии с последним стандартом по направлению «Социология» (бакалавриат) обязательными для изучения дисциплинами являются философия, история, иностранный язык, безопасность жизнедеятельности, физическая культура и спорт. Из всех этих обязательных дисциплин количество часов определено только на физическую культуру и спорт. Все это в рамках 1 блока, имеющего базовую и вариативную части. На 1 блок отведено 216-222 единицы [2]. Объем, содержание и порядок изучения философии, истории, иностранного языка, безопасности

жизнедеятельности определяется организацией самостоятельно. Отметим, что еще совсем недавно кроме этих дисциплин социогуманитарного цикла в ВУЗах было обязательным изучение таких дисциплин как «Культурология», «Политология», «Правоведение», «Психология и педагогика», «Русский язык и культура речи», «Экономика». Их знание считалось важным аспектом формирования высокообразованного человека, человека с высшим образованием.

Нетрудно понять и предвидеть, что в условиях сокращения недельной учебной нагрузки (тенденция, заданная Министерством образования и науки), а следом и преподавательского состава все пойдет по пути уменьшения времени на гуманитарные дисциплины. Что касается вариативной части, то в ней, на вряд ли, найдется место для еще «недавно обязательных дисциплин», таких как культурология, культура речи и др. Они часто заменяются дисциплинами, связанными с профессиональной подготовкой по содержанию и напоминающие, что они могут быть отнесены к блоку социогуманитарных дисциплин лишь по названию, так как взятый курс на «профессионализацию высшего образования» очень трудно осуществить, учитывая сокращение времени на аудиторную работу и увеличивая времени на самостоятельную подготовку студентов.

Таким образом, при формировании предусмотренных стандартом общекультурных компетенций (а их в стандарте 9) следует исходить из ситуации, определяемой реформированием высшего образования и включающей несколько моментов, которые следует учитывать

- 1) Постоянное сокращение часов на гуманитарные дисциплины.
- 2) Увеличение времени на самостоятельную работу студентов, которая не входит в нагрузку преподавателю.
- 3) Профессионализацию образования.

Задача образования – работать над созданием (формированием) человека по определенному образу. Высшее образование – очередной этап социализации, имеющей целью и дальнейшее формирование личности, и профессиональную подготовку. А в связи с решением одной части этой задачи возрастает значение социогуманитарных дисциплин. Именно их преподавание решает «стандартную» задачу – формирование общекультурных компетенций. Социолог-бакалавр должен обладать:

- способностью использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческих позиций (ОК-1);

- способностью анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования мировоззренческих позиций (ОК-2) [2].

Формирование мировоззренческих позиций предполагает воспитание толерантности, веротерпимости и др. базовых ценностей современного общества. Такой образ человека должен стать итогом социализации в XXI в., когда глобализация становится важной характеристикой мирового развития.

Предметы социогуманитарного цикла должны способствовать решению этих задач. И здесь следует остановиться, прежде всего, на возможностях, открываемых для этого такими обязательными для изучения в вузах предметами как «История» и «Философия».

Изучение истории может стать хорошей подготовкой к гармоничному национальному взаимодействию. Знание истории предполагает знание развития страны, которое длительное время проходило и в определенной степени продолжает проходить в единстве и взаимодействии всех народов страны (хотя круг этот после распада СССР значительно сузился). В трудные и важные периоды развития страны люди, независимо от национальности объединялись в единые сплоченные коллективы. Война 1941-1945 гг., эпоха послевоенного восстановления, ударные комсомольские стройки, поднятие целины – все это требовало героических усилий и миллионы граждан в едином порыве отзывались на эти требования. Задача преподавателя раскрыть и подчеркнуть именно эту сторону истории страны, что, безусловно, должно способствовать воспитанию чувства уважения ко всем народам, ее населяющим.

Важным аспектом преподавания истории является представление истории страны на фоне мировой истории. Понимание сложного развития европейской истории XX в., противоречий между странами, приведших к мировой войне, осознание, что война – это бедствие для всех народов и, наконец, проникновение в идею единого исторического процесса, связывающего судьбы всех людей, бесспорно, будет способствовать лучшему пониманию «других» и признанию права на жизнь и собственный выбор истории, религии и культуры любым народом мира.

Таким образом, мы остановились на двух моментах преподавания истории, важных с точки зрения воспитания

толерантности и уважения к народам страны и мира. Но этот ряд легко продолжить. Очень важно здесь найти разумное сочетание, с одной стороны, гордости за свою страну и свой народ с глубоким уважением и признанием заслуг и подвигов других народов.

Особое значение для формирования почтительного отношения к людям разных национальностей и культур имеет преподавание «Философии». Оно разделено обычно на два блока. Первый блок – историко-философский. Второй блок – основные проблемы философии. В первом блоке рассматриваются достижения философской мысли от античности до современности. И здесь задача преподавателя – показать, что великие мыслители были представителями разных национальностей и культур и каждый из них своими идеями внес вклад в развитие человеческой истории и цивилизации. Достижения отдельных личностей стало достоянием человечества и их мыслями и проектами человечество движется вперед по пути прогресса.

Еще большие возможности для подготовки студентов к гармоничному межнациональному взаимодействию открываются изучением актуальных проблем философии. Особенность философских проблем состоит в том, что они вечны и всегда актуальны. Возникнув в античности (в трудах Платона, Аристотеля и др. великих мыслителей древности), проблемы духовности, сущности человека, совершенного политического устройства, добра и красоты и сегодня являются актуальными. И их понимание важны для решения проблемы диалога культур и народов, для мирного и гармоничного сосуществования разных национальностей и культур. Понимание единства человеческой истории, хрупкости бытия человека и социума при изучении проблемы человека, общества, глобальных проблем современности с неизбежностью обращает взор студентов к проблеме важности решения любых межнациональных споров и межгосударственных «трений» мирным путем.

Сегодня изучение этих гуманитарных дисциплин (истории, философии) (будет эффективным при учете тех моментов, которые были обозначены выше (сокращение часов на гуманитарные дисциплины, увеличение времени на самостоятельную работу студентов). Как это можно сделать? В первую очередь, используя активные методы обучения и новые технологии.

Ведущую роль здесь должны иметь семинары, творческие дискуссии, круглые столы, коллоквиумы и т.д., на которых бы

обсуждались те проблемы, которые не только касаются непосредственно молодежной аудитории, но и имеют гуманитарную направленность. Обсуждение самостоятельно подготовленных студентами докладов, проведение деловых игр, творческие дискуссии, круглые столы, коллоквиумы и т.д. должны стать основными методами работы в студенческой аудитории. При этом должны обсуждаться как проблемы, которые касаются непосредственно молодежной аудитории, так и проблемы гуманитарной направленности. Главное – это проведение занятий в форме диалогов и усвоение того, что самые сложные проблемы, а к таким часто и относятся проблемы межнационального взаимодействия могут и должны решаться путем обсуждения, поиска компромисса на основе понимания, возникающего в диалоге.

Широкое использование технических средств и сетевых ресурсов восполняет недостаток аудиторных занятий и открывает новые возможности для эффективной самостоятельной работы. Они позволяют студентам самостоятельно осваивать материал при направляющей и контролирующей роли преподавателя. И здесь очень важно правильно подобрать материал и порекомендовать его студентам для просмотра и прослушивания, который бы давал образцы гармоничного межнационального общения. А такой литературы – классических литературных, исторических и философских произведений достаточно и они вполне могут использоваться в преподавании, при самостоятельной подготовке студентов.

В итоге отметим, что именно хорошая гуманитарная подготовка студентов – основа для решения многих проблем, стоящих сегодня перед мировым сообществом, в том числе, и такой актуальной проблемы – как формирование гармоничного межнационального взаимодействия.

Литература:

1. Сытых О.Л. Мир ценностей российской молодежи в контексте динамики современного социума // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2/2. С. 216-219.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Бакалавриат. 39.03.01 – социология. Принят Министерством образования и науки РФ 12 ноября 1915 г. URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/documents/2015/39.03.01_sociologia.pdf

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И МОЛОДЕЖНЫЕ ОБМЕНИ: РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ В ОЦЕНКЕ ПОЛЕЗНОСТИ²

Омельченко Д.А., г. Барнаул (Россия)

Реализация внешнеполитических интересов России посредством «мягких» стратегий, общественной дипломатии оказывается наиболее подходящей стратегией, противопоставленной и отчасти подкрепляемой публичной демонстрацией «силового» могущества, способной привести к существенным результатам в интеграционных проектах, в том числе на постсоветском и, шире, евразийском пространствах [2, 3, 4]. В стране имеются потенциал и опыт деятельности для продвижения такого рода инициатив, созданы соответствующие государственные и общественные структуры (такие как Россотрудничество, фонд «Русский мир» и др.), обеспечивающих их реализацию. Несмотря на сложность и противоречивый характер региональных интеграционных процессов, а также трудностей связанных с приспособлением государств к новым геополитическим реалиям, большинством евразийских стран осознается потребность в совместных действиях для обеспечения региональной безопасности и стабильности, создания благоприятного экономического и политического климата, развития культурного международного сотрудничества.

Формированию открытой и прозрачной политики государств постсоветского пространства отчасти уже способствовали создание Таможенного союза и запуск механизмов единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Одной из наиболее успешных попыток более широкой евразийской интеграции является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

На Россию в 2014-2015 гг. была возложена почетная и ответственная миссия председательства в ШОС. Одним из важнейших приоритетов, наряду с обеспечением региональной и экономической безопасности, являлось наращивание культурных и

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00196 «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций «образа другого» (2014–2016).

гуманитарных связей, в том числе активизация молодежных обменов и туризма. Государственный заказ на интенсификацию международных связей молодежи был четко артикулирован и поддерживался многочисленными молодежными мероприятиями, проходимыми под «маркой» ШОС: форумами и фестивалями, летними школами, лагерями и т.д. Так, в Алтайском крае дважды проходили Молодежные форумы ШОС по предпринимательству и приграничному сотрудничеству, в июле 2015 г. в Уфе прошел Первый молодежный форум стран БРИКС и ШОС, на котором обсуждались возможности будущего сотрудничества в области науки, культуры, образования и управления инновациями. В рамках объявленного года молодежных обменов между Россией и Китаем (2014-2015 гг.) проведено более 200 мероприятий разного уровня, направленных на взаимное сближение и сотрудничество молодежи двух государств. Важным шагом на пути к интенсификации молодежных обменов стала инициатива по созданию Международной карты молодого человека государств-членов ШОС (SCOYouthcard), которая должна стать не только удостоверением личности, но и возможностью получить значительные льготы на транспортные расходы, проживание, обучение, питание.

Международный опыт уже доказал высокую эффективность обменных программ в решении задач воспитания молодежи, формирования кадрового потенциала молодых лидеров, удержания в орбите информационного влияния потенциальных политических элит тех стран, с которыми имеются наиболее важные и перспективные отношения. Требуется отразить и представить строгий научный анализ полученному российскому опыту осуществления международного сотрудничества в рамках международных обменных программ в рамках евразийской интеграции, дать оценку имеющимся возможностям и перспектив, проблем и ограничений.

Термины «молодежные обменные программы» и «международные молодежные обмены», несмотря на распространенность употребления, не получили четкого определения, поскольку подразумевается, что содержание данных понятий не вызывает сомнения и не может быть понято различными способами. Между тем, учитывая различную направленность и тематику мероприятий, которые попадают под категорию «обменных программ», содержание понятия существенно варьирует в зависимости от контекста употребления.

При употреблении данных выражений в *широком смысле* подразумевается: акцент не только на международных, но и межрегиональных связях, выстраиваемых в ходе молодежного обмена (таким образом, для молодежного обмена становится необязательной поездка в другую страну), подразумевается; требование взаимности посещений, не предполагающее, тем не менее, абсолютного требования симметричности (так называемого эквивалентного обмена); широкий спектр направлений молодежного сотрудничества, куда входит молодежная политика, работа с молодежью, межкультурная коммуникация и прочее. В таких определениях отсутствуют какие-либо ограничения относительно возраста участников, сроков осуществления, направлений деятельности. Таким образом, молодежными обменов могут считаться практически любые мероприятия с участием молодежи, проживающей в разных регионах страны или государствах, в ходе которых происходит взаимодействие, обмен опытом и мнениями, культурное взаимообогащение.

Под международным молодежным обменом в *узком смысле* понимается проект сотрудничества молодежных групп, способствующий межкультурному общению, взаимопониманию и воспитанию уважения к представителям других культур, который разработан и организован непосредственно молодыми людьми на определенную тему. Обычно уточняется, что молодежный обмен не является академической образовательной поездкой и не предназначен для получения прибыли, не включает туристический компонент и участие в таких мероприятиях, как фестивали, языковые курсы, школьные обмены, спортивные состязания, гастроли творческих коллективов, трудовые лагеря и др. В зависимости от количества вовлеченных стран, проекты могут быть двух-, трех- или многосторонними. Двухсторонние молодежные обмены оправданы, когда проект является для организации первым случаем международного сотрудничества или предусматривает участие группы, у которой нет опыта взаимодействия на европейском уровне [1, 5]. Таким образом, под молодежными обменами в рамках данных программ понимается крайне ограниченная по формату преимущественно проектная деятельность молодежи, основанная на неформальных методах обучения.

Для оценки уровня удовлетворенности различными аспектами программ молодежных обменов, организованных в

странах-участницах Шанхайской организации сотрудничества было проведено социологическое исследование, охватившее представителей более десяти стран, в котором приняли участие 449 молодых лидеров, участвовавших в программах обмена (культурных, академических, профессиональных) в возрасте от 18 до 35 лет. Для анализа применялась совокупность показателей, оцениваемых респондентами по десятибалльной шкале и оцениваемых с помощью мер центральной тенденции, статистических инструментов сравнения средних значений (t-критерий Стьюдента, однофакторный дисперсионный анализ), регрессионных моделей:

- организация и проведение программы обмена (расписание, техническое оснащение, раздаточный материал и прочее);
- языковая помощь (проведение языковых курсов, помощь переводчика и т.д.);
- информационное сопровождение (своевременное получение важной информации, возможность получения консультаций и т.д.);
- документационное сопровождение (помощь в получении визы и прохождение процедур миграционного контроля, своевременное уведомление о необходимости подготовке документов, выдача дипломов и сертификатов и т.д.);
- система социальной поддержки (льготы, стипендии, материальная помощь);
- личная (персональная) полезность (для саморазвития и личностного роста, повышения профессионального уровня);
- польза для организации (если участие в программе молодежного обмена от организации);
- культурно-просветительская программа (знакомство с культурным наследием, обычаями, традициями народа, историей страны и пр.).

Анализ средних значений по шкалам показал, что большинство респондентов высоко оценивали уровень подготовки и проведения программ, в которых они участвовали, все средние значения находились выше 7,0 баллов. Выше всего оценивалась личная полезность, проявляющаяся в возможностях личностного роста, саморазвития, повышения профессионального уровня (среднее значение 8,15 баллов), а также культурная составляющая, позволяющая познакомиться с культурным наследием, историей, обычаями и традициями принимающей страны, погрузиться в повседневную жизнь ее жителей, наладить

межкультурный диалог. Наименьшие оценки были получены по показателю социальной поддержки (7,39 баллов), логическим образом связанному с финансовыми условиями программы. Следовательно, можно утверждать, что участие в программе молодежного обмена оценивалось исходя, прежде всего, из возможности получения важных личностных и социокультурных компетенций, тогда как факторы организационного порядка оценивались ниже и являлись менее значимыми для участников.

Ключевым фактором, определяющим вариативность оценок, являлась страна гражданства участника исследования. По обобщениям полученных различий в средних было выявлено три группы стран, внутри которых респонденты давали согласованные оценки. Первую группу составили жители Таджикистана и других стран, не входящих в состав Шанхайской организации сотрудничества, давших по всем показателям самые низкие оценки. Во вторую группу вошли респонденты из России и Китая, оценки которых занимали промежуточное положение, а в третью – респонденты из Кыргызстана и Казахстана, оценки которых были максимальными, существенно превышающими оценки представителей других стран.

Обобщая полученные результаты анализа уровня удовлетворенности от участия в программе молодежного обмена, стоит подчеркнуть принципиальные факторы, определяющие направленность и выраженность оценок.

На первом месте в ряду критериев, по которым оценивается участие в программе, стоит возможности получения важных личностных выгод в виде социального и человеческого капитала, оцениваемых субъективно на основе индивидуального опыта и принадлежности к той или иной социокультурной и демографической группе. Так резкое снижение оценок характерно для респондентов мужского пола и более молодых участников, а также тех, кто в ходе прохождения программы встречался с определенными трудностями и был вынужден вкладывать собственные средства.

Наиболее востребованными и вызывающими наибольшее удовлетворение среди молодежи являлись краткосрочные программы культурных обменов, подготовка и проведение которых оценивалась наиболее высоко, тогда как среднесрочные и долгосрочные программы академической мобильности оказывались не вполне неконкурентоспособными по качеству проведения, личной и организационной эффективности.

К сожалению, как для российской молодежи, так и для молодых людей из стран ШОС и дальнего зарубежья, Россия и страны ШОС пока не рассматриваются в качестве достойной альтернативы международным молодежным программам мирового уровня, молодежь по-прежнему ориентирована на получение опыта участия в программах обмена в странах Запада. Вместе с тем, по мере усиления интеграционных процессов на евразийском пространстве возникает необходимость не только интенсификации молодежных обменных программ, но переориентации устремлений и ожиданий молодежи на евразийские ценности и модели поведения.

В отличие от отдельных параметров оценки удовлетворенности, детерминированных индивидуально-личностными факторами, совокупность оценок определялась социоструктурными факторами, опосредующими восприятия программы обмена с позиций определенного государства, ее образовательной системы и инфраструктуры молодежной политики (развитости сетей молодежных организаций и структур).

Оценка личной полезности существенно варьировала в группах участников, выделяемых на основе стран гражданства. Если для стран дальнего зарубежья на первый план выходили образовательные и культурные компоненты и качество организации мероприятий, то для России важную роль играла финансовая поддержка, обусловленная относительно неблагоприятным материальным положением и невозможностью участвовать в программе за собственные средства. Для молодых людей из Казахстана приоритетом являлось налаживание межкультурного диалога, тогда как образовательный компонент выступал в качестве вторичного и не доминирующего фактора. Молодежь, приезжающая из дальнего зарубежья, в наибольшей степени была обеспокоена соблюдением правовых норм, связанных с легальностью пребывания на территории и получением лингвистической поддержки.

Понятие организационной полезности также было связано с различными показателями, показывающими особенности и уязвимые места в данных организациях. Для России одним из важных факторов являлась важность получения языковой поддержки, совместно с Таджикистаном выявилась проблема информационного сопровождения, эффективной коммуникации в процессе проведения программы. Важным фактором для участников из Кыргызстана являлось документационное

обеспечение процедур подтверждения и сопровождения участия в программе. Таким образом, повышение качества различных компонентов обменных программ, реализуемых в России, учет в процессе разработки программ обмена особенностей приглашаемой страны может стать важным шагом на пути к продвижению молодежных обменов в странах-участницах ШОС, активизации молодежной активности и налаживания более тесных связей между нашими странами.

Литература:

1. Erasmus+ Programm Guide [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/documents/erasmus-plus-programme-guide_en.pdf (дата обращения 01.06.2016).
2. Лазутина И.В., Нагорнов В.А., Рахмангулов М.М., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Систематизация лучших зарубежных подходов к реализации политики "мягкой силы" // Вестник международных организаций. 2014. № 2. С. 229–245.
3. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО университета. 2014. № 2 (35). С. 47–55.
4. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Молодежные обмены между странами участницами Шанхайской организации сотрудничества. Барнаул, 2015.
5. Молодежь в действии [Электронный ресурс]. URL: <http://youth-in-action.ru/index.php?id=MS40> (дата обращения 01.06.2016).

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ КАК ВЫЗОВ И КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ ОБЩЕСТВА³

Гончарова Н.П., г. Барнаул (Россия)

В последние 5-10 лет социальная сплоченность рассматривается в качестве приоритетной концепции развития современных обществ, прежде всего европейских, и ориентирована на повышение степени социальной

³ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций «образа другого» (проект № 14-06-00196)

справедливости, социокультурной интеграции, стирание социально-экономических различий внутри отдельных социумов с целью достижения их гомогенности и устойчивости [2, с. 66].

Причины разработки концепции в конце XX в. связаны с увеличением во многих странах ЕС разрыва между интересами социальных групп, дезинтеграцией современных обществ и индивидуализацией их членов [6]. И если в Европе данная концепция получила полное признание, то в России ее основные положения пока только обсуждаются [2, с. 66]. Проблематика социальной сплоченности в нашей стране пока не является предметом массового обсуждения ни в структурах власти, ни в академических кругах [9, с. 36].

Это подтверждается и тем фактом, что во многих государствах Западной Европы вопросам социальной сплоченности уделяется повышенное внимание на протяжении уже нескольких десятилетий. На ее поддержание и укрепление мобилируются все властные структуры, бизнес, научное сообщество, институты гражданского общества. В некоторых из этих западноевропейских государств термин «социальная сплоченность» входит в названия министерств социального блока (Франция, например) [9, с. 36].

Социальная сплоченность является показателем и результатом зрелости гражданского общества, поскольку подразумевает «интеграцию общества, поддержание порядка в обществе, обеспечение социального и национального согласия, предотвращение отчуждения масс от власти» [8, с. 900].

Что же стоит за этим термином, как и почему он связан с миграцией, мигрантами и их идентичностью? И почему на поддержание и укрепление социальной сплоченности тратятся большие средства? [9, с. 36].

Ответ на эти вопросы очевиден: широкомасштабные мировые миграционные потоки – это вызовы современности, наряду с другими (значительная поляризация людей по экономическому статусу, отсутствие стабильной занятости даже в развитых странах, «демографическая яма», тотальное ухудшение состояния здоровья людей, недоступность социальных, медицинских, образовательных и иных услуг широким слоям населения, криминализация общества, коррупционный механизм многих социально-экономических и политических действий) представляющие реальную угрозу устойчивому развитию многих государств и способствующие нагнетанию напряженности в

обществах. Актуальность создания и внедрения концепции социальной сплоченности, социальной консолидации обусловлена необходимостью поиска способов оптимального реагирования на эти вызовы современности [2, с. 66-67].

Между тем, общепринятого определения социальной сплоченности в мировом сообществе нет. Как отмечает Т.Н. Юдина [9, с. 37], в Совете Европы под социальной сплоченностью предлагается понимать «способность общества обеспечивать благополучие своих членов, сводить к минимуму неравенство и избегать поляризации общества. Сплоченное общество – это такая община, которая состоит из свободных граждан, выполняющих общие задачи демократическим путем».

Главное управление социальной сплоченности при Европейском совете [1, с. 5], под социальной сплоченностью предлагает понимать понятие, включающее в себя ценности и принципы, направленные на обеспечение для всех граждан равного доступа к основным социальным и экономическим правам. Кроме того, общее понимание данного феномена заключается в общественном благополучии, гармоничных и стабильных социальных отношениях как неотъемлемой составляющей социально-экономического прогресса и мирного сосуществования [5, с. 8].

Миграция как динамичное явление является определяющим фактором современного мира. По оценкам экспертов ООН, общее число международных мигрантов к 2016 г. составило 244 млн. чел. За 2010-2015 гг. оно увеличилось на 12%, а с 2000 г. – на 41% (за 15 лет). Детерминирующий характер миграции создает не только проблему интеграции мигрантов в принимающее общество и их доступ к правам и ресурсам, но и проблему роста многокультурности, которая приводит ко все большему многообразию обществ [9, с. 39].

И одним из наиболее очевидных последствий миграции является рост идентичностей в рамках одного национального пространства. В этом есть как положительные, так и негативные моменты. В частности, новые культурные идентичности являются серьезными вызовами целостности ценностей, на которых основаны общества Европы. Сегодня на фоне значительных миграционных потоков и вынужденного соседства людей разного происхождения, вероисповедания, культуры важнейшим фактором социальной сплоченности выступает обмен между культурами и приятие другой культуры. Безусловно, это

способствует взаимному обогащению культур и предполагает высокий уровень толерантности в обществе. От мигрантов в этом случае требуется готовность приспосабливаться к культурным нормам и традициям принимающей страны без отказа от своей самобытности и культурных корней [9, с. 41].

Действительно, культура – «цемент общественных отношений» не только потому, что она передается от одного человека к другому в процессе социализации и контактов с представителями иных культур, но также и потому, что формирует у людей чувство принадлежности к определенной общности, т.е. чувство идентичности. Как отмечается в многочисленных публикациях, в частности, в статье М.И. Черепановой [7], этническая идентичность – это часть социальной идентичности личности, которая относится к осознанию своего тождества с определенной этнической общностью. Этническая идентичность выступает мощным фактором формирования этнических групп и их социальных связей. Следовательно, идентификация с большой социальной (этнической) общностью может служить показателем социальной сплоченности общества.

Вместе с тем идентификация может выступать достаточно сильным катализатором массового поведения и политического действия (особенно в кризисном обществе). В соответствии с субъективно определяемыми идентификациями человек организует и направляет свое поведение. Поэтому распространенность определенной групповой идентификации может представлять угрозу развитию социума, его социальной консолидации [3].

В целях анализа межнациональных отношений, гражданской и этнической идентичности населения в 2016 году в Алтайском крае проведено социологическое исследование по квотной выборке (n=1200).

Оценивая отношения между людьми различных национальностей в своем населенном пункте, подавляющее большинство респондентов Алтайского края охарактеризовали их как нормальные, бесконфликтные – 69,6%. Доброжелательными, способствующими общественному согласию такие отношения видятся 14,1% опрошенных. В то же время есть группа респондентов, считающих, что отношения между людьми различных национальностей в их населенном пункте напряженные, конфликтные – 7,5%, или даже взрывоопасные – 0,5%.

Сельские респонденты в 1,7 раза чаще считают, что отношения между людьми различных национальностей в их населенном пункте доброжелательные (18,2% против 10,6%). Горожане же больше склонны думать, что межнациональные отношения в их населенном пункте напряженные и конфликтные – 10,2% к 4,5% у сельских жителей, или даже взрывоопасные – 0,6% (среди селян таких 0,4%) (значимость различий – χ^2 , $p \leq 0,05$). В целом, большинство опрошенных городских и сельских жителей считают, что отношения между людьми различных национальностей в их населенном пункте нормальные, бесконфликтные (69,4% и 69,7% соответственно).

По-разному характеризуют межнациональные отношения в населенном пункте и группы респондентов, дифференцированные по национальности. Так, русские чаще других национальностей (71,3% к 60,9%) считают эти отношения нормальными, бесконфликтными (значимость различий – χ^2 , $p \leq 0,05$). Представители других национальностей немного чаще, чем русские полагают, что отношения между людьми различных национальностей в их населенном пункте доброжелательные, способствующие общественному согласию (16,8% против 13,6%). В то же время, респонденты других национальностей почти в 3 раза чаще русских характеризуют эти отношения как напряженные, конфликтные (16,3% к 5,7%).

Большинство опрошенного населения Алтайского края отмечает, что в их городе, районе проживания межнациональная напряженность не ощущается, причем 58,2% думают, что скорее не ощущается, и 29,2% – определенно не ощущается. Определенно чувствуют межнациональную напряженность лишь 1,2% опрошенных, и скорее ее ощущают 6,2%. Представители старшей возрастной группы 50-70 лет чаще других групп отмечают, что в их населенном пункте межнациональная напряженность определенно не ощущается – 35% (против 26,3% у 30-49-летних опрошенных и 25,4% у молодежи). В то же время молодежь чаще остальных скорее ощущает межнациональную напряженность в их городе/районе – 9,3% (против 6,2% у 30-49-летних и 3,9% у 50-70-летних опрошенных) (значимость различий – χ^2 , $p \leq 0,05$).

Сравнивая мнения опрошенных городских и сельских жителей, мы выявили, что они практически идентичны. Вместе с тем, сельчане больше склонны не чувствовать межнациональную напряженность в месте их проживания – в сумме 89% опрошенных сельских жителей указали, что они не ощущают

межнациональную напряженность в том районе, где они живут, среди городских респондентов таких 86,2% (значимость различий – χ^2 , $p \leq 0,05$).

Анализируя мнения представителей разных национальностей относительно ощущения межнациональной напряженности, мы можем отметить, что как русские, так и представители других национальностей практически одинаково не ощущают эту напряженность: 59,2% опрошенных русских и 53,5% других национальностей скорее не ощущают межнациональной напряженности, 28,4% и 33,2% соответственно – определено не ощущают. Тем не менее, среди тех, кто считает, что в их месте проживания ощущается межнациональная напряженность, преобладают представители других национальностей – в сумме 9,4% указали, что в городе, районе, где они живут, межнациональная напряженность ощущается. Однако, выявленные различия статистически не значимы (χ^2 , $p \geq 0,05$).

В ходе исследования выявлены позиции населения о том, какой политики должно придерживаться правительство России в отношении мигрантов. Половина респондентов Алтайского края считают, что правительство нашей страны должно пытаться ограничить приток приезжих. Четверть думает, что правительство страны не должно ставить административных барьеров на пути притока приезжих, а пытаться использовать его на благо России. Мужчины настроены более негативно к приезжим, чем женщины: 53,9% мужчин выступают за ограничение притока приезжих, среди женщин таких 50,2%. Сравнивая мнения опрошенных городских и сельских жителей Алтайского края, мы выявили, что горожане более лояльно настроены по отношению к приезжим, чем сельские жители (значимость различий – χ^2 , $p \leq 0,05$). Так, считают, что правительство России не должно ставить на пути притока приезжих административных барьеров 30,2% опрошенных городских жителей и 23,2% сельских жителей. Однако то, что правительство нашей страны должно пытаться ограничить приток приезжих полагают 59,5% сельских жителей и 45% горожан.

По-разному относятся к политике российского правительства в отношении приезжих и представители разных национальностей. Так, русские чаще полагают, что правительство России должно ограничивать приток приезжих (54,2%), чем представители других национальностей (40,1%), которые, напротив, считают, что

не нужно ставить на пути притока мигрантов административных барьеров (40,6% опрошенных других национальностей против 24,1% ответов русских).

Неоднозначны мнения населения о том, какие мигранты нужны сегодня нашей стране. Треть опрошенных Алтайского края полагают, что России нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда. Почти столько же (27%) думают, что стране не нужны ни те, ни другие мигранты. Каждый седьмой считает, что стране нужны и те, и другие мигранты, а каждый десятый – что стране нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки (10,1%).

Сельские жители чаще городских отмечают, что нашей стране нужны только те мигранты, которые приезжают на постоянное место жительства (30,7% против 26,6%), а также то, что России не нужны ни те, ни другие мигранты (30,9% против 23,6%). При этом городские жители в 2 раза чаще сельских полагают, что стране нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки (13,4% у городских и 6,4% у сельских). Также горожане чаще сельских опрошенных считают, что стране нужны и те, и другие мигранты (15,9% против 12,7%).

Представители других национальностей более лояльно относятся к приезжим, чем русские (значимость различий – χ^2 , $p \leq 0,05$). Например, 33,7% представителей других национальностей считают, что России нужны только те мигранты, которые приезжают сюда на постоянное место жительства, 19,3% думают, что России нужны только трудовые мигранты, 19,3% отмечают, что России нужны и те, и другие мигранты. Среди русских таких оценок придерживаются соответственно 27,5%, 8,2% и 13,4% опрошенных. При этом русские настроены к мигрантам более негативно – 30,2% считают, что нашей стране не нужны ни те, ни другие мигранты (среди других национальностей таких только 11,4%).

В целом, результаты исследования показали, что большинство респондентов Алтайского края характеризуют отношения между людьми различных национальностей и вероисповеданий в населенном пункте как нормальные, бесконфликтные – около 70%. Чаще других дают такие характеристики межнациональным отношениям и отношениям между людьми разных вероисповеданий представители средней возрастной группы (30-49 лет). Сельские респонденты чаще характеризуют отношения между людьми различных национальностей и вероисповеданий в их населенном

пункте как доброжелательные. По-разному характеризуют межнациональные отношения в населенном пункте и группы респондентов, дифференцированных по национальности: русские чаще других национальностей считают эти отношения нормальными, бесконфликтными, а представители других национальностей чаще характеризуют эти отношения, с одной стороны, как доброжелательные, а с другой, – как напряженные.

Анализ межнациональной напряженности в оценках респондентов показал, что большинство опрошенного населения Алтайского края отметили, что в их городе, районе проживания межнациональная напряженность не ощущается. Чувствуют ее менее 8% респондентов. Среди тех, кто считает, что в их месте проживания ощущается межнациональная напряженность, преобладает молодежь и представители других национальностей.

Мнения опрошенных респондентов Алтайского края относительно того, какой политики должно придерживаться правительство России, разделились. Часть опрошенных полагают, что не нужно ставить административных барьеров на пути притока приезжих, а пытаться использовать его на благо нашей страны. Другая часть респондентов думают, что нужно ограничить приток приезжих. Более лояльно по отношению к приезжим настроены городские жители, нежели сельские: 30,2% горожан считают, что правительство России не должно ставить на пути притока приезжих административных барьеров (среди сельских жителей таких 23,2%). За ограничения притока приезжих чаще выступают сельские жители.

По-разному относятся к политике российского правительства в отношении приезжих и представители разных национальностей. Русские чаще настроены ограничивать приток приезжих, тогда как представители других национальностей напротив, считают, что административные барьеры не нужны.

Неоднозначны мнения населения о том, какие мигранты нужны сегодня нашей стране. Треть опрошенных Алтайского края полагают, что России нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда. Почти столько же думают, что стране не нужны ни те, ни другие мигранты. Чаще остальных отмечают, что нашей стране нужны только те мигранты, которые приезжают на постоянное место жительства, сельские жители, представители других национальностей, учащиеся техникума, колледжа, ПТУ и руководители бюджетных организаций. При этом городские жители чаще сельских полагают, что стране

нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки. Более негативно относятся к мигрантам и полагают, что нашей стране не нужны ни те, ни другие мигранты русские и руководители общественных организаций.

Все сказанное выше наводит на мысль о том, что нашей стране необходима долгосрочная стратегия социальной сплоченности в области интеграции мигрантов, интегрированная в общую стратегию социально-экономического развития России в целом [4].

Литература:

1. Promoting the policy debate on social cohesion from a comparative perspective. Council of Europe, December 2001. P. 5-6.

2. Алешина М.В. Концептуализация социальной интеграции человека в стратегии формирования сплоченности российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2 (18). С. 66-75.

3. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. Вып. 1. 1999. Т. 2.

4. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Мигранты в новой среде: практики взаимодействия. М.: Альфа-М, 2011.

5. На пути к активной, справедливой и социально сплоченной Европе. Доклад Специальной рабочей группы высокого уровня по вопросам социальной сплоченности в XXI веке. СЕ, Страсбург, 26.10.07.

6. Роик В. По пути социальной сплоченности: Новый компас социальной политики // Социальное партнерство. 2009. № 3. С. 2-5.

7. Черепанова М.И. Эволюция понятия «этническая идентичность» в современном социальном знании // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 3-1. С. 13-18.

8. Omelchenko D., Maximova S., Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National identity and patriotism among russian youth: representations, feelings and actions // Asian Social Science. 2015. Т. 11. № 6. С. 27-36.

9. Noyanzina O., Maximova S., Goncharova N., Omelchenko D., Avdeeva G. Interethnic generalizations and stereotypes in mental representations of image of 'the other' in social representations of Russian population // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 185. С. 179.

10. Шалбин В.Л. Социальная сплоченность как ключевой компонент образования целостного гражданского общества // Вестник ТГТУ. 2011. Том 17. № 3. Transactions TSTU. С. 900-906.

11. Юдина Т.Н. Миграция как вызов и критерий социальной сплоченности общества // Социальная политика и социология. 2010. № 12. С. 36-44.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ⁴

Вараксина Н.В., г. Барнаул (Россия)

Выявление тенденций, прогнозирование динамики и построение моделей демографического поведения населения является одним из приоритетных направлений современной социологии, т.к. имеет выраженную практико-ориентированную направленность и высокий потенциал применения результатов эмпирических исследований.

Демографическое поведение складывается из ряда переменных, обусловленных группой факторов. В современной науке демографическое поведение рассматривается в узком и широком понимании термина. В первом случае (узкое понимание) демографическое поведение рассматривают как совокупность действий связанных только с воспроизводством населения непосредственно (рождаемость и смертность) и опосредованно (соотношение браков и разводов). В широком смысле демографическое поведение включает в себя действия, связанные с воспроизводством населения, миграцией и социальной мобильностью.

Субъектами демографического поведения могут являться индивиды, семьи, малые группы и нация, при этом демографическое поведение выступает результатом взаимодействия индивидуально-психологических, физиологических характеристик индивида и системы духовных норм и ценностных ориентаций окружающих его групп и общества в целом.

⁴ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 16-06-00350 «Прогностический потенциал теории нечетких временных рядов в построении модели демографического поведения населения»

Результатом демографического поведения индивида, семей и других малых групп является сохранение или изменение их демографического статуса. Психологическим регулятором демографического поведения выступают демографические установки личности, определяющие согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к тем или иным демографическим поступкам (рождению определенного числа детей, возрасту вступления в брак, разводу, миграции и др.) [3].

Основными компонентами демографического поведения, по мнению ряда исследователей, являются матримониальное и репродуктивное поведение. Значимыми компонентами матримониального поведения являются возраст вступления в брак, соотношение числа браков и разводов, продолжительность безбрачного периода до и между браками, при этом репродуктивное поведение чаще всего рассматривается в логической взаимосвязи с брачным, но в последние годы эта взаимосвязь демонстрирует тенденцию ослабления.

Не менее значимым направлением в исследовании демографического поведения населения является изучение механизмов и приемов сохранения и поддержания здоровья, т.е. витальное поведение населения, а также полярное направление, связанное с исследованием факторов (индивидуально-личностных, социально-психологических и физиологических), обуславливающих саморазрушительное поведение представителей различных социальных групп.

Актуальным направлением для современных исследователей демографических процессов является миграционное поведение населения. Тип, характер миграции, миграционная убыль или прирост населения, комплексный анализ всех компонентов позволяет строить развернутые и долгосрочные прогнозы развития социальной, экономической и др. сфер жизни современного общества. Интерес к исследованию демографического поведения обусловлен тем, что при комплексном подходе к анализу на уровне индивидуальных установок, групповых ценностей и моделей поведения формируется платформа для прогнозирования демографических процессов на глобальном уровне.

Прогнозирование демографического поведения, как правило, определяется как научно обоснованное предвидение основных параметров изменения численности и структуры населения в

будущей демографической ситуации [2]. Основными показателями в демографическом прогнозировании являются: половозрастная структура населения, численность населения, рождаемость смертность и миграция.

Основная цель демографического прогноза состоит в разработке сценариев для выдвижения гипотез вероятных изменений демографических показателей и предвидения тенденций развития демографической ситуации, ориентированных на решение социально-экономических и социально-бытовых проблем. Объектами демографического прогнозирования являются события и процессы воспроизводства населения.

Используя комплекс методов, демографические прогнозы направлены на оценку предстоящей численности населения, изменения демографической структуры, естественного и механического движения населения. Без демографического прогнозирования невозможны научное планирование показателей социально-экономического развития страны (региона) и предвидение геополитических процессов, расчет необходимого производства товаров и услуг, развитие инфраструктуры, жилищного строительства, систем образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения. Практическая значимость демографических прогнозов состоит в том, что на основе научного исследования даются рекомендации органам управления о необходимости принять меры по стабилизации или улучшению создавшейся демографической ситуации, учитывать тенденции воспроизводства населения при решении важных народнохозяйственных задач, вносить коррективы при проведении демографической политики.

Первые попытки демографического прогнозирования предпринимались достаточно давно, так в XVII в. В. Петти и Дж. Граунт на основе достаточно небольшого объема данных предсказывали различные варианты увеличения численности населения Англии. Появление демографической статистики и проведение регулярной переписи населения позволили более точно рассчитывать возможные тенденции изменения воспроизводства населения [3].

Условием точности демографического прогноза являются достоверные, научно обоснованные предположения о тенденциях изменения репродуктивного, самоохрнительного и миграционного поведения населения. Обычно демографический прогноз делается в трех вариантах, которые условно называются

нижним, средним и верхним. Нижний и верхний варианты демографического прогноза задают границы динамики демографических показателей, а средний вариант указывает на наиболее вероятный ход развития демографических процессов. В зависимости от временного периода демографические прогнозы могут быть краткосрочные – на 5-10 лет, среднесрочные – на 20-25 лет и долгосрочные – на период более 50 лет.

Краткосрочный прогноз фиксирует сохранение тенденций развития демографических процессов, которые были характерны предшествующему прогнозному периоду. Среднесрочный прогноз служит основой для разработки комплексных программ демографического развития в ближайшее десятилетие. Долгосрочный прогноз является концептуально-аналитическим и предназначен для разработки социально-экономических основ концепции демографической политики государства. Самые точные демографические прогнозы, как показывает практика, краткосрочные. Демографический прогноз считается точным, если его ошибка составляет не более 5%.

Еще одним основанием для дифференциации демографических прогнозов служит масштаб географического охвата территории, так по охвату пространства различают прогнозы глобальные и региональные. Глобальные прогнозы делаются по континентам и группам стран и носят, как правило, среднесрочный и долгосрочный характер, региональные прогнозы – по административным районам и, как правило, краткосрочны.

По целям демографические прогнозы делят на аналитические, прогнозы-предостережения, нормативные и функциональные. Цель аналитического прогноза – используя данные о современных тенденциях воспроизводства населения, оценить возможность их влияния на будущую численность и состав населения, а также на социально-экономическое развитие страны (региона). Данный прогноз позволяет выявить те проблемные ситуации, которые могут привести к обострению существующих или возникновению новых политических и социально-экономических проблем. Аналитический прогноз обычно выражается в виде оценки параметров будущей демографической ситуации, которая делается на основе предположения о неизменности режима воспроизводства населения или его изменений, и, как правило, является долгосрочным.

Прогноз-предостережение ставит своей задачей предупредить о возможных неблагоприятных или опасных

последствиях сложившейся демографической ситуации, требующих принять срочные необходимые меры, которые позволят не допустить этих последствий. В качестве иллюстрации прогноза-предостережения можно привести два примера.

Первый пример связан с тенденцией увеличения численности населения, относительно которого Т. Мальтус утверждал, что численность населения растет в геометрической прогрессии, а рост жизненно необходимых продуктов питания происходит в арифметической прогрессии.

Второй пример прогноза-предостережения был предложен отечественными демографами В.Н. Архангельским и А.Б. Синельниковым. Суть их прогноза в том, что при сохранении в стране современной тенденции рождаемости через несколько лет может произойти исчезновение российского народа. Авторы данного прогноза исходили из того, что в 1999 г. в России суммарный коэффициент рождаемости был равен 1,17 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Для обеспечения же простого воспроизводства населения, учитывая существующий показатель смертности, суммарный коэффициент рождаемости должен быть равен 2,13. Если зафиксированные в 1999 г. коэффициенты рождаемости и смертности в России сохранятся, то примерно через 25 лет население страны сократится на 45%. Если эти коэффициенты не изменятся, то через 800 лет может исчезнуть последний россиянин, о чем было заявлено одним из выступающих на проходившей в МГУ международной конференции «Глобальная социальная турбулентность и Россия» в 2011 г. [1].

Особенность нормативного прогноза состоит в том, что он предлагает конкретные рекомендации для достижения желаемого состояния демографических процессов. В нормативном прогнозе указываются желаемая численность населения, предпочтительные уровни рождаемости и смертности, определяются меры, которые следует предпринять, чтобы добиться желаемых показателей. Рекомендации нормативного прогноза служат ориентиром для осуществления демографической политики и планирования [2].

Функциональный прогноз предназначен для предоставления демографической информации органам планирования и управления функционированием сфер и отраслей общественной жизни. Для каждой из данных сфер составляется отдельный функциональный прогноз. Разновидностями функционального прогноза могут быть, например, прогноз численности населения,

которое станет потребителем тех или иных товаров и услуг, прогноз миграции политического электората, прогноз о предполагаемой половозрастной структуре занятости населения, прогноз изменений численности пенсионеров или лиц призывного возраста.

Таким образом, можно сказать, что прогнозирование демографического поведения населения является междисциплинарным направлением исследований, имеющим практико-ориентированную направленность и являющимся эмпирической базой для построения и корректировки социальной, экономической политики, как на региональном, так и на глобальном уровне.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 16-06-00350 «Прогностический потенциал теории нечетких временных рядов в построении модели демографического поведения населения».

Литература:

1. Архангельский В.М. и др. Практическая демография / В.М. Архангельский и др. М.: ЦСП, 2005.
2. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 49-59.
3. Садовникова Ю.Ю. Региональная дифференциация процессов управления демографическим развитием // Экономические науки. 2011. № 3. С. 216-220.
4. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Авдеева Г.С. Социально-экономические и демографические вызовы стареющего общества в условиях современной России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 10 (96). С. 130-135.

ПОДАРОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В РОССИИ И КИТАЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ ТРАНСГРАНИЧЬЯ

Дмитриева Д.С., г. Барнаул (Россия), Ли Ю., г. Вэньчан (Китай)

В современных исследованиях трансграничье становится одним из главных объектов рассмотрения. Актуальность данной проблематики обусловлена процессами социального, политического и экономического взаимодействия между странами, имеющими общие границы. Кроме того, потенциал

развития взаимоотношений в трансграничье увеличивается и в свете современных общих глобализационных тенденций. По определению Н.С. Розова, трансграничье является не только регионом, объединяющим приграничные области нескольких государств, но и ровесником «эпохи национальных государств» [3, с. 109]. Следовательно, мы можем заключить, что развитие отношений внутри него обусловлено исторически сложившимися факторами. Проводя анализ, среди них можно выделить такие, как особенности взаимодействия этнических групп, проживающих на данной территории.

Одной из таких особенностей, представляющих наибольший интерес и значимость, безусловно, является их культурная специфика. С одной стороны, мы можем выделить индивидуальные культурные особенности, которые присущи каждому этносу, проживающему в указанной области. В то же самое время, нельзя отрицать воздействия общемировых процессов интеграции на культуру трансграничья в частности. В.В. Карлов отмечает, что глобализация «не может не влиять на устоявшиеся характерные черты культурной специфики жизни народов, которые было принято называть этническими или национальными» [2, с. 5]. Таким образом, культуру трансграничья следует рассматривать как сложное образование, постоянно изменяющееся под воздействием внутренних и внешних процессов. Уникальность исследуемого культурного пространства заключается в возможности сопоставления существующих культурных особенностей соседствующих стран и изучения их изменения в современных условиях.

Развитие политических и экономических связей России и Китая дало мощный толчок к росту числа культурных связей и формированию нового пласта культуры трансграничья. Изучение российско-китайского культурного пространства дает возможность получить представление об основных идеях, лежащих в основе культур современных России и Китая. Это, в свою очередь, способно увеличить степень взаимопонимания с обеих сторон. С другой стороны, изучение культуры общения имеет непосредственную практическую ценность. Описание существующих традиций и их изучение позволяет, основываясь на его результатах, установить контакт между отдельными представителями двух культур. Е.В. Дятлова, рассматривая деловое общение с китайскими предпринимателями в диахроническом аспекте, выделяет ряд особенностей самих

бизнесменов и торговых организаций. К наиболее важным из них можно отнести трудолюбие, подобострастие, хитрость, а также иерархичность, неукоснительное соблюдение правил, решительность [1, с. 75]. Результаты данного исследования показывают, как знание социокультурных особенностей позволяет выстраивать адекватную стратегию общения. Отмечается, что роль традиции и в более широком понимании в целом для китайской и российской культуры является значительной, так как оба государства имеют долгую историю.

Логично предположить, что на формирование подарочной традиции как одной из главных для соблюдения делового и общепринятого этикета общения оказывают влияние как история развития культуры дарения каждой страны в отдельности, так и общепринятые культурные нормы. Таким образом, мы считаем возможным рассмотреть подарочную традицию двух стран в сопоставлении, где будут выявлены частные и общие нормы подарочной традиции. Подарочная традиция как культурное явление традиционно уходит своими корнями в историю каждого народа. Приношение даров божеству было и для некоторых народов сегодня является неперенным ритуалом, целью которого было получение того, чего не мог достичь сам человек (хорошего урожая, исцеления и т.д.). В определенном смысле, мы можем проследить сходство с торговлей как элементом культуры. Отличие заключается в том, что в большинстве случаев даритель не получает материального эквивалента в обмен на свой подарок. Кроме того, основным результатом является не выгода, а достижение доброжелательности в отношениях между субъектами процесса дарения, что выражается в благодарности, признательности, положительных эмоциях. Рассматривая подарочную традицию как объект сравнительного изучения, мы можем выделить несколько основных аспектов: субъекты процесса дарения (даритель и получатель), повод (событие), непосредственно процесс дарения (ритуал) и объект дарения (подарок). В рамках данной статьи мы рассмотрим в качестве примера один из них, повод для дарения, который мы считаем наиболее важным.

На наш взгляд, в современной культуре именно повод для дарения преимущественно отражает основные значимые события в жизни человека сегодня. На основе проведенного анализа, нами было установлено, что как в России, так и в Китае наиболее важными событиями являются: 1) день рождения (рождение

ребенка); 2) свадьба; 3) Новый год (Китайский новый год); 4) окончание учебного заведения (школа, университет). Это обусловлено тем, что каждое из указанных событий отражает условный переход человека к следующему этапу (взросление, замужество, смена времени года). Подарок необходим для того, чтобы отметить радостный факт того, что событие свершилось. Акт дарения в этих ситуациях позволяет почувствовать дарителю некоторую косвенную причастность к происходящему. Кроме того, поводом могут служить и менее значимые события. Среди них общими будут являться поход в гости, дружеская и деловая встреча и другие, связанные с необходимостью формального оказания знаков внимания. В данном случае подарок выступает как неотъемлемая часть этикета, способствуя укреплению существующих взаимоотношений между людьми.

Следует отдельно отметить праздники, которые являются заимствованными как в России, так и в Китае. Среди них можно отметить 1) Католическое рождество; 2) День Святого Валентина; 3) День матери; 4) День отца. Данные праздники по своей сути являются результатом влияния глобализационных процессов на исследуемые культуры. Традиция их празднования, как и необходимость дарить подарки, распространены преимущественно в молодежной среде и являются опциональными. Учитывая масштаб празднования данных событий, подарки в их контексте следует рассматривать с точки зрения коммерческой выгоды, получаемой производителями. Значимость подарка как знака внимания в этих случаях сильно преувеличена. Во многих ситуациях стоимость подарка, особенно на праздник Рождества и День Святого Валентина, косвенно олицетворяет степень любви дарящего. На наш взгляд, это противоречит идее символического подарка как знака внимания, принимая во внимание заимствованный характер праздников, а также выделение ряда других событий как основных для жизни человека.

На основе проанализированного аспекта, мы можем заключить, что подарочная традиция в России и Китае с точки зрения событий, становящихся поводом для подарка, является преимущественно схожей. Главным фактором будет значимость события (перехода на следующий этап) в жизни человека. Формальный подарок служит также для оказания знака внимания. Наличие ряда заимствованных праздников стало возможным под влиянием глобализационных процессов. Стоит отметить, что большинство из них носит коммерческий характер, в то время как

они преимущественно распространены среди молодых людей. Мы считаем возможным продолжить анализ подарочной традиции как важного элемента культуры в контексте развития российско-китайских отношений на современном этапе.

Литература:

1. Дятлова Е.В. Деловая культура китайских предпринимателей в России глазами русских современников (рубежи XIX–XX и XX–XXI вв.) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 72-76.

2. Карлов В.В. Этнос и глобализация: унификация или рост многообразия культур? Этнология на перепутье // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье. Берлин, 2016. С. 5-30.

3. Розов Н.С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия-Китай-Монголия (материалы международной научно-практической конференции (16-20 октября 2006 года)). С. 109-113.

МЕНТАЛЬНО-ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КАРТА ТРАНСГРАНИЧЬЯ АЛТАЯ

Дмитриева Л.М., г. Барнаул (Россия)

Наиболее значимыми культурно связанными единицами, имеющими региональный колорит, являются имена собственные, прежде всего географические названия. Топонимы, как свернутые тексты, представляют собой систему воплощения культурных ценностей и принципов взаимодействия человека с миром. Чтобы установить базовые категории и доминанты, использующиеся для интерпретации ситуаций в топонимической номинации, а также выявить типизированное наполнение этих схем наиболее значимой в данном контексте и для данных носителей языка информацией, необходимо использование различных методов анализа топонимов.

Так, например, в настоящее время существует большое количество словарей, отражающих топонимию различных регионов нашей страны. Издание таких словарей по отдельным краям, областям, регионам связано с большими размерами территории России, практически необъемной для топонимического

обследования в рамках одного издания. Но они, так или иначе, подготавливают почву для полного топонимического словаря всей России. Такие издания имеют разного адресата, неодинаковую степень подробности и объяснения названия.

Полный Топонимический словарь Алтайского края, подготовленный нами, также дает представление о культуре региона, фиксируя определенные культурно-исторические факты, отражая особенности региональной ментальности, дает комплексную характеристику топонимического материала Алтая. Для достижения этой цели нами была выработана структура построения топонимического словаря; определены принципы отбора названий; определены принципы лингвокультурной и этимологической интерпретации топонимов; структурирована словарная статья.

Предметом данной работы являлся топонимический материал, источником которого послужил прежде всего полевой топонимический материал, а также исторические документы, географические карты.

В ходе работы нами была разработана структура словарной статьи:

1. Официальная форма.
2. Вид географического объекта.
3. Адрес объекта (район).
4. Варианты и параллельные названия.
5. Этимология названия.
6. Контекст информантов.
7. Лингвокультурологический комментарий.

Словарные статьи в нашем словаре, в отличие от предшествующих топонимических словарей, имеют алфавитно-блоково-частотное расположение. В начале словарного гнезда дается существующая форма топонима с указанием ударения и определяется вид географического объекта, носящее данное имя и географическая привязка реалии через указание районов.

Такая модель подготовленного проекта словаря сделала очевидной и показала возможность и необходимость лингвистически точной фиксации географических названий и создания полной топонимической карты региона, которую можно было бы использовать и в качестве энциклопедического источника и в виде справочного пособия.

Возник и следующий закономерный вопрос – от чего исходить, что выбрать в качестве базового параметра? Нами были

соединены два, казалось бы, несоединимых параметра. Во-первых, мы пришли к заключению, что нужно идти от познавательной деятельности человека, так как в акте номинации получают название лишь те объекты, на которые направлена деятельность человека. Во-вторых, мы приняли целесообразность использования статистического метода.

Отметим при этом, что при изучении языка мы часто сталкиваемся со случаями, когда те или иные явления невозможно описать достаточно полно и вместе с тем кратко, в этом случае на помощь лингвистам приходят статистические методы. Особенность статистического описания в том, что оно применяется к совокупности большого числа событий, фактов, явлений, а не к отдельному единичному факту. При составлении модели карты нами было использовано более 6000 топонимов (собственно русских и адаптированных), что позволило полно представить топонимическое пространство Алтая, сформировавшееся в последние десятилетия.

Для решения задачи весь материал в словаре мы переструктурировали и расположили в порядке убывания частот. Учитывая, что по объему словника словарь является полным, так как в него вошел весь материал картотеки топонимов Алтая, мы смогли вычленить коэффициент частотности. В качестве лексической единицы словника мы выбрали топооснову (под топоосновой мы понимаем ту часть слова, которая выражает основное значение), представили ее фонетические и морфологические варианты, зафиксированные на данной территории.

В итоге базой для карты явился сплошной статистический подсчет, у каждой основы указана ее абсолютная частота употребления. Первичным этапом было использование размещения лексических единиц в порядке убывания частот. Среди повторяющихся основ выявились названия с высокой степенью частотности, зафиксированные более 400 раз, и основы, отмеченные в 2-3 топонимах. При этом наивысшими частотами для Алтая оказались:

ВЕРХ; ВЕРШ – 497:

ВЕРХАНУЙСКИЙ – бор (Быстро-Истокский р-н).

ВЕРХ-АНУЙСКИЙ – увал (Смоленский р-н).

ВЕРХ-АЯ – река (Советский р-н).

ВЕРХ-БОБРОВКА – река (Целинный р-н).

ВЕРХ-БУРАНОВСКИЙ – остров (Калманский р-н).

ВЕРХ-ЗИМИНКА – лог (Алейский р-н).
ВЕРХ-ЗИМИНКА – река (Топчихинский р-н).
ВЕРХИШИХИНСКАЯ – старица (Красногорский р-н).
ВЕРХ-КРАЯНКА – гора (Солонешенский р-н).
ВЕРХ-МУНАЯ – река (Солтонский р-н).
ВЕРХНЕВОРОБЬЕВСКИЙ ПЕРЕКАТ – брод (Усть-Калманский р-н).
ВЕРХНЕЕ – озеро (Калманский, Первомайский, Залесовский р-ны) и др.

ИВАН; ИВАШ; ВАН – 425:

ИВАНА АГАПОВИЧА – брод (Локтевский р-н).
ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА – дуброва (Шипуновский р-н).
ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА – лог (Первомайский р-н).
ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА – околос (Тальменский р-н).
ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА – околос (Панкрушихинский р-н).
ИВАНА ВИКУЛОВИЧА – сопка (Советский р-н).
ИВАНА ЕГОРОВИЧА – грива (Красногорский р-н).
ИВАНА ИВАНОВИЧА – болото (Троицкий р-н).
ИВАНА ИВАНОВИЧА – озеро (Косихинский р-н).
ИВАНА ИЛЬИЧА – грива (Каменский р-н).
ИВАНКОВА – грива (Благовещенский р-н).
ИВАННИКОВА ПОЛОСА – поле (Петропавловский р-н).
ИВАННИКОВ – околос (Усть-Пристанский р-н).
ИВАНОВ – брод (Солонешенский р-н).
ИВАНОВ – ключ (Солонешенский р-н).
ИВАНОВ – лес (Кытмановский р-н).
ИВАНОВ – луг (Алтайский, Красногорский р-ны).
ИВАНОВ – околос (Баевский, Новичихинский, Тюменцевский р-ны).
ИВАНОВ – остров (Новичихинский, Завьяловский, Мамонтовский, Красногорский р-ны).
ИВАНОВ – пруд (Калманский р-н).
ИВАНОВА – грива (Ельцовский р-н).
ИВАНОВА – дуброва (Алтайский, Баевский, Шипуновский р-ны).
ИВАНОВА – ляга (Крутихинский, Ключевской, Панкрушихинский, Михайловский, Рубцовский р-ны).
ИВАНОВА – пашня (Бийский, Ребрихинский р-ны).
ИВАНОВА – согра (Баевский, Завьяловский, Михайловский р-ны).
ИВАНОВА – сопка (Быстро-Истокский р-н).
ИВАНОВА – старица (Рубцовский р-н).
ИВАНОВКА – поле (Кулундинский р-н) и др.

МАЛ – 323:

МАЛЕНЬКИЙ – остров (Крутихинский р-н).
МАЛЕНЬКИЙ – пруд (Каменский, Усть-Калманский р-ны).
МАЛЕНЬКИЙ БОРОК – лес (Первомайский р-н).
МАЛЕНЬКИЙ КАМЕННЫЙ – лог (Алтайский р-н).
МАЛЕНЬКИЙ КОРАБЛИК – остров (Бийский р-н).
МАЛЕНЬКИЙ СОСНОВЫЙ – луг (Калманский р-н).
МАЛЕНЬКИЙ УГОЛЬНЫЙ – лог (Смоленский р-н).
МАЛЫЕ РАКИТЫ – болото (Мамонтовский р-н).
МАЛЫЕ СЕКАЧИ – озеро (Славгородский р-н).
МАЛЫЙ – овраг (Каменский р-н).
МАЛЫЙ – яр (Усть-Пристанский, Троицкий р-ны).
МАЛЫЙ БАЛДИН – река (Тальменский р-н).
МАЛЫЙ ВОРОШИЛОВСКИЙ – лог (Чарышский р-н).
МАЛЫЙ ГОСФОНД – поле (Змеиногорский р-н).
МАЛЫЙ КУДРЕНОК – река (Петропавловский р-н).
МАЛЫЙ НАЛИМОВ – лог (Смоленский р-н).
МАЛЫЙ ПЕСТРЕЧЕНОК – луг (Бийский р-н).
МАЛЫЙ ПЕТРОВИЧ – лог (Смоленский р-н) и др.

НИЗ; НИЖ – 297:

НИЖНЕЕ КОРМАЦКОЕ – озеро (Первомайский р-н).
НИЖНЕЕ ЛЕБЯЖЬЕ – озеро (Троицкий р-н).
НИЖНЕЕ ПЛОСКОЕ – озеро (Усть-Пристанский р-н).
НИЖНЕЕ ШИРОКОЕ – озеро (Каменский р-н).
НИЖНЕМЕЛЬНИЧНЫЙ – луг (Панкрушихинский р-н).
НИЖНИЕ КОЧКИ – болото (Усть-Калманский р-н).
НИЖНИЕ – луга (Солтонский р-н).
НИЖНИЕ – пороги (Солтонский р-н).
НИЖНИЕ ВОРОТА – окол (Первомайский р-н).
НИЖНИЙ – березняк (Косихинский р-н).
НИЖНИЙ – бор (Тальменский, Красногорский р-ны).
НИЖНИЙ – брод (Змеиногорский, Тогульский, Первомайский, Шипуновский р-ны).
НИЖНИЙ – луг (Алейский, Курьинский, Усть-Калманский, Первомайский, Советский, Бийский, Шипуновский, Петропавловский, Ребрихинский р-ны).
НИЖНИЙ – мыс (Усть-Пристанский р-н).
НИЖНИЙ – окол (Благовещенский, Шипуновский р-ны).
НИЖНИЙ КОРАБЛЕНОК – остров (Шипуновский р-н).
НИЖНИЙ СОЛОНЕЦ – луг (Ребрихинский р-н).

НИЖНЯЯ – дуброва (Тюменцевский р-н).
НИЖНЯЯ – поляна (Шипуновский р-н).
НИЖНЯЯ ЯМА – омут (Шипуновский, Красногорский р-ны).
НИЗ – луг (Шипуновский р-н).
НИЗЕНКОВСКИЙ – околос (Славгородский р-н).
НИЗИНА – лог (Краснощековский р-н).
НИЗИНА – ляга (Мамонтовский р-н) и др.

В состав названий с высокой частотностью вошли также: БЕЛ – 244, НОВ – 226; ВТОР – 225; КАМЕН; КАМН; КАМУШ – 217; КРАСН – 200; БЕРЕЗ – 195, а также: ЗЕЛЕН; СТАР; ВОЛК; БОЛЬШ; ПЕРВ; ОСИН; КАЛИН; ДОЛГ; ВАС; КЛЮЧ; СОЛОН; ДАЛЬН; СРЕД и др.

Частотные повторяющиеся топоосновы хорошо структурируются в системные бинарные оппозиции: БОЛЬШ – МАЛ; НОВ – СТАР; ВЕРХ – НИЗ (НИЖ).

Группа названий с наименьшей частотностью (от 1 до 3) представлена лексемами: АВГУСТ; АРТЮШ; АСТРАХАН; БАСАЛАЕВ; ВАВИЛ; ВЕРЬ; ВОЛОС; ВОРЖ; ВЫПОЛЗ; ГОНЬБ; ГУБАР; ДОРОЖ; ДОЛ; ДРЕМ; ДРАН; ДРЕЗГ и др.

Состав самых употребительных основ нам представляется не случайным. Среди них есть основы топонимов, характеризующие географические объекты (МАЛ; БОЛЬШ), их расположение на реке (УСТЬ; ВЕРХ; НИЗ), степень давности возникновения (НОВ; СТАР), лесное окружение (БЕРЕЗ; ОСИН); наличие каменистого дна реки (КАМЕН); цвет (БЕЛ; КРАСН) и т.д.

Ставя перед собой задачу выявления типологических признаков топонимической системы, что позволило бы нам обнаружить некие закономерности, управляющие связями элементов внутри системы, мы обратились и к осмыслению концептуальной наполненности групп. Каждая группа имеет несколько семантических признаков. В частности, на Алтае, как мы уже отмечали ранее в своих исследованиях, в течение 300 лет приоритетными являлись различные ментально-топонимические стереотипы. Топонимы возникали, менялись по форме, а часто и по содержанию, во времени, в определенные исторические эпохи, распространялись в зависимости от конкретных исторических событий – миграционных процессов населения, войн, культурного, экономического и языкового общения. В одно столетие давали названия преимущественно по природным или хозяйственным признакам объекта; в другие – чаще всего называли объект по принадлежности владельцу и т.д. Так,

например, появление на втором месте по частотности топооснов с ИВАН, несомненно, требует дополнительного изучения этого вопроса.

В целом же среди наиболее частотных основ в топонимии Алтая закономерно, с нашей точки зрения, оказались в большинстве своем топонимы с указанием на местоположение. Напомним немаловажный для топонимической системы факт, что по характеру рельефа поверхность Алтайского края делится на две части – равнинную и горную, между которыми есть существенные различия. Такое разнообразие географического пространства и зафиксировали топонимы Алтайского края, расположенные в словаре по концептуально-частотному признаку.

Представленные в данной статье выводы – первичный этап. Составляемая нами топонимическая карта Алтая позволит обобщить материал, выявить и типизировать весь комплекс топонимических основ, привести в систему соотношение частотности топооснов и топонимических стереотипов, представив таким образом совершенно новый вариант карты – ментально-топонимический.

Разработка электронного варианта карты сделает ее доступной как для научной общественности, так и для всех интересующихся проблемами изучения топонимического пространства региона.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВИДЕОРОЛИКА, ПРОПАГАНДИРУЮЩЕГО ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗАПРЕЩЕННОГО К ПОКАЗУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, НА ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ СФЕРУ ЛИЧНОСТИ

Абросимов А.Е., Трофимова Ю.В., г. Барнаул (Россия)

Актуальность данной темы исследования заключается в том, что общество стремится ограничить экстремистскую деятельность и распространение экстремистской идеологии, которая пропагандирует и допускает крайние, зачастую насильственные меры отстаивания своих взглядов.

Запрещенная на территории Российской Федерации (РФ) террористическая организация ИГИЛ использует видеоролики для пропаганды своих идей и привлечения в свои ряды новых adeptов. Распространяя видеоролики через сеть интернет, террористы

делают просмотр доступным и не принужденным, то есть просмотр осуществляется человеком по собственному желанию в удобное для него время. Распространение видеороликов, подготовленных террористической организацией через сеть интернет ориентирована на молодых людей, как основных потребителей интернет-ресурсов, так как именно молодые люди в большей мере подвержены принятию идеи терроризма, экстремизма, тогда как принятие данных идей легко приводит и к их готовности участвовать в экстремистской деятельности.

Нами было проведено исследование, представленное двумя этапами:

1. Психологический анализ видеоролика, запрещенного к показу в РФ.

2. Изучение воздействия видеоролика на эмоциональную сферу личности.

На первом этапе исследования, направленном на психологический анализ видеоролика, были получены следующие результаты:

1) выделены основные сюжетные линии и произведен их хронометраж.

Самое большое время (45% от всей продолжительности ролика) занимают сюжеты, названные нами как «Демонстрация силы и вооружения террористов ИГИЛ».

Второй по суммарной продолжительности (26% от общего времени видеоролика) занимают сюжеты, названные нами как «Сцены насилия (фрагменты казни)».

На третьем месте по продолжительности оказались сюжеты, названные нами «Самореклама (самопрезентация) ИГИЛ» (занимает 15% от всего времени демонстрации ролика).

Четвертая группа сюжетов по обозначенному выше критерию, назван нами как «Демонстрация знамени ИГИЛ». Фрагмент занимает 5% от общей продолжительности видеоролика.

Пятая группа сюжетов названа нами – «Демонстрация городов, которым угрожает ИГИЛ в данном видео» (занимает 5% общего времени видеоролика).

Самый короткий сюжет по продолжительности назван нами – «Демонстрация спецслужб государств, которым угрожает ИГИЛ» (занимает всего 4,9% от общей продолжительности видеоролика).

2) выделена последовательность сюжетов, отнесенных нами к разным смысловым группам, описанным выше.

Последовательность сюжетов условно можно разделить на четыре группы.

Первая группа, на наш взгляд, направлена на нагнетание угрозы и неминуемого распространения ИГИЛ.

Вторая группа фрагментов направлена на обозначение стороны противников, которая также имеет свой арсенал и ресурсы и представлена следующей последовательностью сюжетов. Времени на демонстрацию этой последовательности сюжетов в ролике отведено гораздо меньше, чем на первый, по нашему мнению, это приуменьшает реальные возможности врага, а у зрителя остается впечатление только о силе ИГИЛ, но не о силе «неверных».

Третью группу фрагментов, можно назвать непосредственно самой войной между ИГИЛ и «неверными». Данные фрагменты плавно переходят в заключительный фрагмент «Развивающегося Знамени ИГИЛ», подчеркивая победу, и, сама продолжительность фрагмента занимает 5% от всей продолжительности ролика, что является существенным временем для одного фрагмента из двадцати трех.

Анализируя последовательность сюжетов, отнесенных нами к разным смысловым группам, описанным выше, можно сделать вывод о том, что данный видеоролик четко продуман и специально подготовлен. Целью ролика является не только запугивание «неверных» (противников запрещенной в Российской Федерации террористической организации ИГИЛ), но рекламой и агитацией для привлечения в свои ряды новых сторонников, противников существующих политических режимов.

3) проанализирован аудиоряд по двум основаниям: анализ глаголов, как проявление действий террористической организации, анализ прилагательных, как обозначение качественного признака субъекта, предмета или явления.

Количественный анализ глаголов показал, что 32% представляют активность уже произошедшую, 11% активность актуальную (в настоящем времени) и самой большой является группа глаголов будущего времени, т.е. планируемой активностью ИГИЛ, представленной в 57% от всех глаголов в тексте песни.

Анализ показал, что все планируемые действия (глаголы будущего времени) несут угрозу для людей, не являющихся сторонниками ИГИЛ. Это задает для человека, смотрящего данный ролик, лишь два варианта поведения: быть с ИГИЛ – быть победителем, либо быть на другой стороне, а это значит быть убитым или поработанным.

Для группы глаголов прошлого времени характерной особенностью является то, что все глаголы этого времени выражены в действиях, которые привели к появлению ИГИЛ.

Глаголы настоящего времени представлены либо глаголами «обращения террористов к «неверным»» («слушай», «хотим»), либо характеризуют «непосредственные действия террористов, которые происходят сейчас» («сметаем идол», «держат под прицелом» и т.д.).

Анализ прилагательных текста песни, сопровождаемой видеоролик, позволяет говорить о том, что: террористы ИГИЛ уничижительно воспринимают своих соперников, считая их просто ничтожными. Это выражено во многих словосочетаниях в тексте, например: «кафермерзкий». Также террористы ИГИЛ воспринимают себя и своих сторонников, как обладающих сочетание важных, положительно оцениваемых качеств, таких как «храбрых», «доблестных», «смелых».

Второй этап исследования посвящен изучению воздействия видеоролика на эмоциональную сферу личности.

На этом этапе мы предприняли попытку спроектировать воздействие видеоролика на эмоциональную сферу личности. Так как, в соответствии с законодательством РФ, мы не можем демонстрировать сам ролик, для нас его актуальным отражением стал проведенный и представленный нами в развернутом виде его психологический анализ, сопровождаемый мультимедийной презентацией. Для решения задачи изучения воздействие видеоролика на эмоциональную сферу личности нами был использована методика «Самочувствие, активность, настроение», заполняемая респондентами до и после представления результатов первого этапа.

В исследовании приняли участие 24 человека (одна из учебных групп 3 курса Барнаульского юридического института МВД России). Мы предположили, что воздействие видеоролика, запрещенного показу (в нашем случае его психологический анализ), проявится в снижении показателей: самочувствие, активность, настроение.

Полученные данные показали отсутствие линейной зависимости между предлагаемой интерпретацией видеоролика и динамикой психологического состояния слушателей. Реакция у каждого из респондентов была индивидуальная. Нами был подчитан процент изменений в каждом из анализируемых параметров: «самочувствие», «активность», «настроение».

Анализируя полученные данные по параметру «самочувствия»: можно отметить, что оно понизилось у 33% респондентов, повысилось у 12,5% и у 54,5% процентов самочувствие не изменилось.

Данные по параметру «активности» показывают следующую динамику: активность понизилась у 25% респондентов, повысилась у 37,5% и у такого же процента респондентов активность осталась на прежнем уровне (37,5%).

Анализируя полученные данные по параметру «настроения»: можно констатировать, что настроение понизилось у 46%, повысилось у 16% и не изменилось у 38% респондентов.

Для классификации вариантов динамики эмоционального состояния нами был применен кластерный анализ. В результате кластерного анализа нами были выделены четыре группы курсантов, с разными тенденциями в изменениях психологического состояния: три крупных кластера с большим количеством лиц, в него включенных, и один кластер малый, включающий в себя трех респондентов. Этот малый кластер характеризуется тем, что ни одна из выделенных тенденций в нем не проявляется. Возможно, это связано с индивидуальными качествами респондентов на тот момент, а, возможно, эти респонденты не слушали преподносимую им информацию или занимались своими делами.

Наибольший кластер образован 42% респондентов, у которых зафиксированы достаточно высокие баллы по всем параметрам до знакомства с информацией, а после прослушивания информации у большинства респондентов параметры «самочувствие», «активность», «настроение» возрастают. Эту группу респондентов можно назвать «Мобилизующий тип реакции».

У респондентов, вошедших в данный кластер, мобилизуется эмоциональное состояние. Можно предположить, что в зависимости от направленности личности такая мобилизация может приводить к актуализации функции охраны общественного порядка и общественной безопасности, либо (при антисоциальной направленности) к повышению интереса к информации, представленной в видеоролике, побуждая людей к освоению экстремисткой идеологии и вовлекая их в экстремистскую и террористическую деятельность.

Второй кластер представлен 20% респондентов, чьи результаты по шкалам «самочувствие», «активность»,

«настроение» существенно не меняются. Данный кластер назван нами «Эмоционально устойчивый тип реакции».

В третий кластер вошли 21% респондентов, чьи изначально не высокие показатели снизились после, представленной информации. Данный кластер назван нами как «Тревожный тип реакции». На наш взгляд, данная группа лиц является искомой целью террористической организации, которая посредством видеоролика пропагандирует насилие и террор, а так как данные респонденты демонстрируют восприимчивость к информации, то, следовательно, они могут выступать источником паники, распространяя информацию о возможных угрозах.

Основным результатом исследования является полученные и описанные нами три варианта воздействия видеоролика, пропагандирующего экстремистскую деятельность и запрещенного к показу в Российской Федерации, на эмоциональную сферу личности, а именно: мобилизующей тип, устойчивый тип и тревожный тип.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ (НА ПРИМЕРЕ Г. БАРНАУЛА)

Игнатенко А.В., г. Барнаул (Россия)

В Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «Об образовании в Российской Федерации» впервые в России введено понятие инклюзивного образования. В статье 2 инклюзивное образование определяется как обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [5].

Традиционно инклюзивное образование в отечественных исследованиях и практике рассматривается преимущественно в отношении детей с инвалидностью и детей с ограниченными возможностями здоровья. Вместе с тем, в международном контексте инклюзивное образование трактуется гораздо шире [1, с. 77]. В широком понимании в разнообразие особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей включается, например, недостаточное владение языком, на котором ведется обучение, вследствие отличной от доминирующей в социуме этничности ребенка, сложности

адаптации в образовательном коллективе, связанные с отличной культурой и вероисповеданием ребенка, ограниченные возможности здоровья и др. [3, с. 2627].

Образовательное пространство формируется культурными традициями обучения детей разных возрастов в условиях семьи, образовательных учреждений. Наличие отношенческих и средовых барьеров, связанных с особыми образовательными потребностями детей, приводит к исключению таких детей из образовательного пространства, нарушается связь ребенка с социумом, культурой как источниками развития. Образовательная же инклюзия, напротив, позволяет научить детей воспринимать человеческие различия как естественные, дает возможность получить полноценное и эффективное образование для того, чтобы жить достойной и насыщенной жизнью каждому члену общества [2, с. 188].

В нашей стране каждому ребенку независимо от национальности, вероисповедания, состояния психического или физического здоровья государством гарантировано право на получение бесплатного общего образования. С учетом нарастающего характера интеграционных и инклюзивных процессов в обществе вопросы воспитания взаимоотношений разных групп детей становятся весьма актуальными. Серьезные трудности вызваны часто встречающимся стереотипным отношением окружающих к «иным», отличным от большинства, детям. В коллективе сверстников они находятся в зависимом положении от мнения, позиции остальных детей. Негативное отношение сверстников как участников социальной среды развития является существенным препятствием развития, причиной низкого социального статуса, источником состояния эмоционального дискомфорта «иных» детей в общеобразовательной школе. Из таких взаимоотношений со средой ребенок не может выйти самостоятельно, без дополнительной помощи и поддержки.

При этом дети без особых образовательных потребностей также оказываются в затруднительном положении. Особенности возраста, отсутствие опыта общения, стереотипы общества приводят их чаще к неприятию отличных детей, к насмешкам в их адрес, в лучшем случае к жалости, но скорее к отторжению. Рассматривая эти трудности сквозь призму «Я – препятствия», мы отмечаем «отсутствие ориентировки», т.е. недостаточность

первичной информации о детях с особыми образовательными потребностями [4, с. 24].

На базе муниципального бюджетного образовательного учреждения МБОУ СОШ № 106 города Барнаула Алтайского края был проведен опрос учащихся 8-х и 9-х классов с целью выявления уровня толерантности к людям с ограниченными возможностями. Всего в опросе приняли участие 43 подростка.

МБОУ СОШ № 106 является ресурсной базовой школой совместного обучения детей-инвалидов, обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и лиц, не имеющих нарушений развития. Целью деятельности ресурсной базовой школы является обеспечение доступности образования детям-инвалидам, обучающимся с ограниченными возможностями здоровья в муниципальном образовании, городском округе путем передачи имеющихся в ресурсной базовой школе специальных ресурсов; эффективное использование специальных ресурсов. Учащимся было предложено 6 вопросов.

На вопрос «Есть ли у Вас знакомые, родственники с ограниченными возможностями здоровья?» менее одной четвертой всех респондентов ответили «да» (23,3%), значительное большинство детей не имеет таких знакомых и родных (76,7%).

На вопрос «Если Вас попросит о какой-либо помощи человек с ограниченными возможностями здоровья, поможете ли Вы ему?» подавляющее большинство ответили, что да (90%), возможно – 7,1%, нет – 2,9%.

Определяя свое отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья, 29,4% школьников ответили, что относятся хорошо; ответ «отношение как к обычным людям» выбрали 42,6% ребят; 22,7% респондентов отметили жалость в отношении к людям с ограниченными возможностями здоровья; и 5,3% детей написали, что относятся «безразлично», «противно», «не хотят видеть». Таким образом, мы видим, что доминирующая часть детей не испытывает негативного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья.

В качестве основного источника формирования отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья школьники определили мнение своих родителей (48,2%); 17,7% детей выделили свой опыт в качестве такого источника; 17% ребят отметили СМИ; 10% – интернет; 4,1% школьников выбрали ответ «не знаю» и 3% отметили школу. На основе данных результатов

становится видно значение взрослых, их мнения при взаимодействии с детьми, отличными от большинства.

Треть респондентов отметила наличие сложностей во взаимодействии с людьми с ограниченными возможностями здоровья – 22,4% детей выбрали ответ «да, есть проблемы» и 9,4% ребят ответ «возможно». Большинство детей (60,8%) высказались, что не испытывают проблем во взаимодействии с людьми с ограниченными возможностями здоровья; 7,4% ответили, что не общались.

Вместе с тем, более половины детей знает знаменитых людей с ограниченными возможностями здоровья (52,7%). Дети назвали таких знаменитостей, как: Андрей Востриков – шестикратный чемпион на Всемирных играх Специальной Олимпиады, Диана Гурцкая – певица, Егор Шаратов – спортсмен Паралимпийской сборной России, Рем Дигга – российский реп-исполнитель. Но и значительная часть детей не знает таких знаменитостей (47,3%).

Таким образом, дети, уже имевшие опыт общения с детьми и взрослыми, отличными от большинства, как правило, в дальнейшем не обращают внимания на эти отличия либо же эти отличия не являются препятствием для продуктивного взаимодействия. Опыт позитивного взаимодействия является одним из ключевых моментов популяризации и продвижения позитивного отношения, как к самому инклюзивному образованию, так и к людям с особыми образовательными потребностями вне зависимости от того, стало источником данных особенностей.

Литература:

1. Игнатенко А.В., Сиротина Т.В. Реализация инклюзивного образования в Алтайском крае в оценках экспертов // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2015. Т.2. № 12. С. 76-79.

2. Сиротина Т.В., Пугачев М.Д. Стратегии социальных изменений как ресурс социальной интеграции людей с инвалидностью // Теория и практика социальной работы: история и современность. Барнаул, 2015. С. 188-191.

3. Сиротина Т.В., Цыбизова М.А. Представления студенческой молодежи об интегративном обучении людей с ограниченными возможностями в условиях высшей школы в г. Барнауле // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Барнаул, 2014. С. 2626-2633.

4. Трофимова В.И. Воспитание гуманных взаимоотношений нормально развивающихся детей и их сверстников с ограниченными возможностями // Воспитание школьников. 2007. № 6. С. 23-27.

5. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 31.12.2014, с изм. от 02.05.2015) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166143. (Дата обращения 31.05.2016).

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)⁵

Неваева Д.А., г. Барнаул (Россия)

Современный мир постоянно развивается, появляются новые технологии, открываются глубины человеческого разума, позволяющие улучшать разные сферы жизнедеятельности человека. С другой стороны, происходит значительная утрата интереса и доверия населения к научным достижениям, друг к другу; человек остается в огромном информационном поле, насыщенном мифами, не всегда доступным и понятным широкой аудитории. Роль сформированного чувства принадлежности к определенной группе, т.е. чувства идентичности, в XXI в. значительно возрастает. Она формируется в процессе социализации, контактов с другими культурами. При этом С. Хантингтон обозначает, что культурные идентичности на пороге веков занимают центральное место, а «союзы, антагонизмы и государственная политика складывается с учетом культурной близости и культурных различий» [5]. Среди разновидностей культурных идентичностей – этническая, которая является наиболее устойчивой и значимой для большинства людей, определяя пределы и направления их жизненных устремлений. Сакральность и естественность восприятия этноса детерминированы тем, что человек не может его выбрать, т.к.

⁵ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России №28.1475.2014/К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации»

принадлежность к какому-то этносу «задается» изначально. Позже человек учится говорить на языке своего этноса, его окружают культурные символы и знаки, определяющие в дальнейшем поведение и стандарты. Несмотря, с одной стороны, на простоту определения идентификации человека и широкого использования определения «идентичность» в разных науках, проблема идентичности остается одной из самых обсуждаемых в обществе. Особо она обостряется в кризисные моменты. Утрачиваются одни границы, начинают формироваться другие, что заставляет человека заново конструировать себя в ином мире, искать новые «устойчивые принадлежности». В такие моменты поиска человек освобожден от прежних ролей, более подвижен, но неустойчив. Он может попасть под определенное влияние другого человека или групп, поэтому изучение этнической идентичности и ее сохранение в «переходные» периоды является актуальной.

В трех смыслах рассматривает этническую идентичность М.А. Фадеичева, как тождественность, подлинность, принадлежность [4].

В первом смысле корректнее будет употреблять термин «индивидуальная идентичность», т.к. индивид – индивид настоящий, уникальный и целостный «Я» («Я – есть»). Этот аспект актуален в детском возрасте, когда ребенок тождественен себе самому, а дополнительных сомнений у него не возникает. Во втором случае поиски идентичности обоснованы этницизмом (этническим самообожанием, представлением о своем этносе как наилучшем среди других), порой граничащие с этнонационализмом. Нужно отметить, что у многих народов этническая идентичность определяется «по крови», в прагматических целях. Это позволяет приписывать индивиду к общности по ряду объективных признаков. В таком случае, этническая идентичность как подлинность означает вхождение человека в «номинальную группу», необходимую для статистического анализа групп населения. В третьем смысле идентичность обозначает принадлежность к какой-либо общности по разным признакам (пол, профессия и т.п.). Этническая идентичность – свободный выбор самого человека, основанный на объективных основаниях.

При таком понимании этнической идентичности можно отметить, что она включает в себя переживание индивидом своего тождества, отделения от других этнических общностей («мы» и «другие») и при этом осознание себя представителем

конкретного этноса. Рассмотрение этнической идентичности в современном российском обществе в таком контексте является важным аспектом, обеспечивающим стабильность и безопасность нашего государства.

В 2014-2016 гг. сотрудниками факультета социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» под руководством С.Г. Максимовой был проведен социологический опрос населения 9 регионов России в возрасте 15-75 лет. Согласно результатам опроса 52,4% населения уверенно идентифицируют себя с представителями их этнической группы, 32,9% на утверждение «Я считаю себя представителем своей этнической группы» ответили: «Скорее согласен». При этом гордость за принадлежность к этнической группе испытывают 48,1%, а 55,1% отмечают, что данная принадлежность причиняет им неудобства. По поводу выражения «принадлежать к культуре моей этнической группы – счастье для меня» 31,7% абсолютно согласились, 37% – скорее согласны, 23,5% – не уверены. Более 76% ответили, что разделяют идеи и убеждения своей этнической группы. Можно предположить, что положительные ответы респондентов, с одной стороны, говорят об уверенной идентификации населения регионов России со своими этносами, с другой стороны, могут носить идеализированный характер. Данное противоречие возникает при анализе следующих вопросов, посвященных этнической идентичности в современном обществе. По мнению 32,4% в современной России нет сегодня народного единства. Причины этого: отсутствия единой идеи, патриотизма (23,4%), озлобленность современных людей (38,1%), отсутствие коллективизма, каждый думает только о себе (37,5%), экономическая поляризация (49,7%), многонациональное общество (7,6%). Вряд ли можно предположить, что культурные традиции большинства этносов содержат в себе идеи индивидуализма, озлобленности к окружающим и отсутствия единой цели. Кроме того, 39,7% от числа опрошенных отмечают, что межнациональные отношения в России за последние годы не изменились или стали напряженнее и нетерпимее (26,2%). Это, в свою очередь, вызывает сомнения насчет сформированной этнической идентичности у большинства населения страны.

При оценке по 10-балльной шкале выраженность хулиганских действий на межнациональной основе 32,1% опрошенных оценили от 5 до 10 баллов. При этом 77,2% респондентов от 5 до 10 баллов оценили возможность помощи

друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности. Таким образом, мы вновь можем наблюдать некое противоречие.

В современном мире, наполненном ежедневными трансформациями и инновациями, мир человека, представителя конкретного этноса, тоже подвергается изменениям. Мы наблюдаем уверенную идентификацию с этносом, при этом нетерпимость к традициям других групп; помощь и взаимовыручку и, с другой стороны, враждебное отношение, сопровождающееся физическим насилием и ущемлением прав определенных этносов. Все это накладывает отпечаток на ответы населения в столь тонкой, но важной для XXI в. темы. Эти противоречия и актуальность единения народа, несомненно, позволяют в дальнейшем более подробно изучать те или иные аспекты этнической идентичности в современном российском обществе.

Литература:

1. Максимов М.Б., Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Ноянзина О.Е. Гражданская, этническая и религиозная идентичности: региональное измерение // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 11 (133). С. 167-171.

2. Омельченко Д.А., Авдеева Г.С., Суртаева О.В., Черепанова М.И. Конструирование образа «другого» в социальных представлениях населения России: теоретические аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3 (87). Т. 1. С. 185-189.

3. Табакаев Ю.В., Литягин Е.В. Межнациональные отношения в современной России и Республики Алтай // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Секция: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2011. № 4. С. 191-195.

4. Фадеева М.А. Современные проблемы сохранения культурно-этнических ценностей (из опыта работы Саратовского центра национальных культур) // Культурное наследие г. Саратова и Саратовской области: Материалы III международной конференции». Саратов: ИЦ «Наука». 2014. С. 413-418.

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка // Pro et Contra. 1992. № 2. С. 142-143.

6. Горбунова А.А., Борисова О.В., Максимова С.Г. Гражданская и этническая идентичности в оценках населения Алтайского края // Социодинамика. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_17005.html

7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год // URL: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/doklad_OPRF_2015_19012016.pdf

ОТНОШЕНИЕ К ТЕРМИНУ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Меженин Я.Э., Домашев А.Н., г. Барнаул (Россия)

Научный прогресс идет далеко впереди прогресса морального, современное общество существует в эпоху, когда человечество накопило столько оружия, что может уничтожить свою планету несколько раз. В этих условиях межнациональные и межэтнические конфликты многократно повышают риски, связанные с концом человеческой истории. В искусстве, которое зачастую предчувствует направление развития социума, значительная часть современных произведений посвящена постапокалиптическому будущему, начиная с фильмов и художественной литературы, заканчивая сценариями компьютерных игр.

Этносы и нации насторожено относятся друг к другу, даже если не имеют прямой зависимости, а тем более, когда прямая зависимость налицо. В глобализирующемся мире на фоне нехватки ресурсов такая зависимость только увеличивается. Разница в идеологии и религии, кажется, усугубляет этот процесс. Ценности западного мира вступают в противоречие с традиционным образом жизни востока, что порождает локальные конфликты, способные перерасти в региональные и глобальные – яркий пример этому – терроризм, национализм.

В Алтайском крае большое внимание уделяется исследованию межнациональных вопросов и патриотизму. Коллектив авторов под руководством С.Г. Максимовой в 2012-2014 гг. провел исследование публикаций, посвященных проявлению патриотизма и развитию межэтнического взаимодействия в Алтайском крае, в результате которого выяснилось, что «этнокультурное просветительство является одним из наиболее приоритетных направлений реализации государственной национальной политики на территории региона» [1, с. 170].

Одним из способов, которые могут в перспективе обеспечить приемлемый уровень согласия, как в региональном, так и мировом масштабе, является создание системы единых и равных

ориентиров для народов и культур, в некотором смысле общественного договора. Одним из способов, обеспечивающих возможность подобной системы, является распространение идеи толерантности.

Научная электронная библиотека www.elibrary.ru выдает за последние три года более 30 тыс. работ, посвященных проблеме толерантности в современном обществе. Проводится огромное количество круглых столов, школьных уроков, посвященных вопросам толерантности, однако, отношение к этому термину в молодежной и, особенно, студенческой среде, как наиболее перспективной силе, не всегда однозначно.

В социологии вопросами толерантности занимались П.А. Сорокин, Л.Н. Синельникова, И.И. Демидова, А.В. Мозговая, П.В. Масычев и др. Психологическую сторону вопроса изучали Г. Адорно, Э. Аронсон, А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова и др.

В целом, толерантность предполагает терпимое отношение к другой культуре, образу жизни, ценностям, поведению и обычаям. Однако, по мысли В. Франкла, толерантность не равносильна безразличию. Она не означает также принятия иного мировоззрения или образа жизни, она заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с собственным мировоззрением [8]. Н.С. Меньшикова, подробно изучая значение термина «толерантность», отмечает, что в это понятие входит не только терпимость, но и миролюбие, и согласие [4, с. 16].

Среди многообразия нюансов в содержании встает вопрос: Как термин «толерантность» понимает студенческая молодежь?

Среди студентов г. Барнаула был проведен опрос, цель которого состояла в изучении отношения к термину толерантность на основе анализа смысла, вкладываемого в это понятие. Задавались следующие открытые вопросы:

1. Что такое толерантность?

2. Значима ли сегодня толерантность для современного общества?

Опрашивались студенты первого и второго курсов трех вузов г. Барнаула. Выборка составила 120 чел.

Приведем основные результаты исследования. При анализе содержания ответов респондентов выяснилось, что 8% имеют размытые определения толерантности.

Вот наиболее характерный ответ, показывающий, что термин «толерантность» в некоторых случаях не имеет четкого

понимания: *«Толерантность это равнозначно, наверное, гуманизму, толерантность – это отношение друг к другу».*

При ответе на вопрос о значимости толерантности респонденты пишут: *«В современном обществе толерантность утратила свою значимость, т.к. большинство людей живут по принципу «каждый сам за себя».* Таким образом, несмотря на то, что этот термин вошел в нашу повседневную жизнь, есть люди, которые не имеют четкого представления о сущностных характеристиках этого понятия.

Важным показателем отношения является интерпретация термина как положительного для общества или отрицательного. Положительно оценивают термин «толерантность» 72% опрошенных. Негативно оценивают этот термин 20%. Это довольно большой процент, ниже приведем объяснение, почему студенты считают толерантность негативным явлением для общества.

Дело, вероятно, в том, что смысл, вкладываемый в сам термин, понимается неоднозначно. Так 20% опрошенных понимают толерантность в первую очередь как уважение, что конечно является положительным свойством. Студенты пишут: *«Толерантность – это относиться с уважением к любому расовому типу людей уважать их ценности и обычаи».* Вот другой пример: *«Толерантность – умение без вражды воспринимать всю окружающую действительность, других людей, их привычки...».*

Однако, 44% определяют толерантность как терпимость. И поэтому иногда трактуют ее с негативной стороны. Вот некоторые примеры: *«Толерантность – это терпимость к какому либо поведению, ситуации. Также снисходительное отношение к людям...».* *«Толерантность не значима, так как нельзя относиться к каким-либо ситуациям и происшествиям снисходительно... Также к людям девиантного поведения нельзя относиться терпимо иначе это перерастет в хаос».* *«Толерантность – это терпение и выдержка по отношению к окружающим людям».*

Существует, однако, и смешение смыслов, т.е. понимание отрицательных свойств толерантности как терпимости и положительная оценка значимости для общества. Вот наиболее характерные ответы: *«Толерантность – это когда ты пытаешься терпеть то, что презираешь... нужна... если бы ее не было был бы хаос... люди бы делали почти все что угодно».* *«Толерантность – это терпимость к окружающим, избегание конфликтов, основанных на отличиях людей...».*

Кроме того, 28% респондентов считают, что толерантность это одновременно терпимость и уважение.

«Толерантность – это терпимость по отношению к окружающему миру». «Толерантность – основа общества, уважение к индивидуальности людей...». «Толерантность – это проявление уважения, терпимости к людям, которые отличаются от тебя, расой, внешностью» и т.д.

Ответы на второй вопрос распределились следующим образом: 60% считают, что толерантность нужна, отмечая важность снижения напряженности в обществе. *«В современном обществе толерантность, конечно же, необходима, хотя бы для предотвращения конфликтов...». «Необходима. Если каждый человек будет критически подходить ко всему, с чем он не согласен, в обществе воцарит хаос, его невозможно будет контролировать».*

Считают, что толерантность не нужна – 8%. Приведем наиболее характерные примеры: *«Сегодня толерантность стала просто красивым словом... нужна, если не будет обычным «прикрытием»». «Толерантность... невосприимчивость организма к антигену. Необходима не терпимость к окружающим, а уважение их прав, личностных и индивидуальных качеств и способов их самовыражения».*

Отрицая значимость толерантности, отрицается в первую очередь терпимость как дозволение другим делать все, что они захотят, и подчеркивается значимость уважения.

Кроме того, 24% высказались, что толерантность нужна, но с некоторыми оговорками: *«...нужна, но не во всех случаях, например, по отношению к другим народам она необходима. А вот к людям, ведущим себя недостойно... не всегда необходима»; «...без толерантность общество долго не просуществует... но и перегибать с терпимостью нельзя. ...Европа... страдает от своей толерантности».*

Были и ответы, требующие более детального и содержательного понимания оценки термина «толерантность»: *«Толерантность – некоторые считают это болезнью, в другом понимании это понимающее отношение к другим группам, индивидам, относиться на равных»; «Мне кажется, что толерантность не нужна, потому что тогда выходит, что преобладает меньшинство, а это не правильно. Эти малые группы чувствуют себя главными, и это уже выходит за рамки. Теоретически толерантность это хорошо, но на практике так не*

выходит». В подобной позиции угадываются некоторые аспекты стадии латентного социального протеста, подробнее о которых писали Ю.Е. Растов и В.А. Артюхина [6, с. 218].

Выразить общее настроение студенческой молодежи в отношении к толерантности можно так – ценность толерантности, в первую очередь, заключается во взаимном уважении. Обоюдная готовность принять и понять ценности чуждой культуры обеспечит компромисс в потенциально конфликтных ситуациях. Однако, если одна сторона проявляет уважение и готовность идти на уступки, в виде лояльного отношения к действиям другого, а другая сторона не готова идти на уступки, проявляя уважение к культуре и ценностям первой, то о компромиссе не может быть речи.

В конфликтологии суть подобной стратегии описывается как «Победа-поражение». Одним из главных недостатков уступки и поражения является стремление к реваншу, что является почвой для нового витка конфликтов. История напоминает нам о настроении реваншизма в Германии после проигрыша в первой мировой войне. Это способствовало развитию и укреплению профашистского режима власти. Современная Европа сегодня вновь сталкивается с подобным вызовом.

По результатам исследования этнической толерантности в молодежной среде проведенного в орловской области Н.В. Проказина делает тревожный вывод: «...обострение внешнеполитической ситуации, методичное применение санкций в отношении России неизбежно приводит к эскалации националистических установок в молодежной среде. Отчетливо проявляющиеся националистические установки выполняют компенсирующую роль в условиях социальной нестабильности» [5, с. 120].

Именно поэтому вопрос толерантности, как взаимного уважения, является должен изучаться в контексте межкультурного диалога и как новый предмет общественного договора как внутри, так и между странами.

Литература:

1. Горбунова А.А., Есипенко О.В., Максимова С.Г. Развитие межэтнических отношений и патриотическое воспитание населения Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 8 (130). С. 168-172.

2. Клейберг Ю.А. Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика // Общество и право. 2012. № 4 (41). С. 329-334.

3. Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Соч. М., 1988. Т.3.

4. Меньшикова Н.С. Феномен «толерантность»: сущностная характеристика и правовые основы формирования культуры толерантности в эпоху мультикультурализма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (67). С. 15-18.

5. Проказина Н.В. Этническая толерантность в региональной молодежной среде // Вестник поволжского института управления. 2016. № 2 (53). С. 114-121.

6. Растов Ю.Е., Артюхина В.А. Методологические следствия конфликтного осмысления социальных протестов // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 216-219.

7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

8. Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ. Статьи и лекции. М., 2016.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Замятина О.Н., г. Барнаул (Россия)

В связи с необходимостью совместного проживания различных народов на территории одного государства остается актуальным вопрос межэтнического взаимодействия. С одной стороны, каждый народ стремится к самоорганизации, самоутверждению, сохранению этнической самобытности, а с другой стороны, существует и набирает силу объективный процесс интеграции общества в целом. Соответственно в обществе приоритетным направлением является формирование и укрепление этнокультурной идентичности.

По мнению Т.Г. Стефаненко, этническая идентичность – составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. Ученый отмечает, прежде всего, когнитивную составляющую, хотя и говорит о наличии эмоциональных переживаний [6].

Г.У. Солдатова рассматривает этническую идентичность в рамках потребностно-мотивационной сферы личности и

отмечает, что удовлетворение потребности в этничности связано с удовлетворением потребности в позитивной этнической принадлежности, которая, в свою очередь, порождает статусные мотивы и мотивы в безопасности. При этом исследователь акцентирует внимание на аффективной составляющей данного феномена и отмечает, что этническая идентичность «содержит в себе слой бессознательного» [4].

Л.М. Дробижева считает, что этническая принадлежность необходима человеку для самоутверждения и полной самореализации. При этом ученый выделяет в структуре этнической идентичности помимо когнитивной и эмоциональной составляющей и поведенческую («построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях» [4, с. 296]).

Следовательно, понятие этнокультурная идентичность подразумевает результат процесса осознания этнической принадлежности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов. Такое осознание приводит к межэтническим взаимодействиям.

Одним из аспектов межэтнического взаимодействия выступает межкультурное взаимодействие. Межкультурные взаимодействия представляют собой необходимую часть жизни культуры и являются формой ее существования. Среди множества форм межкультурного взаимодействия можно выделить такую, как диалог. Внимание к диалогу обусловлено тем, что такой тип взаимодействия наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений. В данном случае можно согласиться с М. Бахтиным. Он пишет: «Диалог – это взаимопонимание, участвующих в этом процессе, и в то же время сохранение своего мнения, своей в другого (слияние с ним) и сохранение дистанции (своего места)» [1, с.430]. Диалог – это всегда развитие, взаимодействие. Это всегда объединение, а не разложение. Диалог – это показатель общей культуры общества. «Диалог не средство, а самоцель. Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому, диалог, в сущности, не может и не должен кончатся» [2, с. 433]. По М. Бахтину, каждая культура живет только в вопрошании другой культуры, что великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. Способность одной культуры осваивать достижения другой – один из источников ее жизнедеятельности. «Чужая культура только в

глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом..., между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [1, с. 354]. Подражание чужой культуре или полное неприятие ее должны уступить место диалогу. Для обеих сторон диалог двух культур может быть плодотворным. «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем у ней ответа, на эти наши вопросы; и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 335].

Выделяют следующие типы диалога культур: вертикально-исторический (культурно-временной) диалог – диалог основных исторических типов культуры (например, античной и западно-средневековой, византийской и российской, Нового времени и современной); вертикально-диахронный (культурно-диахронный) диалог – межкультурная коммуникация, диалог культур в настоящем пространстве и времени сосуществующих цивилизационных систем; горизонтально-исторический диалог – диалог, разворачивающийся во времени собственной культурно-исторической традиции как «разговор» со своим прошлым; горизонтально-пространственный (внутрикультурный или системный) диалог – диалог культур и субкультур, существующих в едином этнокультурном и цивилизационном пространстве и времени [5].

Диалог, по М. Бахтину, может иметь следующие последствия:

1. Синтез, слияние разных точек зрения или позиций в одну общую.

2. «При диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [1, с. 360].

3. Диалог приводит к пониманию принципиальных различий между участниками этого процесса, когда «чем больше размежевания, тем лучше, но размежевания благожелательного. Без драк на меже».

Диалог культур выступает как объективная необходимость и условие развития культур. В диалоге культур предполагается взаимопонимание. А во взаимопонимании предполагается единство, сходство, тождество.

А общим, объединяющим все человеческие культуры, является их социальность: Взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур (сложное единство человеческой культуры), сложное единство человеческой литературы [1, с.390]. Нет единой мировой культуры, но есть единство всех человеческих культур, обеспечивающее «сложное единство всего человечества» – гуманистическое начало.

То есть диалог культур – это сложный социокультурный механизм, который обеспечивает с одной стороны, взаимопонимание и взаимообогащение разных народов, с другой стороны, активизирует их стремление к сохранению самобытности и уникальности национальной культуры.

Диалогичность предполагает сопоставление национальных ценностей и выработку понимания того, что собственное этнокультурное сосуществование невозможно без уважительного и бережного отношения к ценностям других народов [3]. Как утверждает М. Бахтин: «Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [1, с. 266]. Таким образом, границы не только разъединяют, но и объединяют.

В диалоге культур важно увидеть общечеловеческие ценности взаимодействующих культур. Одним из главных объективных противоречий, свойственных культурам всех народов мира, является противоречие между развитием национальных культур и их сближением. Поэтому необходимость диалога культур является условием самосохранения человечества. А формирование духовного единства есть результат диалога современных культур. Следовательно, межэтнические взаимодействия представляют собой необходимую часть жизни культуры и являются формой ее существования.

Литература:

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / Изд-во «Художественная литература». М., 1972.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Изд-во Искусство. М., 1986. 445 с.
3. Взаимодействие культур: диалог культур Н.В. Кокшаров // [Электронный ресурс]: <http://credonew.ru/content/category/7/50/28/>

4. Дробижева Л.М. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / А.Р. Аклаев, Л.М. Дробижева, В.В. Коротеева, Г.У. Солдатова. М.: Мысль, 1996. 382 с.

5. Ковальчук О.В. Цивилизационные модели диалога светской и религиозной культуры / Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Белгород, 2004.

6. Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Омельченко Д.А., Гончарова Н.П. Этническая и гражданская идентичность населения современного региона России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 6 (128). С. 200-204.

7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учеб. для вузов. М.: Академический проект, 1999. 320 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)⁶

Неваева Д.А., г. Барнаул (Россия)
Максимова С.Г., г. Барнаул (Россия)

В начале XXI в. демографическое старение стало государственной проблемой. Количество лиц пожилого возраста увеличивается, что актуализирует необходимость изучения потребностей и социальных возможностей этой группы. Последствия процесса старения начали занимать приоритетные позиции в повестке развитых стран и требуют решений, как возникающих ситуаций, так и на перспективу. С одной стороны, старение населения открывает новые проблемы; с другой стороны – создает новые возможности для организации жизни отдельных людей и формирования социально-экономической и культурной среды. Период старения человека чаще всего характеризуется следующими особенностями: ухудшение здоровья, снижение трудоспособности, а также изменение жизненных условий и обстановки, объема и структуры свободного времени, общественных и семейных ролей, характера социальных и дружеских контактов.

⁶ Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФНФ № 15-03-00579 «Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп в современной России»

Нередко с наступлением старческого периода человеку достаточно трудно приспособиться к новым условиям, возникают трудности в удовлетворении потребностей и интересов. В связи с изменением экономического положения пожилого человека меняется привычный образ жизни гражданина, поэтому нередко в обществе встречается негативное представление о процессе старения. В настоящее время не сформированы еще четкие концепции обеспечения достойных условий жизнедеятельности пожилых граждан, что способствует их социальной эксклюзии. Социальная интеграция лиц пожилого возраста возможна лишь при оказании поддержки со стороны широких кругов общественности.

Данная проблема требует изучения и принятия мер по ее решению. В 2012-2013 гг. при участии автора было реализовано социологическое исследование при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по государственному контракту № 14.В37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции». Социологическое исследование включало проведение анкетного опроса ($n=602$) и полустандартизированного глубинного интервью ($n=20$). Совокупность данных методов позволило целостно рассмотреть особенности старения населения, социальной эксклюзии лиц пожилого возраста в современном регионе России.

С целью выявления основных факторов, влияющих на формирование социальной эксклюзии пожилых людей, нами был выбран метод логистической регрессии. Регрессионный анализ данных социологического опроса и создание модели бинарной логистической регрессии факторов социальной эксклюзии лиц пожилого возраста, являющихся жителями Алтайского края, позволяет выявить индикаторы «риска», характерные для пожилого населения. Выбор данного метода обусловлен и тем, что с его помощью можно также определить шанс попадания той или иной части населения в группу «эксклюзивированных».

По результатам проведенного анализа в модель бинарной логистической регрессии вошли следующие показатели:

- уязвленность пожилых людей в рыночной структуре общества ($p=0,0001$);
- неблагоприятные внешние обстоятельства ($p=0,005$);
- неправильная система распределения пенсий ($p=0,001$);
- мало льгот, особенно в сельской местности ($p=0,0001$);

- сокращение пенсионеров на рабочих местах ($p=0,0001$);
- несистематичная помощь пожилым людям (вспоминают о пожилых только во время предвыборных компаний) ($p=0,0001$);
- плохая защищенность в кризисной ситуации ($p=0,0001$);
- недостаточно разработанная система социальных услуг для пожилых ($p=0,0001$);
- недоступность медицинского обслуживания, высокая цена за медицинские услуги и лекарства ($p=0,0001$);
- отсутствие общественных мест для общения пожилых ($p=0,0001$);
- недостаточное количество общественных организаций для пожилых ($p=0,0001$);
- отсутствие моральной поддержки со стороны государства ($p=0,0001$);
- отсутствие психологической помощи пожилым ($p=0,0001$);
- возраст (пенсионный) ($p=0,008$);
- место проживания (село) ($p=0,0001$);
- отсутствие коммерческой жилки ($p=0,0001$);
- не могут поступиться со своими принципами ($p=0,0001$).

На основании коэффициента регрессионного уравнения В можно отметить, что значения некоторых переменных имеют отрицательный знак:

- доступность медицинского обслуживания ($p=0,0001$);
- высокое качество медицинского обслуживания ($p=0,000$);
- развитая система трудоустройства лиц предпенсионного и пенсионного возраста ($p=0,0001$);
- увеличивается адресная помощь ($p=0,056$);
- эффективная социальная политика в отношении пожилых ($p=0,002$);
- развиты телефоны поддержки, служб помощи ($p=0,001$).

На этом основании можно определить, что, например, наличие неразвитой системы трудоустройства лиц предпенсионного и пенсионного возраста выступает значимым фактором и ведет к социальной эксклюзии лиц пожилого возраста. Необходимо разрабатывать меры по защите прав лиц предпенсионного возраста от сокращений, по возможности предоставления занятости лицам пенсионного возраста. По результатам анализа, недоступность и низкое качество медицинского обслуживания, отсутствие или уменьшение объемов адресной помощи, неразвитость телефонов поддержки, а также наличие неэффективной социальной политики в

отношении пожилых людей выступают значимыми факторами социальной эксклюзии пожилых людей в регионе.

При анализе логистической регрессии факторов социальной эксклюзии можно отметить, что сам возраст выступает одним из факторов, который ведет к исключенности и некоторой «выброшенности» человека. Не менее значимым фактором является и проживание в селе. Таким образом, пожилой человек, проживающий в сельской местности региона, имеет больше шансов стать жертвой эксклюзии, пополнив группу людей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Из представленного числа социально-демографических показателей уровень образования ($p=0,074$), семейное положение ($p=0,343$) являются показателями на уровне предполагаемых тенденций косвенно влияющими на процесс социальной эксклюзии пожилого населения. Например, человек, которые не имеет высшего образования и партнера (никогда не состоял в браке, вдовец/вдова) имеет большую вероятность подвергнуться социальной эксклюзии. Шанс стать объектом воздействия социальной эксклюзии также имеется у человека (группы) с невысоким уровнем материального достатка ($p=0,5$), который увеличивается при наличии вышеперечисленных социально-демографических факторов (отсутствие партнера, сельское проживание, возраст).

Анализ переменных, связанных с системой здравоохранения, доступностью и качеством оказываемых медицинских услуг представителям населения Алтайского края в контексте социальной эксклюзии позволил выявить взаимосвязь между ними, признав их значимыми факторами. Услуги в данной сфере актуализируются с возрастом и непосредственно влияют на социальную активность человека, его социальную инклюзию.

Также по результатам проведенного анализа можно отметить значимость переменных, отражающих отношение общества к лицам пожилого возраста. Отсутствие моральной поддержки, психологической помощи, воспоминания только во время предвыборных компаний отражают несистематичность помощи и порой пренебрежительное отношение к проблемам старшего поколения, что также выступает фактором социальной эксклюзии лиц пожилого возраста.

Влияют на социальную инклюзию пожилого населения и существующие системы, среди которых: система распределения пенсий, рыночная система современного общества, система льгот и гарантий (особенно в сельской местности), система социальных

услуг для пожилых людей и инвалидов. Кризисная ситуация и плохая защищенность пожилого человека в недостаточно разработанных и частично реализуемых системах, программы и меры которых не обеспечивают полноценно интегрированный уровень жизни, усложняют процесс социальной инклюзии населения. Реализация данных тенденций способна увеличивать риск возникновения социальной эксклюзии.

На формирование социальной эксклюзии влияют и факторы психологические, культурологические: отсутствие общественных мест для общения пожилых людей и общественных организаций (или их недостаточное количество). После выхода на пенсию у человека происходит изменение социального статуса, которое вызвано прекращением или ограничением трудовой деятельности, самого образа жизни и общения. Новые условия жизни могут привести к возникновению затруднений в социально-бытовой, психологической адаптации. Значимую помощь в такой адаптации, организации социально-культурной деятельности могут оказывать коллективы инициативных помощников, единомышленников, осуществляющие досуговые программы.

Необходимо отметить, что по результатам регрессионного анализа в Алтайском крае на появление социальной эксклюзии влияют переменные, характеризующие недостаточную эффективность социальной политики в отношении поддержки лиц пожилого возраста. Под неблагоприятными внешними обстоятельствами респонденты понимают недостаточное количество практических мероприятий местного и регионального уровня, которые были бы направлены на улучшение качества и уровня жизни населения, как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. При этом отмечается, что социальной инклюзии будут способствовать устойчивые систематические меры и программы, обеспечивающий приемлемый образ жизни населения старших возрастных группы. В обратном случае социальные проблемы будут нарастать, пополняя количество факторов социальной эксклюзии. С целью нивелирование влияния уже выявленных факторов необходимо всесторонне совершенствовать механизм реализации конкретных направлений государственной, региональной социальной политики по отношению к пожилым людям как к особой социально-демографической группе и учитывающей основные формы их жизнедеятельности.

Создание нормальных условий жизнеосуществления, по мнению экспертов, является необходимым для всех граждан,

однако при работе с пожилыми людьми отмечают «два аспекта... аспект нормативный, т.е. создать такую нормативно-правовую базу, которая способствовала бы интеграции пожилого населения в сферу труда, в сферу социальной защиты, в сферу социальной поддержки. Далее, я считаю, что органы власти должны, наверно, даже нести ответственность за взаимодействие организаций третьего сектора, организаций бизнеса и самих себя в части поддержки пожилого населения» (ИБ22.001, с. 7-8). Эксперты отмечают необходимость гибкости органов власти и управления, доступность для них рычагов регулирования социально-экономического, культурного положения граждан, в том числе старших возрастных групп. Но, при этом, не все эксперты называют конкретные формы помощи и реализуемые программы, даже отмечая отсутствие реальной помощи со стороны учреждений как фактор социальной эксклюзии пожилых людей («...краевая администрация принимает какие-то местные законы, подзаконные акты с учетом нашей специфики, но каких-то специальных законов именно по стареющему населению на уровне края я не знаю» (МС22.004, с. 4)). Пожилые люди желают работать по специальности, но в связи с технической революцией, кризисом экономики трудовой опыт пенсионеров быстро «устаревает», а для освоения новых навыков им необходимо дольше времени, а также наличие доступных курсов переквалификации, семинаров. Их отсутствие препятствует инклюзии пожилых людей в обществе и способствует их исключению.

Таким образом, пожилые граждане должны иметь возможность принимать активное участие в экономической, политической, культурной и социальной жизни общества. В государстве должны быть созданы все условия для лиц пожилого возраста в целях оказания помощи данной категории граждан в сохранении и поддержании ими здоровья, реализации индивидуальных способностей и творческого, трудового потенциала. Необходимо наладить взаимодействие между государственными учреждениями и гражданским обществом в целях обеспечения эффективной геронтологической политики. Представленные рекомендации направлены на повышение социальной инклюзии лиц пожилого возраста, что в целом будет способствовать расширению и совершенствованию их социального пространства, полноценному использованию потенциала пожилого населения в современном российском регионе.

Литература:

1. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Эмпирические модели восприятия старости в условиях новой геронтологической реальности: сравнительный анализ результатов социологического исследования в четырех регионах России // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/2 (74). С. 242-245.

2. Сигова С.В., Мазаева К.А. Старение населения как глобальный вызов современности // Проблемы современной экономики. 2013. № 1 (45). С. 68-71.

3. Шахова Е. Хорошая новость: мир стареет // Новый пенсионер – свободный пенсионер. 2014. URL: http://www.pencioner.ru/news/detail/sobitie_mesyatca/Horoshaya-novost-mir-stareet1/ (Дата обращения: 03.06.2014).

4. Шмерлина И.А. «Либерализация старения»: теоретические иллюзии и эмпирические «аномалии» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4 (116). С. 71-83.

5. Эксклюзивная жизнь или жизнь в эксклюзии [Электронный ресурс] // Пенсия и жизнь. 2011. URL: <http://thirdage.ru/obshhestvo/stil-jizni-u-nas-i-u-nih/630.html>

ОБРАЗ РЕКИ ОБЬ В СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Давлетбаева О.В., г. Барнаул (Россия)

Представления о географическом пространстве являются важным фрагментом национальной картины мира. Эти представления формируют сложный культурно-географический образ, который является источником необходимых знаний о культуре изучаемого языка[3, с. 10]. Модель культурно-географического образа, характерного для русской языковой картины мира, является актуальным обучающим материалом для иностранных студентов. Однако следует выявить особенности культурно-географического образа в представлениях иностранных респондентов.

С давних времен реки имеют огромную важность в жизни человека. Это обусловлено, прежде всего, тем, что реки относятся к первичным бытийным ценностям (наряду с землей и лесом), которые сформировались в сознании человека уже на самом

первом этапе восприятия и осмысления жизненного пространства. Такая точка зрения применима к любому национальному языковому сознанию. В связи с этим, целью нашего исследования является попытка описания культурно-географического образа реки Обь в сознании студентов из Китая. Выявленные особенности в полученной модели культурно-географического образа позволят в дальнейшем использовать их для сопоставления с представлениями, характерными для русской языковой картины мира.

В качестве основополагающего нами использовалось положение о существовании двух уровней бытия топонимической системы: онтологическом и ментальном [2, с. 70]. Ментальный уровень бытия топонимической системы обычно представлен данными ассоциативного эксперимента. Концепт, как часть или фрагмент того концептуального мира, который отражается у нас в сознании, входит в ментальный уровень бытия и имеет свою структурную особенность. Очевидно, что концепт состоит из ядра и периферии [4, с. 127]. Ядро – это словарные значения той или иной лексемы, которые заключают большие возможности в раскрытии содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. Периферия – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации. При помощи анализа собранных материалов мы попытаемся определить ядро и периферию концепта реки Обь.

Основным методом нашего исследования является метод ассоциативного эксперимента. Благодаря способности географических названий устойчиво сохранять внеязыковые сведения, минимально трансформируясь во времени, топонимия нередко обнаруживает следы архаичных представлений о мире, которые могут быть утрачены другими культурными кодами [1, с. 5]. Эти представления, на наш взгляд, отображаются в ассоциациях. В ходе исследования мы опросили 20 китайских студентов факультета массовых коммуникации, филологии и политологии, которые на протяжении двух лет проживают в г. Барнауле и несколько лет изучают русский язык. Помимо ответа на вопрос, *«Какие ассоциации у Вас вызывает река Обь?»*, респонденты должны были представить небольшое описание реки со своей точки зрения. Те ответы, в которых было указано более одной ассоциации, мы разделили и поместили в соответствующие группы.

Среди ассоциаций наиболее частотными реакциями оказались ответы, в которых упоминались названия крупных китайских рек, поэтому мы поместили их в одну группу: *Янцзы (река Янцзы) 4 реакции, Хуанхэ (Хуанхэ, великая река) 2 реакции.*

Вторую по частотности группу составили ассоциации, связанные с другими географическими объектами: *Прозрачная, изумрудная вода, как вода озера Байкала; Сибирь, красивая природа; Атлас, вода и сибирская природа; Сапфир России.*

В следующую группу мы поместили реакции, связанные со значением материнства, кормления: *Высокое развитие, мать народов; Обь кормилица барнаульского народа; Мать.*

Другую группу составили реакции, которые связаны с характеристикой реки или окружающей ее местностью: *Мост; Тихо и чисто; Свежайший воздух, чистейшие реки; Как длинная змея. Меандеринг; Изумительная, удивительная природа.*

В предпоследнюю группу мы поместили ассоциации, связанные с объектом, имеющим идентичное название: *Спортивный зал около нашего университета; Спортивный зал.*

И, наконец, последнюю группу составили реакции, связанные с проведением времени: *шашлык, плавать; Хорошее место для прогулки. Прошлым летом я каждый день гулял по реке Обь.*

Возникновение ассоциаций, связанных с китайскими реками, не случайно, оно обусловлено тем, что культурно-географический образ формируется в национальной языковой картине мира на основе ряда важнейших точек географического пространства страны, в данном случае, такими точками выступают крупнейшие реки Китая – Янцзы и Хуанхэ. Вторая группа ассоциаций свидетельствует о том, что к уже указанным важным точкам добавляются точки, не свойственные китайской языковой картине мира. Иными словами, их национальная картина мира начинает включать в себя элементы русской языковой картины мира, что обусловлено изучением русского языка, общением с носителями, путешествиями по России.

Особый интерес представляет третья группа ассоциаций, основанных на связи с материнством и кормлением. Такие ассоциации напрямую связаны с китайским национальным сознанием. Роль матери в современном Китае связана с особенностями культурно-исторического процесса. Во-первых, в древнейшем Китае, как и в других странах, существовало матриархальное общество: часты были случаи, когда люди знали своих матерей и не знали своих отцов. Отголоски матриархальной

культуры дошли до наших дней через мифы: например, версия мифа о сотворении мира богиней Нюйва; или легенды о Си-ванму, владычице Запада, страны смерти, и одновременно обладательнице эликсира бессмертия, дарующего жизнь. Во-вторых, в языке и письменности на протяжении всей истории их формирования отражались и сохранились до настоящего времени напоминания о матриархальном прошлом китайской культуры и об отношении к женщине-матери через некоторые иероглифы. Особое отношение к женщине, матери передалось и в ассоциациях, где Обь выступает как мать. Это не случайно, ведь река – это начало, как и мать, дающее жизнь. Здесь мы видим не только особое отношение к реке, как бытийной ценности, свойственное, в том числе и русскому сознанию, но и почитание, своеобразное почитание за то, что «кормит», чего не встречается в русском языковом сознании.

Следующая группа ассоциаций, основанных на характеристике реки, рисует образ красивой, тихой и чистой реки, с красивой окружающей местностью. За исключением реакции *мост*, которая связана с отражением реальной действительности – мост через реку Обь. Ассоциации, связанные с объектами, имеющими идентичное название, сужают образ реки до точки, ориентирующей в пространстве, в данном случае такой точкой выступает Бассейн «Обь». В то время как заключительная немногочисленная группа ассоциаций описывает функциональную точку зрения на реку: на реке можно устроить пикник, пожарив шашлык, можно плавать и просто гулять. Очевидно, что эти три последние группы представляют субъективный опыт.

Описания реки Обь, предоставленные студентами, мы также разделили на группы.

Наиболее значимую группу составили сравнения: *Обь как синяя лента; Длинная, чистая как змея; Это длинная река, как мать кормит русских; Река Обь как мягкий атлас, как красивая мать*. Данные примеры свидетельствуют об образном мышлении носителей китайской языковой картины мира. Приведенные в сравнениях образы напрямую связаны с особенностями китайской культуры: во-первых, это образ матери, описанный выше, во-вторых, образ змеи, которая в китайской культуре является символом обновления вселенной и вечного движения. Такое сравнение вполне закономерно, так как река также символизирует обновление и движение. В-третьих, это атлас,

лента – значимая реалия китайской культуры, так как на протяжении многих веков, именно атлас является узнаваемым во всем мире национальным китайским продуктом. Такое сравнение подчеркивает значимость реки в сознании китайских студентов.

Самую частотную группу составили определения, связанные с внешними, физическими характеристиками реки: *Красивая; Прозрачная, изумрудная, прекрасная, великолепная; Прекрасная, великолепная, изумрудная; Холодная, но красивая и большая; Красивая, но грязная* – 2 ответа; *Великая река, красивая; Большая; Очень длинная река; Широкая река, красивая река; Чистая река, длинная река, красивая и спокойная река.* Данная группа описывает, прежде всего, реальную действительность, реку такой, какой представляют ее студенты: большая, красивая, спокойная. Данные определения подкрепляются данными ассоциативного эксперимента.

В третью же группу мы поместили определения, связанные с географическими особенностями реки: *Обь – река в Западной Сибири; Длинная река Обь – самая крупная в Сибири; Обь – река в Западной Сибири. Образуется на Алтае при слиянии Бии и Катунь.* Определения этой группы, на наш взгляд, не несут в себе особенностей китайского языкового сознания. Указанные описания отражают общеизвестные географические данные.

Итак, проанализировав данные ассоциативного эксперимента, а также описания реки Обь, предоставленные китайскими студентами, можно утверждать, что в ядре концепта «Обь» окажутся ассоциации первой и второй группы, вокруг которых формируется национальная языковая картина мира китайского народа: *Янцзы и Хуанхэ* с добавлением элементов русской языковой картины мира: *Сибирь, Россия, Байкал.* Кроме того, следует поместить в ядро концепта «Обь» ассоциации, основанные на важности реки, как начала жизни: *мать, кормилица*, а также определения, несущие в себе особую значимость для китайской культуры: *Длинная, чистая как змея; Это длинная река, как мать кормит русских.* Кроме того, в ядро следует поместить ассоциации, дающие определение реки как чистой, тихой и красивой, что подтверждается описаниями.

Остальные ассоциации и описания отражают субъективный опыт, в связи с чем, мы поместили их на периферию концепта. Однако эти субъективные данные представляют собой смешение русской и китайской языковой картины мира.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ реки Обь в сознании китайских студентов формируется на основе китайского языкового сознания. Однако, в связи с тем, что студенты продолжительное время изучают русский язык и проживают в России на протяжении двух лет, мы можем заметить, как происходит постепенное проникновение элементов русской языковой картины мира в китайское языковое сознание, что отображается в особенностях культурно-географического образа реки Обь.

Литература:

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М., 2010.
2. Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (На материале русской топонимии Алтая): Дисс. ... д-ра фил. наук: 10.02.01. Барнаул, 2002. 367 с.
3. Кубрякова Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2003. № 4 (38). С. 2-12.
4. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Доровских А.С., г. Барнаул (Россия)

Тема межнациональных отношений была и остается актуальной для многонационального народа России. Также она является одной из проблем, т.к. возрастание межнациональной конфликтности во всех формах ее проявления может угрожать культурной и территориальной целостности страны. Поэтому необходимо создавать условия, при которых не будет места для унижения личности по национальному признаку. При значительном росте этнического самосознания и настроенности к суверенизации некоторых регионов России, создавать такие условия при напряженных отношениях контактирующих национальностей, как на индивидуальном, так и на групповом уровнях достаточно сложно. Республика Тыва расположена в

географическом центре Азии и имеет древнюю историю и культуру. Также она является одной из напряженных точек, где периодически разворачиваются конфликты на национальной почве. Анализируя работы исследователей межэтнических отношений в Республике Тыва можно утверждать, что в 1980-90-х гг. была значительная межэтническая напряженность среди жителей. Причины такого положения межэтнических отношений необходимо рассматривать с позиции этносоциологического подхода в комплексе всех факторов, влияющих на напряженность в Республике. Отношения между народами складываются на трех уровнях: институциональном, межгрупповом, межличностном. На состояние межэтнических отношений влияют такие факторы, как политические, культурные, демографические, социальные и экономические [4, с. 220].

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Тыва имеются значительные национальные особенности. Для точного рассмотрения национального состава населения Республики стоит учитывать то, что на основе Конституции Российской Федерации население имело право не отвечать на вопрос о национальной принадлежности. В связи с этим в 2010 г. в Республике национальную принадлежность указали только 304616 жителей из 307930, это означает, что 4073 не указали своей национальности. Ответы респондентов, указавших свою национальную принадлежность, распределились следующим образом: 82,0% – тувинцы; русские – 16,3%; хакасы – 0,3%; армяне – 0,2%; киргизы 0,2%; другие национальности – 1,0%. При этом стоит отметить, что в сравнении с 2002 г. доля русских уменьшилась на 5,0%, хакасов – 0,1%, других национальностей – 1,1%. Общая численность населения сократилась на 2420 жителей, так как в 2002 г. на территории Республики проживало 305510 жителей, из которых только трое респондентов не указывали своей национальной принадлежности. Из данных статистики можно сделать вывод, что в Тыве лишь две национальности являются наиболее многочисленными – тувинцы и русские. С 2002 г. по 2010 г. изменилась численность населения и национальный состав, в соответствии с которым значительное большинство определяют себя тувинцами. Такое распределение национального состава дают некоторые преимущества титульному этносу Республики Тыва, которые находят свое дальнейшее выражения среди остальных жителей [6].

Советский и российский социолог Л.М. Дробижина пишет о том, что тувинцы склонны воспринимать русских как значительно более близкую к себе этническую группу, чем русские тувинцев. Стоит заметить, что главным фактором служит наличие позитивных межнациональных контактов между ними. Поэтому в районах с только тувинским или со смешанным населением ситуация межнациональной напряженности различается. Особенно выражены эти различия у населения, живущего в моноэтнических районах Республики, так некоторые из них могли не выезжать за пределы своего района, в котором они не сталкивались с русскими [3, с. 16].

В Тыве существуют значительные барьеры в общении, связанные с незнанием языка. Русское население практически не владеет и не стремится владеть тувинским языком, при этом редко общается с тувинцами с плохим знанием русского. Тувинцы со своей стороны в той или иной мере гораздо больше владеют русским. Это связано с тем, что в советское время практически все смотрели телепрограммы на русском языке, изучали в школе русскую литературу и многое другое. Сейчас есть возможность выбора, на каком языке смотреть передачи или читать литературу, поэтому ситуация со знанием тувинцами русского языка несколько ухудшилась. Растет количество тувинцев, которые свободно владеют только тувинским языком, в том числе среди горожан, живущих в столице г. Кызыл [5]. Проблемы возникшего языкового барьера влияют не только на представления народов друг о друге, но и на уровень образования. Например, известно, что тувинские школьники достаточно плохо сдают ЕГЭ, т.к. обучение в большинстве школ проводится на тувинском языке, из-за чего у школьников возникают трудности при поступлении в университеты, т.к. им приходится затрачивать время на перевод заданий ЕГЭ. Эта проблема происходит из-за того, что при таком национальном составе в Республике не хватает квалифицированных русских или хорошо говорящих на русском учителей. Но стоит заметить, что Глава Республики Шолбан Кара-оол уделяет особое внимание решению вопросов образования и в 2015 г. отмечают значительные успехи по сдаче экзаменов школьниками [4, с. 90]. Межнациональные проблемы Республики на этом не заканчиваются, ведь история противоречий длится не один десяток лет.

Очень значительны были и остаются культурные различия русских и тувинцев, мало общего в быту, хозяйстве и

мировоззрении. Русские на тот момент времени были скорее в роли «учителя» в рамках советской идеологии, и они не были настроены на принятие культуры и обычаев народа – «ученика». Культура тувинцев воспринималась как «докультурное» состояние, что повлияло на межнациональные отношения и даже отчуждение народов, которое впоследствии стало проявляться в агрессивных действиях со стороны тувинского населения [5].

С 1980 г. появляется информация о том, что тувинский народ проявляет тенденцию к тому, чтобы вернуть утраченные древние тувинские традиции. Это стремление привело к антирусским настроениям и ухудшению межнациональных отношений, в первую очередь из-за того, что большинство традиций связаны с религией, которая была неприемлема при Советской власти, то есть русской власти. Стремление к возрождению традиций было связано с избавлением от русского влияния, что выражается в форме межнационального конфликта конца 1980-х – начала 1990-х гг. [4, с. 217].

В 1988 г. произошли изменения в Республике, обстановка среди жителей стала более криминальной. В сравнении с 1987 г. число преступлений выросло в четыре раза. Увеличилось количество убийств в Кызыле на 33%, краж – на 94%, но изначально это не связывалось с межнациональной напряженностью, поэтому годом начала массовых притеснений русских считается 1989 г. Тувинская молодежь, одобряемая многими тувинцами, среди которых были чиновники, устроила погромы русских домов в сельских районах Тувы. После чего агрессивно настроенная молодежь стала нападать на русских. В городах чаще всего они безнаказанно избивали, причиняли ножевые ранения, приводившие к смертям, и грабили. С этого года в СМИ стали появляться статьи о преступлениях против русских. Если в 1989 г. доля русских в Республике Тыва составляла 32%, то в 2010 г. – всего 16,3% [1, с. 92].

В 1993 г. местный Верховный Совет принял Конституцию, по которой регион стал называться Республика Тыва. С одной стороны, этот документ признавал бывшую Туву частью России, с другой – позволял ее руководству самостоятельно решать межнациональные вопросы, устанавливал республиканское гражданство, предусматривалось и право на самоопределение. Считается, что с 1994 г. конфликты между тувинцами и русскими утихли, так как тувинского народа в Республике Тыва стало значительное большинство. Тувинское большинство либо

увольняло русских, либо банкротило предприятия. В 2001 г. в Тыве приняли новую Конституцию, из которой исключили положение о суверенитете региона. При этом пункт о республиканском гражданстве отменили лишь в 2010 г. Все эти разногласия повлияли на экономику Республики, но в последние годы правительством РФ предпринимаются действия, связанные с финансовой поддержкой Тывы. Также реализуется республиканская целевая программа: «Национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2013-2016 гг.».

В рамках реализации проекта: «Особенности этнорегиональных моделей социально-экономической адаптации в Республике Тыва в постсоветский период» проведенного в 2010 г., было проведено социологическое исследование. Целью данного исследования являлось определение отношения местного населения к различным аспектам межэтнического взаимодействия, а также разделяемые им этнические стереотипы. Выборочная совокупность составила 400 чел., из них 80,2% – тувинцы, 18% – русские, 1,8% – другие национальности. Для проведения исследования были отобраны районы трех типов [1, с. 95]:

1. с преобладанием русскоязычного населения (г. Кызыл);
2. с преобладанием тувинского населения (Улуг-Хемский и Эрзинский);
3. со значительным количеством русских (не менее 20%), проживающих среди численно их превосходящих тувинцев (Тандынский).

Также в рамках данного исследования в 2013 г. был проведен экспертный опрос 25 респондентов: 18 тувинцев и 7 русских.

44,5% тувинцев и 44,1% русских характеризуют межнациональные отношения, как: «недружелюбные, неприязненные отношения к людям другой национальности». Русских респондентов очень волнует то, что назначение на престижные посты происходит в большей степени не по заслугам специалиста, а по национальному признаку – 55,9%. Также респонденты отмечают, что их волнуют «групповые хулиганские действия молодых людей на национальной почве» (47,3%), свидетелями которых были и представители других этносов. В свою очередь, тувинцы жаловались на «незнание некоторыми представителями власти языка, на котором говорит большинство населения».

Русское население Республики чувствует беспокойство, ожидая негативного развития событий в сфере межэтнического

общения. Эксперты считают, что это беспокойство можно обосновать следующими факторами:

1. Уменьшение численности русского населения до 16,3%;
2. Русским не свойственно создавать родовые группы или семейные кланы;
3. Транспортная доступность региона для нетувинского населения проблематична из-за небольшого количества рейсов и высокой их стоимости [1, с. 96].

Существенный вклад в обострение межнациональных отношений вносят ухудшение экономической ситуации в Республике, повышение уровня безработицы и неблагоприятная криминогенная обстановка. Респондентов особенно волнует увеличение числа правонарушений среди молодежных групп, т.к. отвечая на вопрос о наиболее острых проблемах региона, чаще всего упоминают рост преступности (54,5% тувинцев и 60,2% русских), рост цен и инфляцию (55,2% тувинцев и 50,5% русских), наркоманию и алкоголизм (61,3% тувинцев и 51,6% русских). З.В. Анайбан, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, этносоциолог считает, что эти проблемы так или иначе проецируются на сферу межнационального взаимодействия. В условиях экономической нестабильности и усиления социально-профессиональной конкуренции определенная часть людей склонна переносить чувство социально-экономической неудовлетворенности в плоскость национальных отношений. Стоит заметить, что несмотря на отмеченные трудности оставшиеся русские не хотели бы переезжать в другие регионы России. Среди них распространено мнение, что «их нигде не ждут, в другом месте может быть еще хуже».

Одновременно с усилением этнической напряженности в регионе эксперты отмечают и ряд положительных тенденций в сфере межнационального и межкультурного взаимодействия. Русские все чаще проявляют интерес к культуре и традициям тувинцев, принимая участие в тувинских национальных праздниках и разного рода религиозных мероприятиях.

Таким образом, по итогам исследований были обозначены опасения жителей Республики по ухудшению общего состояния межнациональных отношений несмотря на отмеченные положительные тенденции. Что находит свое отражение в мае 2016 г., когда союз русскоязычных граждан Тывы «Россияне», созданный 8 апреля 2016 г. обратился к В.В. Путину, говоря о том, что в Республике Тыва притесняют русскоязычное население. «В связи с

массовым отъездом русских в Республике ощущается дефицит квалифицированных кадров, в том числе врачей, инженеров и учителей, особенно преподавателей русского языка», – пишут члены союза «Россияне» президенту РФ. Также авторы обращения жалуются на дискриминационную политику руководства Республики по отбору управленческих кадров: «17 глав районных администраций, и только один – русский, из 37 членов правительства русских только трое». Члены союза просят В.В. Путина обратить внимание федеральных органов власти на положение русскоязычной части населения и «принять меры, обеспечивающие в Тыве людям всех национальностей равенство прав, в том числе при назначении на должности, и доступ к правосудию».

Стоит заметить, что проблему межнациональной напряженности в Республике отрицают местные чиновники. Например, министр экономики Республики Тыва Е. Каратаева сообщает, что: «союз выглядит политической вывеской, которая не имеет ничего общего с реальностью». Следом за новостями об обращении к Президенту РФ ряд изданий опубликовал опровержение данной информации, говоря об отсутствии этой проблемы в регионе [7].

Таким образом, исторически сложившиеся межэтнические отношения должны стать объектом прогнозирования и управленческого воздействия на основе социокультурного подхода. Развитие межэтнических отношений в Республике обусловлено исторически сложившейся спецификой этносоциальных противоречий, разрешение которых является важной задачей для страны [1, с. 96]. Продолжающаяся уже десятки лет негативная тенденция происходит в большей степени из-за экономической нестабильности, неудовлетворенности населения своим социально-экономическим положением, ростом безработицы. Местные власти применяют меры по улучшению обстановки в Республике, но их на сегодняшний день недостаточно.

Литература:

1. Анайбан З.В., Балакина Г.Ф. Динамика межэтнических отношений и этнических стереотипов в Республике Тыва // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 93-99.

2. Басаргин В.Ф. О мерах по гармонизации межнациональных отношений и созданию условий для этнокультурного развития народов России // Вопросы местного самоуправления. 2011. № 4. С. 90-93.

3. Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии, 1998. 385 с.

4. Магомедов М.А. К вопросу об изучении межнациональных отношений в России // Россия и современный мир. 2011. № 4. С. 217-223.

5. Мышлявцев Б.А. Русские и тувинцы: образ «другого». Проблема взаимодействия культур [Электронный ресурс] // Сибирский этнографический вестник. № 14 (15). URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/index.html?mi=25&id=1472> (Дата обращения: 30.05.2016).

6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://tuvastat.gks.ru/> (Дата обращения 29.05.2016).

7. Официальный сайт Республики Тыва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gov.tuva.ru/news.aspx/> (Дата обращения: 30.05.2016).

8. Тюгашев Е.А., Попков Ю.В. Социокультурный подход в регулировании межэтнических отношений [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_13/4471-popkov-tyugashev.html (Дата обращения: 29.05.2016).

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Сарыглар С.А., г. Барнаул (Россия)

Проблематика межнациональных, этноконфессиональных отношений на протяжении последних лет стала объектом острого обсуждения и дискуссий. На фоне международных, этноконфессиональных событий, в первую очередь, в центре внимания находится деятельность политиков, представителей государственных органов по урегулированию и гармонизации межнациональных отношений. В таком многонациональном обществе этнополитика является неотъемлемой ее частью и ключевым фактором ее стабильности и функциональности.

Этнополитика, или национальная политика, представляет собой комплекс мер органов государственной власти и иных организаций

при поддержке государственных институтов, направленных на оптимизацию и развитие межнациональных, этноконфессиональных отношений и на профилактику и устранение негативных форм межнационального взаимодействия [1, с. 196].

С целью выявления эффективности этнокультурной политики нами были проанализированы результаты исследования по теме «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации», проведенного в Алтайском крае под руководством доктора социологических наук, профессора С.Г. Максимовой в 2015 г. (n=1200).

Для выявления характеристик, определяющих эффективность этнокультурной политики в крае, был проведен факторный анализ (критерий сферичности Бартлетта, значение статистики КМО = 0,893, что больше 0,5, df=28).

В результате анализа была получена 5-факторная структура, объясняющая 92% общей дисперсии переменных. В первый фактор, информативность которого составила 64% общей дисперсии переменных ($\lambda=5,1$) с максимальными нагрузками (факторные нагрузки более 0,4), вошли показатели, характеризующие деятельность органов исполнительной власти по поддержке и развитию национально-культурных, этноконфессиональных объединений: поддержка национально-культурных общественных объединений (0,85), поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей (0,83), поддержка конфессий, религиозных организаций (0,66).

Второй фактор (доля объясненной дисперсии – 10%, $\lambda=0,8$) определяет деятельность органов власти по регулированию межэтнической ситуации в крае: сформирована эффективная система управления реализацией государственной национальной политики (0,84), Администрация успешно разрешает возникающие конфликты в сфере межэтнических отношений (0,80).

Третий фактор (доля объясненной дисперсии – 7%, $\lambda=0,6$) характеризует специфику взаимодействия органов власти и национальных меньшинств (диалог государства и этнических диаспор, национальных меньшинств при принятии значимых решений ведется эффективно и публично (0,80), поддержка конфессий, религиозных организаций (0,56).

Четвертый фактор (доля объясненной дисперсии – 5%, $\lambda=0,4$) отражает отстаивание интересов всех жителей независимо от национальности и вероисповедания (0,90).

Пятый фактор, с наименьшей долей объясненной дисперсии – 4%, $\lambda=0,3$, характеризует деятельность органов власти по контролю соблюдения законов в сфере государственной национальной политики (0,86).

В данной группе факторов отчетливо выражена политика поликультурности, которая направлена на социальную интеграцию всех народностей, проживающих в крае, на поддержку и развитие этнокультурных объединений и сообществ [2, с. 12]. В крае активно реализуется Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. По итогам 2015 г., национальный состав Алтайского края представлен 142 народностями. В настоящее время в крае функционирует 330 религиозных организаций и 51 национально-культурная общественная организация [3].

Примечательно, что в первый фактор с наибольшими нагрузками вошли, прежде всего, утверждения, касающиеся поддержки и развития этнокультурных объединений, что говорит об оценке эффективности и выраженности данного направления этнокультурной политики края.

Для оценки эффективности национальной политики мы также проанализировали ряд вопросов, отражающих современное состояние этноконфессиональных отношений. Так, большинство респондентов оценивают современные межнациональные отношения в крае нормальными и бесконфликтными (68%). Однако почти каждый десятый житель края отмечает напряженность и конфликтность межнациональных отношений. Также, по мнению большинства опрошенных, отношения между людьми различных вероисповеданий в Алтайском крае можно оценить как нормальные и бесконфликтные (67%). Стоит отметить, что значительная часть опрошенных (10% и 13%) затруднились ответить на вопросы о межнациональных и этноконфессиональных отношениях, не отнеся их ни к «нормальному, благополучному» состоянию, ни конфликтному и напряженному.

Несмотря на это, о благополучии и эффективности этнокультурной политики в крае говорит и тот факт, что больше половины опрошенных скорее отрицают межнациональную напряженность (62%).

На вопрос «Насколько эффективны в России меры, выполняемые по реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» почти половина опрошенных затруднились ответить, что, скорее всего, говорит о низкой

правовой активности населения (42%). Четверть опрошенных отметили, что с момента принятия указа ничего не изменилось, и что так быстро проблемы межнационального согласия не решить, но определенные сдвиги в положительную сторону есть.

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что межнациональная политика в крае достаточно эффективна, респонденты высоко оценивают деятельность органов исполнительной власти по поддержке национально-культурных, общественных объединений, по поддержке и развитию традиций представителей разных национальностей, поддержке конфессий, религиозных организаций. Однако, стоит отметить существование некоторой доли негативных и неоднозначных оценок межнациональной ситуации и этнополитики в крае.

Литература:

1. Богатова О.А., Долгаева Е.И. Этнокультурная политика в регионе: интеграция институциональных факторов формирования межэтнических отношений // Регионоведение. 2011. № 1 (74). С. 196-210.

2. Ноянзина О.Е. Этнокультурное пространство Алтайского края // Социальная интеграция и демографическая безопасность приграничных регионов России: проблемы старения, репродуктивного здоровья и миграции: сборник материалов международных научных мероприятий. Барнаул. 2013. С. 7-12.

3. Реализация в Алтайском крае Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 года: основные итоги 2015 года [Электронный ресурс]: <http://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/realizatsiya-v-altayskom-krae-strategii-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii.php> (Дата обращения: 27.06.2016).

РОЛЬ МЕДИАПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ- РЕСУРСОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Шахова Е.В., г. Барнаул (Россия)

Роль медиапространства региона в регулировании межэтнического взаимодействия – очень важный и актуальный вопрос в современном многонациональном обществе. Ведь наряду

с процессами глобализации, которая способствует социальной интеграции и взаимопроникновению различных культур, наблюдается и увеличение межэтнических конфликтов.

Для выявления роли медиапространства региона в регулировании межэтнического взаимодействия нами было проведено социологическое исследование на данную тему, мы использовали метод контент-анализа.

В качестве источников информации выступили Интернет-ресурсы региона. Отбор Интернет-ресурсов для исследования осуществлялся по таким параметрам, как влияние ресурса, широкий охват аудитории, а также общественно-политический характер публикуемых материалов. В результате было проанализировано 15 Интернет-ресурсов за следующий период: январь 2012 – декабрь 2015 гг. (Sibinfo.su, ИА Амител, Kapitalist.tv, Altapress.ru, Bankfax.ru, ПолитСиб.Ру, Doc22.ru, ИА Атмосфера, Ngs22.Ru, Интерфакс Сибирь, News22, РИА Новости, Деловой Квартал, Тайга Инфо, Алтай Пост).

В 15 отобранных Интернет-ресурсах нами были выделены и проанализированы 937 материалов.

Интенсивность и периодичность новостей на разных информационных сайтах различная. Так, например, больше всего новостей, связанных с интересующей нас темой, представлено на сайтах СиБИнфо (20,6%), Алтапресс (10,6%), Амител (10,1%). Наименее популярны такие материалы на сайте Деловой Квартал-Сибирь и НГС22 (по 1,4%).

Отличается количество сообщений и в зависимости от года. Больше всего их представлено в 2015 г. – 315 новостей (34%), немного меньше новостей в 2014 г. – 241 новость (26%), в 2013 и в 2012 гг. практически одинаковое количество статей – 197 и 184 статьи (19 и 21% соответственно).

Информационные поводы материалы, отобранных в результате контент-анализа Интернет-ресурсов, посвящены в основном таким тематикам как:

1. Этнические общности;
2. Процесс дезинтеграции;
3. Процесс интеграции;
4. Патриотизм.

В проанализированных Интернет-ресурсах много новостей посвящено этническим общностям – 291 новость (38,4%), причем такие понятия как «нация, национальность» встречаются в 63,6%

наблюдений чаще, чем новости, связанные с категориями «народ» – 40,2% наблюдений, «этнос» – 31,3% наблюдения.

Чаще всего упоминается об алтайском народе, коренных малочисленных народах Республики Алтай, коренных сибирских этносах и этносах России. Реже говорится о цыганах, украинцах, немцах.

Новости, связанные с критерием «этническая общность», в основном связаны:

- с освещением различных национальных праздников, фестивалей национальных культур, конференций, форумов, конгрессов, конкурсов, семинаров, имеющих международный характер;

- со статистикой, характеристикой миграционных процессов региона с указанием на самые многочисленные и малочисленные национальности, количество представителей различных национальностей, проживающих в регионе;

- с рассказом о жизни и культуре какого-либо народа, об особенностях его поведения, о взаимодействии с другими;

- с деятельностью государства в рамках регулирования межэтнического взаимодействия, укрепления нации, регулирования деятельности СМИ в сфере межэтнического взаимодействия.

Также можно выделить новости, связанные с процессом социальной дезинтеграции, ему посвящено 36,7% статей.

При изучении процессов дезинтеграции на информационных сайтах практически не упоминается о «ксенофобии» (2,9% наблюдений). Почти с одинаковой интенсивностью освещены процессы «конфликт/столкновение» и «национализм» (21,2% и 21,6% наблюдений соответственно). Отдельно стоит отметить категорию «экстремизм», ей посвящено 54% наблюдений. Новости, связанные с этим понятием, в основном сообщают о том, что какой-либо материал носит экстремистский характер (тексты песен, стихотворения, речь известных людей, комментарии в социальных сетях, религиозные брошюры и пр.), а также призывают бороться с экстремизмом.

Процессу интеграции посвящено 21,8% статей. В рамках интеграции наиболее часто используют такие категории, как «взаимодействие/сотрудничество» (44,8% наблюдений), «единство» (38,8% наблюдений), «толерантность/терпимость» (29,7% наблюдений), «мир/согласие» (14,5% наблюдений). Такой

процесс объединения, как «диалог» почти не употребляется в Интернет-ресурсах (0,6% наблюдений).

Новости, характеризующие процессы интеграции, делают это с помощью анонсирования различных мероприятий: межнациональных молодежных форумов, толерантных спортивных праздников, фестивалей национальных культур, открытия центров различных культур, регулярных уроков толерантности, других различных культурных мероприятий, проводимых ко Дню народного единства.

Почти четверть всех работ (25,5%) связана с патриотизмом. Количество статей на данную тему каждый год практически одинаково. Данные новости рассказывают:

- о проведении в регионе различных патриотических конкурсов («Моя малая Родина», фотоконкурс «Милый сердцу уголок», «Узнай Алтай», конкурс молодежных авторских проектов «Малая Родина»);

- о патриотических акциях («Бессмертный полк», «Снежный десант», «Я горжусь тобой, Алтай!» и др.);

- о политике в сфере патриотического воспитания: подготовка программы патриотического воспитания россиян, создание управления патриотического воспитания в Кремле, открытие нового ведомства «Роспатриотизм», открытие центров патриотического воспитания, вручение наград и памятных медалей за патриотическое воспитание граждан и т.д.;

- о мероприятиях, проводимых ко Дню Великой Победы.

Таким образом, контент-анализ Интернет-ресурсов показал, что тема межэтнического взаимодействия в регионе является достаточно актуальной. Публикации Интернет-ресурсов на данную тему являются одним из значимых факторов, которые положительно влияют на межэтнические взаимодействия в Алтайском крае. Ведь согласно результатам мониторинга состояния межнациональных отношений в Алтайском крае большинство экспертов отмечают, что с 2012 г. ситуация в сфере межнациональных отношений особо не изменилась, но определенный всплеск в сторону улучшения есть [1, С. 71].

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что медиапространство Алтайского края (а именно Интернет-ресурсы) играет значимую роль в регулировании межэтнического взаимодействия, направлено на предотвращение разного рода межнациональных конфликтов, на стремление добиться согласия и мира между всеми нациями, проживающими в регионе.

Литература:

1. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Авдеева Г.С., Суртаева О.В. Мониторинг состояния межнациональных отношений в Алтайском крае: монография / под. общ. ред. С.Г. Максимовой. Барнаул: Изд-во ООО «Типография Триада», 2015. 100 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОЛОДЕЖНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Дергунова И.В., г. Барнаул (Россия)

Региональная и международная интеграции – два объективных процесса, набирающих силу в XXI в. В этом смысле идея европейской и евразийской интеграции – лишь частные проявления региональной интеграции, отражающие объективную реальность. После того, как двухполюсный мир развалился, а однополярность показала свою очевидную нежизнеспособность, происходит серьезная переоценка деятельности региональных объединений, проработка создания временных союзов для решения отдельных проблем; все чаще применяются методы государственно-частного партнерства для решения задач, находившихся в исключительной компетенции государственных и межгосударственных объединений [4].

«Интеграция» в современной социологии – понятие очень емкое, которое характеризует:

1) совокупность процессов, благодаря которым отдельные элементы объединяются в социальную общность;

2) формы поддержания определенной устойчивости и равновесия общественных отношений;

3) способность социальной системы или ее частей к самосохранению и устойчивости ее частей по отношению к внешним и внутренним противоречиям [3].

Если говорить о международной интеграции, то нужно сказать, что это процесс всестороннего сближения государств посредством ликвидации различных экономических и институциональных барьеров при помощи разнообразных политических и экономических мер. В настоящее время в мире насчитывается около 240 различных интеграций [1].

Под социальной интеграцией молодого поколения понимается, во-первых, характер связей между обществом как целым и молодежью как его частью, возникающих в процессе включения этой социально-демографической группы в социальную структуру, направленных на поддержание и воспроизводство устойчивых общественных отношений и целостности общества; во-вторых, совокупность процессов, определяющих различные формы внутригруппового единства молодежи.

В мире существует два основных направления интеграции, это европейская интеграция и евразийская. У евразийской интеграции есть несколько существенных особенностей, которые делают идею этой региональной интеграции значительно более актуальной, чем всех остальных:

- евразийская идея значительно «старше» – философски и политически;

- она в основном может быть реализована на едином прежде культурном языковом религиозном и экономическом пространстве, которое унаследовано от бывшего СССР и имперской России;

- она – геополитически и инфраструктурно – во многом существует уже в реалии.

Идея интеграции постсоветского пространства предложена Президентом Казахстана Н. Назарбаевым главам стран СНГ еще в 1994 г. В течение последующих лет принимались практические решения о создании межгосударственных интеграционных структур, прорабатывались подходы и методы, выстраивались уровни интеграции. Позже идею интеграции подхватили главы России и Беларуси В.В. Путин и А.Г. Лукашенко.

Международная коммуникация должна способствовать созданию атмосферы большей терпимости в полиэтнических обществах, уважению прав человека, более активному участию.

Со стороны общества и государства в настоящее время происходит осознание важности вложений в молодежь и молодежную сферу как долгосрочных инвестиций в развитие страны, в результате чего широкое распространение и поддержку получают различные молодежные программы и инициативы, также расширяются границы молодежной политики и молодежного сотрудничества.

Молодежь является носителем интеллектуального потенциала, является наиболее мобильной и физически здоровой частью населения, высока ее экономическая активность.

Молодежь во все времена быстро реагирует на все процессы, происходящие в обществе [2].

Молодежные общественные объединения в частности как институт гражданского общества выполняют важнейшую функцию активизации молодежного сотрудничества на евразийском пространстве, которое имеет большое практическое значение в связи с тем, что в самом ближайшем будущем молодежь станет главным политическим актором, принимающим значимые решения. Соответственно, их адаптация и включение в процесс интеграции сегодня имеют большое идеологическое значение.

Следует отметить, что в данном направлении необходима консолидация усилий и деятельности стран и их молодежных организаций, необходима следующая совместная деятельность:

- разработка механизмов взаимодействия и развития сотрудничества молодежных объединений в укреплении интеграционных процессов;

- реализация совместных молодежных проектов в гуманитарной, культурной, образовательной и общественной сферах;

- создание постоянных дискуссионных площадок по обсуждению актуальных проблем молодежи стран;

- проведение совместных мероприятий, молодежных форумов, рабочих групп, семинаров, онлайн конференций;

- создание евразийских молодежных медиа – ресурсов [1].

Молодежное сотрудничество, как одна из основных двигателей интеграции выражается в формах академической мобильности, проведении международных молодежных форумов, реализации совместных проектов и идей.

Целесообразно проводить дальнейшее углубление культурного, образовательного, гуманитарного сотрудничества между молодежными организациями стран, избегая излишней политизации. Заинтересованность молодежи в интеграции очень важна, ведь сегодняшние молодые люди – это будущие управленцы и политики, им предстоит реализовать ее потенциал.

Литература:

1. Тулешов Т.Д. Евразийская интеграция. Построение будущего. М.: Издание Вольного экономического общества России, 2013. 244 с.

2. Харченко В.В. Международное молодежное движение сегодня // Российская молодежь: проблемы и решения. М.: Центр социального прогнозирования, 2005.

3. Юргенс И. Новые полюсы силы и статус-кво // Независимая газета. 2012. 18 апреля. С. 4.

4. Айтжанова Д.Н. Роль факторов политической интеграции на Евразийском пространстве в деятельности молодежных организаций Казахстана и России [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32316/1/klo_2015_171.pdf

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Мамчур Ю.Ю., г. Барнаул (Россия)

Инновационное обновление деятельности современной образовательной организации, обусловленное введением ФГОС, актуализирует значимость осмысления целостного педагогического процесса с позиций научного управления. При этом сама категория «управление» относится к числу наиболее общих, универсальных. Она используется во всех областях человеческой деятельности: технических, производственных, в сфере сложных социальных систем, в том числе и педагогических. В этой связи управление составляет основание деятельности современной образовательной организации, осуществляющей процесс подготовки молодого поколения к жизнедеятельности в обществе.

Соглашаясь с позицией В.А. Слостенина, под управлением мы понимаем деятельность, направленную на выработку решений, организацию, контроль, регулирование объекта управления в соответствии с заданной целью, анализ и подведение итогов на основе достоверной информации [6]. Школа, являясь сложным социальным объектом, раскрывается через систему «администрация – учитель – ученик». Точкой отсчета данной системы является человек, активно участвующий в формировании самой системы, влияющий на характер связей и отношений внутри нее, а также их функционирование и развитие. Таким образом, представляя школу как систему социальную по своей природе, ее управление следует изучать как управление социальной системой [5].

В литературе по педагогическому менеджменту представлены различные трактовки категории «управление образовательным учреждением». Так А.М. Моисеев под системой управления школой понимает совокупность человеческих, материальных, технических, информационных, нормативно-правовых и других компонентов, связанных между собой так, что благодаря этому осуществляется процесс управления, реализуются управленческие функции [3]. В.С. Лазарев под управлением школой понимает особую деятельность субъекта, обеспечивающую организованность совместной деятельности учащихся, педагогов, родителей, обслуживающего персонала и ее направленность на достижение образовательных целей и целей развития школы посредством решения управленческих задач [2].

Динамизм внешней и внутренней среды образовательной организации, актуализирует вопрос об эффективном управлении образовательной организацией в современных экономических условиях. Ведущими ориентирами при этом выступают достижение финансовой самостоятельности и социального статуса, обеспечение конкурентоспособности и формирование стратегического партнерства.

Особенно необходимо выделить, что возникновение новых ценностей, таких как потребность, сервисность, открытость, сотрудничество, обуславливает возрастание значимости личностного фактора в процессе и развивающий характер управления.

Образовательные организации, которые хотят в течение длительного времени добиваться высоких образовательных результатов, иметь стабильные финансовые потоки, стабильный контингент учащихся и стабильный преподавательский коллектив, развиваться, иметь конкурентные преимущества и процветать, должны как можно быстрее включиться во взаимодействие на рынке и выстраивать систему взаимодействия с потребителями образовательных услуг в лице учащихся, их родителей, общества и государства.

От того, насколько эффективно руководитель образовательного учреждения выстроит взаимоотношения с группой стратегических партнеров, установит с ними тесное взаимодействие, скоординирует общие (или непротиворечивые) цели, во многом будет зависеть стратегия развития образовательного учреждения на рынке образовательных услуг.

Особое внимание в настоящее время уделяется управлению стратегическим развитием образовательной организации в условиях рынка, которое подразумевает разработку и реализацию стратегии развития, включающую формулирование миссии образовательной организации, целей и стратегических приоритетов, стратегический анализ среды управления и конкурентный анализ образовательной организации, разработку конкурентных, маркетинговых стратегий и стратегий развития образовательных услуг, формирование рыночной позиции образовательного учреждения и т.д.

С целью активного формирования единого образовательно-научного пространства в рамках евразийской интеграции первостепенное значение имеет создание условий для территориальной интеграции науки, образования.

По оценкам большинства экспертов, в ближайшие годы всемирным центром и «двигателем» активного экономического роста будут страны Азии, а именно – Китай. Эффективным механизмом обсуждения и решения вопросов по различным направлениям, в том числе по совместной реализации образовательных, социальных проектов, укрепляющие добрососедство и народную дипломатию, стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

ШОС создана в 2001 г. на базе «Шанхайской пятерки» (Российская Федерация, Казахстан, Кыргызстан, Китай и Таджикистан), образованной на основе исторических Шанхайского Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы (1996) и Московского Соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы (1997). Она является организацией многопрофильного сотрудничества, цели и задачи которой на годы вперед прописаны в основополагающих документах ШОС, прежде всего в ее Хартии (уставный документ, подписанный в июне 2002 г.). Среди них: развитие всестороннего сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес.

Актуальность изучения китайского языка в образовательных организациях Сибири и на Дальнем Востоке обусловлена целым рядом причин:

- ростом интереса к Китаю, его экономике, истории, культуре в связи со стремительным развитием КНР;
- успешно развивающимися в последнее время отношениями между Россией и Китаем;
- развитием туризма в КНР, все большей «открытостью» китайского общества;
- активной миграцией китайцев;
- в ближайшем будущем в самых различных отраслях экономики России потребуются специалисты, владеющих основами китайского языка.

На основании проведенного соцопроса «О повышении эффективности деятельности образовательной организации» возникла необходимость в организации курсов по изучению китайского языка. Для обеспечения готовности участников образовательного процесса к обучению языку, на основании договора о взаимодействии и сотрудничестве общеобразовательной организации и ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» занятия с двумя возрастными группами: младшая (курсанты 2-4 классов), старшая – (курсанты 8-11 классов) дважды в неделю проводятся преподавателем китайского языка Международного института экономики, менеджмента и информационных систем Алтайского государственного университета.

В рамках совместной деятельности по созданию единого образовательного пространства, направленной на формирование личности, заключен договор о совместной деятельности МАОУ «СОШ № 132» г. Барнаула и ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Одним из совместных проектов стали курсы по изучению китайского языка, организованные на базе МАОУ «СОШ №132» г. Барнаула для начинающих.

Занятия идут в двух возрастных группах: младшие школьники и группа взрослых. Перспектива дальнейшего сотрудничества заключается в участии совместных мероприятий российской-китайской образовательной программы, которая дает возможность выпускникам наших курсов прохождения стажировки в Китае.

Китай – одна из тех стран, куда реально поехать учиться бесплатно. Ежегодно правительство КНР выделяет немалое число стипендий для иностранных студентов. Рассчитывать на стипендию могут в первую очередь те, у кого уже есть начальные знания в китайском языке.

В мае 2016 г. курсанты получили сертификаты об окончании первого года обучения при поддержке Центра довузовской подготовки Алтайского государственного университета и продолжат свое обучение в следующем году в рамках реализации проекта «Формирование единого образовательного пространства ШОС», которому дан старт в ноябре 2015 г.

Говоря об оценке эффективности деятельности образовательной организации, необходимо отметить, что деятельность образовательной организации будет эффективной и иметь огромное значение для потребителей образовательных услуг лишь в случае принятия правильных управленческих решений, которые в данном случае являются необходимыми и достаточными для дальнейшего развития образовательной организации.

Литература:

1. Донина И.А. Особенности управления развитием современного образовательного учреждения в условиях рынка // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4.
2. Лазарев В.С. Системное развитие школы. М.: Педагогическое общество России, 2002. 304 с.
3. Моисеев А.М. Функции управления школой // Практика административной работы в школе. 2004. № 5. С. 24-26.
4. Никитин В. От диалога конфессий к диалогу культур // Русская мысль. Париж, 2000.
5. Омарова В.К., Рачинская Н.П., Баринаова О.Н., Шевченко Л.В. Педагогический менеджмент и управление современной школой. Павлодар: ПГПИ, 2011. 251 с.
6. Слостенин В.А. Педагогика: учеб. пособие / В.А. Слостенин, И.Ф. Исаева, Е.Н. Шиянов. М.: Изд. центр «Академия», 2002. 576 с.
7. Султанова Т.А., Ткачева Е.В. Сущностные особенности управления современной образовательной организацией // Молодой ученый. 2014. № 19. С. 613-616.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Деделова М.А., г. Барнаул (Россия)

Проблемы межнациональных отношений нельзя недооценивать, так как этот фактор имеет значение практически во всех социальных сферах, тем более в такой многонациональной стране как Россия.

Цель изучения межнациональных отношений направлена на их гармонизацию, предупреждение конфликтов, напряжения и дискриминации. Цель настоящей статьи – изучение специфики межнациональных отношений в современной России.

Данные Всероссийской переписи 2010 г. говорят о том, что в стране проживает 180 национальностей. В национальном составе преобладают русские – 77,71%, далее следуют татары – 3,72%, а замыкают тройку украинцы – 1,35% [1].

Данные исследований показывают, что проблемы межэтнических отношений актуальны в настоящее время. Это подтверждают результаты социологического опроса, проведенного ВЦИОМ. Респондентам был задан вопрос: «В вашем населенном пункте возможны или невозможны конфликты, по причинам межнациональных различий?». «Скорее возможны» ответили 41% респондентов, «скорее невозможны» – 53%, затруднились ответить – 6% опрошенных [2]. Из этих результатов следует, что подходить к решению проблем межнациональных отношений следует на основе демократических принципов, и каждый шаг должен быть тщательно продуман. В противном случае конфликты на национальной почве неизбежны.

Демократические принципы в области межнациональных отношений предполагают равноправие наций и широкие полномочия в рамках местного управления. Равенство национальностей напрямую связано с равенством людей – что является высшим принципом гуманизма. Каждый человек, не зависимо от его национальности, должен чувствовать себя равноправным членом общества в любой точке России. Для достижения таких высоких целей необходимо проводить грамотную государственную политику, в которую должны входить следующие составляющие:

- внедрение идеологии толерантности;
- заключение договоров о стратегическом партнерстве;
- задание политики примирения;
- цензура деятельности СМИ;
- применение образовательных программ;
- социальная реклама.

Важным фактором является то, что взаимодействие разных наций может зависеть от того, как сложились их отношения исторически. Завоевания и колониальное прошлое не будут способствовать нивелированию межнациональных противоречий.

Если говорить о российской истории, то мы должны быть благодарными школе советского времени за то, что в настоящее время существует гармонизация межнациональных отношений. Старшие поколения дружелюбно относятся к другим национальностям, считая себя частью «советского народа». Необходимо сохранить тот ценный опыт, который нарабатывался десятилетиями [4].

Также стоит отметить, что социально-экономический климат не может не влиять на межнациональные отношения. Безработица, высокий уровень преступности, низкая зарплата – являются факторами, которые способствуют конфликтам на национальной почве. При ухудшении экономической ситуации повышается недовольство у различных слоев населения, а межнациональные конфликты с криминальной подоплекой способны дестабилизировать обстановку в регионе.

В современной России межнациональные отношения выстраиваются государством на основе официальной концепции. В настоящее время основным нормативно-правовым актом в этой области является Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 602 «Об обеспечении межнационального согласия». Этот документ предполагает развитие межкультурных коммуникаций, ставит задачу интенсификации межкультурных мероприятий, спортивных соревнований, туристических поездок, совершенствование воспитательной работы в учебных заведениях [4].

Напряженность в межнациональных отношениях в большей или меньшей степени присутствует всегда. Различия в поведении, мышлении, менталитете – потенциальная причина напряженности. Важным является отношение общества к этим различиям. Поэтому государство должно контролировать сферу межнациональных отношений.

Литература:

1. Перепись населения 2010 года в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru (Дата обращения 30.05.16).
2. Результаты опроса ВЦИОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=922&q_id=63680&date=11.08.2013 (Дата обращения 30.05.16).

3. Социология межнациональных отношений в цифрах. М.: Ин-т социально-политических исследований РАН; Центр социально-политических и региональных отношений, 1999.

4. Указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rsr-online.ru/doc/2012_06_25/6.pdf. (Дата обращения 30.05.16).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗВИТИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ

Жабина А.В., г. Барнаул (Россия)

Россия – многонациональная страна, в которой проживает более 180 народностей. У каждого народа свои обычаи, традиции, ценности и культура. Задача государства – сохранить и объединить все культуры, обеспечив мирное существование народов, проживающих на территории страны. Достижение такого состояния, при котором российское общество могло бы характеризоваться как толерантное, является одной из важных социальных задач. В современной политической науке соблюдение прав меньшинств и борьба с интолерантностью в целом считается частью политики так называемой «мягкой безопасности» (которая, в отличие от жесткой безопасности, главным образом связанной с военными механизмами, включает еще, например, борьбу с бедностью и другие меры, укрепляющие политическую и социальную стабильность в государстве). Следовательно, недопущение роста ксенофобии, борьба с проявлениями расизма и радикального национализма является составной частью борьбы за устойчивое развитие государства. Так, в Конституции РФ гарантируется недопущение дискриминации и равенство граждан независимо от этнической, расовой, религиозной принадлежности, а за нарушение этого равенства тем или иным способом предусмотрено наказание. Важно отметить, что и в Уголовном кодексе статьи, связанные с преступлениями на почве этнической, расовой и религиозной ненависти, находятся в разделе «Преступлений против государства». В то же время достижение толерантности в обществе невозможно без активного участия неправительственных организаций и всевозможных гражданских инициатив в этой сфере.

Для решения проблемы на федеральном уровне реализуется целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014-2020 гг. В рамках программы предусмотрено:

- увеличение доли граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве граждан Российской Федерации;
- уровень толерантного отношения к представителям другой национальности;
- доля субъектов Российской Федерации, реализующих региональные программы, направленные на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений, в общем количестве субъектов Российской Федерации;
- численность участников мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России и поддержку языкового многообразия;
- количество некоммерческих организаций, получивших в рамках Программы поддержку в сфере духовно-просветительской деятельности.

В каждом регионе нашей страны действуют программы в сфере этнокультурного развития. В частности, в Алтайском крае ежегодно проводятся конкурсы и реализуются проекты в данном направлении. В регионе реализовывался проект «Развитие межнационального сотрудничества в полиэтническом регионе».

Проект ставил целью содействие освоению практики межкультурного диалога представителями различных этнических групп населения Алтайского края, необходимой для достижения межнационального согласия. Основная целевая группа проекта – активисты (сотрудники и добровольцы) национально-культурных объединений Алтайского края и других общественных организаций просветительского профиля.

В проекте заложены следующие мероприятия и формы работы: молодежная этнокультурная школа «Живые практики межкультурного диалога для многонациональных сообществ»; тренинг по социальному проектированию; тренинг по снижению барьеров в межкультурных коммуникациях; «круглый стол» «Значение межкультурной коммуникации для формирования национального согласия»; конкурс плакатов «Мы понимаем друг друга»; рабочие встречи участников и партнеров проекта. Проект реализовывался с 1 октября 2013 г. по 31 июля 2014 г.

Целевой группой проекта стали активисты (сотрудники и добровольцы) национально-культурных объединений Алтайского края (включая все возрастные категории), сотрудники других общественных организаций просветительского профиля, специалисты учреждений образования и культуры, органов муниципального самоуправления, средств массовой информации, желающих работать в сфере межэтнического сотрудничества; школьники старших классов и студенты средних специальных и высших учебных заведений.

Важный критерий выбора участников проекта – их принадлежность к различным этническим группам.

Цель проекта: содействие освоению практики межкультурного диалога представителей различных этнических групп Алтайского края, необходимой для достижения межнационального согласия.

Задачи проекта:

- создание условий для перевода вопроса межнационального сотрудничества в насущно-практическую сферу благодаря разработке механизмов мирного и плодотворного сосуществования представителей различных национальных групп региона;

- обобщение, распространение и введение в практику деятельности передового опыта и современных методик воспитания в духе миролюбивого межнационального диалога;

- поощрение разнообразия форм культурного самовыражения, способствующих воспитанию дружеского и продуктивно открытого отношения к миру;

- содействие повышению результативности работы общественного сектора посредством организации обмена передовым опытом между его специалистами и на международном уровне;

- стимулирование развития позитивных социальных установок и ценностей, творческого потенциала молодежи в сфере межнационального сотрудничества;

- формирование у целевой группы высокой культуры межнационального общения в духе толерантности и согласия;

- вовлечение активистов общественного сектора Алтайского края в процесс принятия решений, направленных на укрепление межнационального сотрудничества, российского патриотизма, социальной и этнической толерантности.

В заключение можно сказать, что благодаря взаимодействию с некоммерческими организациями будет происходить укрепление единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, этнокультурного развития для сохранения и развития этнических традиций и языков народов России.

ОБРАЗ ЭТНИЧЕСКИ ДРУГОГО В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН АЗИАТСКОГО РЕГИОНА)

Семьянов С.А., г. Барнаул (Россия)

Политические и экономические кризисы, вооруженные конфликты, нарастающая угроза мирового терроризма – все эти события привели к дестабилизации мировой безопасности и росту напряженности между странами. Возможность значительной трансформации текущего устройства мирового сообщества становится все более реальной и бросает вызов современному человечеству. Поэтому в складывающейся мировой обстановке Российской Федерации очень важно поддерживать отношения на основе партнерства и эффективного взаимодействия с дружественными странами, имеющими с ней общий курс развития.

Среди таких выступают страны азиатского региона, с которыми Россия устанавливает политические связи и экономическое сотрудничество. Интеграция стран в этом регионе необходима для эффективного и продуктивного взаимодействия друг с другом, а также для обеспечения процветания и безопасности всего региона. В рамках такого международного взаимодействия формируется российско-азиатское межвузовское образовательное пространство. Оно позволяет формировать международный вектор развития науки, осуществлять обмен научными знаниями и опытом, апробацию научных результатов и достижений. Процесс включает в себя студенческую мобильность, которая подразумевает образовательный и научный обмен.

Алтайский государственный университет является одним из участников создания такого пространства, все более интенсивно осуществляет свое развитие в сфере образования, науки и модернизации, а также активно развивает сотрудничество как с региональными, федеральными, российскими вузами, так и с

зарубежными. В рамках такого сотрудничества Алтайский государственный университет становится образовательной площадкой для большого числа студентов из стран азиатского региона. Увеличение этнического многообразия в студенческой среде делает актуальными вопросы о проблемах межэтнического взаимодействия. Существующие различия во внешних морфологических признаках, культурной и языковой принадлежности создают барьеры, препятствующие установлению позитивных взаимоотношений между представителями различных этносов [2, с. 146].

Диалог культур является одним из определяющих во взаимодействии между представителями разных этносов. Он позволяет непосредственно формировать социальные представления об отдельных особенностях этноса и всего его образа в целом. Таким образом, психологический образ, формируемый в сознании человека его сенсуальной системой, является основообразующим элементом феномена социальных представлений. Обусловленность социальных представлений, культурно-историческим опытом оказывает существенное влияние на восприятие индивидов, идентифицирующих себя с этносом, которому принадлежат эти представления.

Несмотря на взаимную обусловленность этих двух процессов, они динамичны и подвержены воздействию как внешних социальных, экономических, политических факторов, так и внутренних психологических. Возможность воздействия на моральный контекст восприятия этноса позволяет осуществлять работу по профилактике межэтнической напряженности, ксенофобии и шовинизма [1, с. 58].

Вопросы межэтнического взаимодействия и коммуникации для Алтайского края являются довольно актуальными и имеют большое значение. На территории края проходят как субъектные границы, так и государственные. На севере и востоке, он граничит с Новосибирской и Кемеровской областями. На юго-востоке – с Республикой Алтай, а на западе с Республикой Казахстан, которые в свою очередь, граничат с Монголией, КНР и др. Такое географическое положение региона определяет этническое разнообразие его населения [3, 4].

По данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю в регионе проживают представители 140 национальностей. Согласно Докладу Общественной палаты Алтайского края в настоящее

время на территории края зарегистрировано 56 национально-культурных общественных объединений. Из них 36 общественных объединений регионального и 20 – местного уровней, 12 организаций российских немцев, 7 – казахских, 6 – кумандинских, 4 – азербайджанских, 3 – армянских, 3 – татарских, 2 – белорусских

Для исследования образа этнически другого в социальных представлениях студентов Алтайского государственного университета был использован метод психосемантического дифференциала, основанный на теории личностных конструктов Дж. Келли и факторный анализ. В результате проведенного исследования были получены данные о том, что социальные представления этносов имеют позитивные характеристики (доброта, смелость, отзывчивость, образованность, честность и др.) не только в отношении своего этноса. Описание своего этноса через позитивные характеристики дружественного народа, как и описание отдельных этносов (русские, азиаты, народы севера Сибири и Дальнего Востока), выражалось через позитивные характеристики, но с меньшим уровнем нагрузки показателей.

Факторный анализ социальных представлений об образе этнически другого показал, что ключевыми факторами в процессе формирования социальных представлений об образе этнически другого являются: «дружественность» и «враждебность». Вышеуказанные факторы явились противоположными полюсами в описании характеристик этносов через положительную или отрицательную нагрузку показателей характеристик. Соответственно, в зависимости от уровня нагрузки показателей характеристик, через которые описывался тот или иной этнос, зависело его расположение относительно факторов – полюсов.

Результаты факторного анализа показали, что этносы имеют разные характеристики восприятия образа «русского» этноса. «Казахи» описывают русских через позитивную характеристику («сторонник прогресса, инноваций»), что свидетельствует о готовности этих этносов к сотрудничеству в сфере научной и инновационной деятельности. «Таджики» описывают «русских» только через «негативные» характеристики, что свидетельствует о необходимости работы по улучшению взаимоотношений между этими этносами. «Армяне» описывают русских через позитивные характеристики («дружественный», «сторонник прогресса, инноваций»), что свидетельствует о положительных взаимоотношениях этих этносов и их готовности к сотрудничеству в научной и инновационной деятельности.

Подводя итог всему вышесказанному, нужно отметить, что, в целом, состояние межэтнических взаимоотношений у студентов Алтайского государственного университета положительное. Однако, существует необходимость организации регулярных мероприятий, направленных на устранение имеющихся и профилактику отдельных негативных элементов межэтнических взаимоотношений.

Литература:

1. Калита В.В., Виничук Н.В. Образ «Типичного русского» в представлении китайских и российских студентов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (27). С. 56–62.

2. Мошура А.А. Социальные представления о странах студентов вузов: эмоциональный компонент // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 4. № 1 (42). С. 145–148.

3. Omelchenko D., Maximova S., Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National identity and patriotism among russian youth: representations, feelings and actions // Asian Social Science. 2015. Т. 11. № 6. С. 27-36.

4. Noyanzina O., Maximova S., Goncharova N., Omelchenko D., Avdeeva G. Interethnic generalizations and stereotypes in mental representations of image of 'the other' in social representations of Russian population // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 185. С. 179.

5. Доклад «Социально-экономическое положение Алтайского края» 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Режим доступа: <http://ak.gks.ru>

МЕДИАЦИЯ КАК РЕСУРС УПРАВЛЕНИЯ РАЗРЕШЕНИЕМ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Мыльникова А.В., г. Барнаул (Россия)

История конфликтов берет свое начало с возникновения общества. Прежде всего, потому, что люди отличаются между собой как врожденными характеристиками, так и приобретенными. Для России, являющейся одной из крупнейших

в мире государств, на территории которого проживает более 150 наций и народностей, межнациональные конфликты являются более актуальными. Люди разных национальностей обладают набором различных специфических черт, характерных для их общности. Различие по социально-профессиональной структуре, особенностям духовной культуры, ведение хозяйственно-культурной деятельности и т.д. Большую роль играет попытка доказать превосходство своей нации над другими.

На сегодняшний день проблема, затронутая в этой статье, обращает на себя внимание с каждым годом. Все большее количество ученых в области социологии, юриспруденции, психологии, антропологии, педагогики, политологии (Е.Н. Трофимов, О.В. Шатаева, Ф.И. Минюшев, О.З. Муштук и др.) говорят о том, что вопросы, касающиеся дружбы народов, культуры общения, всегда были и есть весьма актуальны для любого общества. Например, И.М. Юсупов определяет межнациональные конфликты как противоборство между этносами или этническими группами. Диапазон проявлений – от социальной конкуренции до реального противодействия за обладания ресурсами на отдельной территории.

Межнациональные конфликты по происхождению классифицируются на: *социально-экономические* (монополия представителей одного из этносов в какой-либо сфере услуг или отраслей народного хозяйства); *культурно-языковые* (связанные с защитой, возрождением, развитием родного языка, национальной культуры и прав национальных меньшинств); *этнодемографические* (вызванные миграцией беженцев, вынужденных переселенцев и приводящие к быстрому увеличению иноэтнического населения); *этнотерриториально-статусные* (вызванные несовпадением государственных или административных границ с границами расселения народов, требованиями малых народов о расширении или приобретении нового статуса); *исторические* (обусловленные сложившимися взаимоотношениями народов в прошлом: войны, отношения государства по принципу «господство – подчинение», депортация и связанная с ней тяжелая историческая память); *межконфессиональные* (вызванные диспропорцией численности современного религиозного населения на конкретной ограниченной территории: сепаратистские, обусловленные требованиями объединения с соседним государством) [3]. В таких случаях источником конфликтов становится мера властных полномочий в государственной иерархии, стремление к самостоятельному

обладанию местными экономическими ресурсами и к распределению привилегий.

Проанализировав сводку новостей, можно столкнуться с очередной конфликтной ситуацией, участниками которой являются представители разных национальностей. Например:

«в Абакане уроженец Азербайджана застрелил местного жителя Александра Голубина»;

«неизвестные ворвались в кафе, принадлежавшее нерусским, и разгромили его, выбили окна, переломали мебель, избили персонал»;

«житель Бирюлево был убит одним из мигрантов, после чего на улицах начались массовые беспорядки, на устранение которых была поднята вся московская полиция»;

«в школе № 3 города Королева произошла конфликтная ситуация между школьниками разных национальностей, в целях установления главенствующих позиций».

Все эти события, происходящие в России, в свою очередь, свидетельствуют о дезинтеграционных, разрушительных тенденциях, дестабилизирующих общество, а также создают условия для возникновения новых конфликтов. Именно поэтому для разрешения существующих проблем, необходимо разрабатывать инновационные методы, которые будут способствовать минимизации агрессии в межкультурной среде, научат совершенно новой культуре разрешения споров.

Одним из таких способов урегулирования и предотвращения межнациональных конфликтов является медиация. Н.С. Шатикина определяет медиацию как альтернативную форму разрешения конфликта с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения [2]. Как известно из научной литературы, этноконфликт имеет 4 фазы: 1 фаза – «латентный период», 2 фаза – «проявление конфликта», 3 фаза – «активное течение конфликта» и 4 фаза – «последствия конфликта» [1]. На первой фазе самый оптимальный вариант проведения медиативных встреч. Во время процедуры медиации стороны, находясь под управлением специалиста-медиатора, самостоятельно приходят к взаимовыгодному решению. Медиатор лишь управляет переговорным процессом, направляя беседу к конструктивному разрешению спора, опираясь на свои профессиональные знания, умения и навыки. Процедура медиации

имеет ряд существенных преимуществ, т.к. является добровольной и имеет место быть только в тех случаях, когда обе стороны готовы вступить в диалог с целью достижения взаимовыгодных условий. Процедура является строго конфиденциальной, а это дает гарантию, что конфликт не будет предан огласке. Учитывается равноправие сторон при принятии решения. Руководитель процесса, т.е. медиатор, является нейтральным лицом, он не занимает позицию какой-либо из сторон, его цель привести стороны к разрешению конфликта, план которого они выработают самостоятельно. Также на этом этапе следует укреплять принцип единого гражданства для всех жителей территориального объединения, осуществлять ту социальную-экономическую политику, которая способствовала бы улучшению уровня жизни и повышению статуса в обществе, поддерживать поликультурность в государстве. Полагаем, что технология медиации, учитывая ее ресурсность, будет приемлема и на других фазах.

Урегулирование и прекращение межнациональных конфликтов является жизненно важной необходимостью, т.к. межэтнические конфликтные отношения негативно влияют на процессы социально-экономического, политического и культурного развития любого государства. В качестве рекомендаций предлагаем провести круглый стол для представителей этнокультурных объединений, обучить руководителей центров медиативным навыкам, чтобы они смогли воспользоваться полученными знаниями при возникновении конфликта, а также необходимо прививать гражданам новую культуру разрешения споров на национальной почве. По-нашему мнению, посредством обучения граждан эффективному способу разрешения конфликтов в межэтнических отношениях медиация способна внести существенный вклад в укрепление идентичности, единство народа в стране.

Литература:

1. Социальная антропология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2004. 288 с.
2. Шатихина Н.С. Институт медиации в российском уголовном праве. СПб., 2004. 228 с.
3. Этнопсихология народов Татарстана: учебное пособие / И.М. Юсупов; Институт экономики, управления и права (г. Казань). Казань: Изд-во «Познание», Института экономики, управления и права, 2014. 223 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПРИОРИТЕТ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Кобелев К.Ю., г. Барнаул (Россия)

Тезис о том, что молодежь является главным стратегическим и кадровым ресурсом любого государства, на сегодняшний день мало у кого вызывает сомнение. Молодежь определяет будущее государства, поскольку, переходя в более взрослые стадии своей жизни, она интегрируется в структуры управления и контенты человеческого ресурса, вследствие чего, в итоге и становится этим государством. Таким образом, очевидна прямая зависимость между тем, как воспитывается молодежь и тем, сможет ли государство сберечь и преумножить само себя в дальнейшем.

Исходя из данного положения нами выдвигается утверждение, что формирование самосознания молодежи, основанного на гражданских и патриотических ценностях, очевидно, является одной из наиболее актуальных задач, которые должно ставить перед собой любое государство.

Под гражданскими и патриотическими ценностями, в данном случае, мы будем понимать не эфемерное словосочетание «любовь к Родине», которому можно придать множество смыслов и трактовок, но конкретную сумму убеждений и представлений человека, которая формирует его представление о стране и государстве, в котором он живет, а также весь комплекс его отношений к государству, который влечет за собой такое представление. Рассмотрим некоторые из этих представлений. Особое место среди таковых занимает чувство сопричастности, то есть рассмотрение окружающей социальной среды и протекающих в ней событий не как чего-то внешнего, неподконтрольного и независимого, а напротив – как закономерного результата того, что было сделано (или не сделано) в прошлом. Иными словами человек воспринимает весь спектр имеющейся ситуации в стране, от мусора на тротуаре, до личности человека, занимающего президентское кресло, как то, что может быть изменено его личными усилиями, а именно его непосредственными действиями в выбранном направлении. Таким образом, сам способ видения любой социальной ситуации меняется с пассивного («меня это не устраивает, но что я могу?»), на активный («я могу это изменить») [5, с. 658].

Еще одним типом таких представлений следует считать систему нравственных ориентиров и сакрального символизма. Нравственные ориентиры могут варьироваться, но чаще всего они дублируют общепринятые стандарты гуманистического видения общества и формируют свое представление о семейных ценностях, гендерных отношениях, а также отношениях между поколениями. Под сакральностью, в данном случае, мы понимаем такой тип отношения для которого характерно состояние молчаливого, почтительного восторга к определенному символу, имеющему значимость в масштабах всего государства. Примером такого символизма могут являться события Великой Отечественной Войны.

Однако, для того чтобы увидеть, как гражданские и патриотические ценности входят в поле деятельности государственной политики и фактически становятся ее приоритетной задачей, мы должны четко определить, какую именно деятельность следует считать молодежной политикой.

Под политикой организации, как правило, понимается система правил, в соответствии с которой предписывается действовать тем людям, которые входят в данную организацию. Государство как социальное явление имеет все признаки организации, таким образом, когда речь заходит о государственной политике, данное определение сохраняет свою актуальность в полной мере. Наряду с прочими направлениями внутренней политики государства, в особый вид выделяется молодежная политика, которая определяет вектор развития стратегических принципов, закладываемых в основу работы государства с молодежными движениями. Цель молодежной политики – обеспечение полноценной, перспективной и благожелательной деятельности, а также соответствующего общественного статуса молодежи.

Сам термин «молодежная политика» может подразумевать широкое и узкое толкование. В широком смысле под молодежной политикой понимается определенная система мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной

самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене.

В узком смысле под термином «молодежная политика» понимается система, разработанных, научно обоснованных и закрепленных в официальных законодательных актах, целей, задач, принципов и приоритетов деятельности компетентных органов государственной власти, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития ее потенциала.

Процесс формирования и реализации молодежной политики, характерный для реалий современной России, предусматривает нахождение внятных и однозначных ответов на вопросы по следующим направлениям:

1. определение целей и задач;
2. структурное содержание;
3. системы факторов, влияющих на процесс;
4. субъекты выработки, планирования и контроля;
5. наиболее оптимальные технологии [3, с. 87].

Также следует учитывать тот факт, что в основе формирования и реализации молодежной политики присутствуют как объективные, так и субъективные факторы.

В качестве наиболее очевидного объективного фактора выступает потребность самого общества в наличии молодежной политики, которая вызвана целым комплексом внутренних противоречий общественного развития и требующая своего разрешения. Особую актуальность она приобретает на фоне «переходного» состояния современного российского общества, которое характеризуется значительными структурно-функциональными нарушениями традиционных институтов, выступающих объектом социализации подрастающего поколения – семьи и образования.

Дальнейшее рассмотрение объективных факторов молодежной политики открывает перед нами еще одну сторону – потребности и интересы самой молодежи. Имеющиеся на настоящий момент социологические исследования проблем молодежного движения (мониторинги на основании общероссийской выборки, региональные исследования) показывают нам разрозненность и неоднозначность ожиданий,

запросов и интересов современной молодежи. Это факт является наглядным признаком усиления социальной дифференциации общества, которая затрагивает и молодежь, нагляднее всего данное расслоение просматривается в экономической плоскости. Помимо экономического расслоения присутствуют и другие его типы, накладывающие свой отпечаток на молодежные интересы, такие как возрастная, гендерная, субкультурная, региональная и др. Разнообразие интересов и потребностей молодежи является наглядным индикатором ее социально-экономического положения.

Проводя исследования молодежной политики через рассмотрение социально-экономического положения молодежи и ее социального статуса, В.Т. Лисовский определяет молодежную политику как своеобразный «молодежный срез» иных уровней политической иерархии – государственного, муниципального и общественно-экономического. Согласно его утверждению молодежная политика «это система мер по “завоеванию”, удержанию и поддержанию определенного социального (экономического, правового, политического, культурологического и т.д.) статуса группы молодежи, которая в силу тех или иных причин оказывалась или может оказаться в перспективе в трудном, ущемленном положении по сравнению с другими группами (слоями) населения и при этом только собственными силами не в состоянии улучшить свое положение» [4, с. 338].

Опираясь на данное понимание молодежной политики, отечественные социологи В.Т. Шапко и Ю.Р. Вишневский в своих исследованиях приходят к выводу, что в ситуации динамических подвижек и скоротечного, одновременного изменения многих сфер общественной жизни ведущую значимость приобретает стремление к преодолению всех возможных противоречий, существующих между молодежью и остальным обществом (противоречие части и целого), а также усиление их взаимодействия и синхронизации интересов. Такое преодоление, с точки зрения В.Т. Шапко и Ю.Р. Вишневского, возможно лишь при реализации качественного сочетания двух стратегий молодежной политики:

1. Компенсаторной, которая представляет собой систему мер, компенсирующих различным группам молодежи материальные потери, вызванные кризисным положением общества, а также предоставление различных социальных гарантий и более-менее равных стартовых возможностей;

2. Инновационной, которая подразумевает создание благоприятных условий для активного творчества молодежи [1, с. 104].

Следует отметить, что осуществление компенсаторной стратегии по своему характеру тождественно главной функции общей социальной политики, которая направлена на социальную защиту населения. Осуществление инновационной стратегии в основе своей выводит молодежь из роли пассивного объекта социальной политики, трансформируя ее в активный субъект данной политики, и развивает самостоятельность и инициативу самой молодежи в различных сферах социальной действительности. Таким образом, инновационная стратегия выглядит наиболее перспективной для развития молодежного движения в нашей стране и, судя по проведенным нами исследованиям молодежных движений регионального социума, именно ее на сегодняшний день следует считать основополагающим инструментом молодежной политики.

Переходя к субъективным факторам реализации молодежной политики, следует учитывать тот факт, что в экономически развитых странах молодежная политика не является инициативой одного лишь государства. К участию в ее разработке и реализации привлекаются практически все социальные институты, прежде всего, институт семьи и образования. Учитывая принцип субъектности молодежной политики, принято выделять две ее ведущих разновидности.

Первая разновидность, это государственная молодежная политика, где в качестве субъекта реализации выступает непосредственно государственный аппарат в лице специальных органов, специфика деятельности которых так или иначе связана с социальным развитием. Государство, обладая обширными ресурсами и возможностями, имеет возможность опираться на заданную систему взглядов и ценностных ориентиров, выражающую отношение к актуальным проблемам и противоречиям (идеологию или национальную идею). Также, будучи гарантом закона, оно может опираться на действующую правовую систему, моделирующую базовые поведенческие параметры идеального образа молодежи [3, с. 74].

Вторая разновидность представляет собой общественную молодежную политику, в качестве субъектов которой выступают различные общественные и политические организации, молодежные объединения, средства массовой информации,

бизнес-сообщества, а также сама молодежь. Следует отметить, что подобного рода общественные акторы могут выстраивать молодежную политику исходя из сугубо личных возможностей и ресурсов. Несмотря на данную ограниченность, молодежная политика таких общественных сил играет важную роль, поскольку работая с молодежью, формируется, пользуясь терминологией М. Вебера, идеальный тип молодого человека, который в итоге представляется всему обществу в качестве своеобразной эталонной модели, к которой следует стремиться.

Таким образом, основывая эталонную модель молодого человека на той сумме убеждений и представлений, которая воспитывает его патриотическое отношение к окружающей социальной действительности, и происходит формирование гражданских и патриотических ценностей. Молодежь является наиболее динамичной прослойкой населения, из чего следует, что ее включенность в конструктивную социальную деятельность, поддерживаемую компенсаторной и инновационной стратегиями, обеспечивает положительный результат воспитательной деятельности [2]. Преобразование и формирование социокультурной среды, происходящее вследствие такой деятельности, способно дать эффект возникновения чувства сопричастности, которое, как было отмечено выше, занимает особое место среди представлений, формирующих гражданские и патриотические ценности.

Литература:

1. Вишневский Ю.Р., Ковалева А.И., Луков В.А., Ручкин Б.А., Шапко В.Т. Практикум по социологии молодежи. М.: Социум, 2000. 296 с.
2. Зеленкова М.М. Будущее молодежной политики в России (анализ предвыборных выступлений В.В. Путина) [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2013. № 4-1. С. 181-185. Режим доступа: URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31123> (Дата обращения: 16.09.2016).
3. Ильинский И.М. Будущее России и молодежь: к новой концепции молодежной политики // Молодежь и общество на рубеже веков. М.: Голос, 1999. С. 73-91.
4. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб.: СПбГУП, 2000. 508 с.
5. Макеева Е.А., Литвинова М.А. Приоритеты государственной молодежной политики // Молодой ученый. 2015. № 22. С. 657-659.

ЕВРАЗИЙСТВО: АЛЬТЕРНАТИВА ПОСТМОДЕРНУ

Каратаев А.А., г. Барнаул (Россия)

Глобализационные процессы в рамках доминирующей на данный момент интеграционной модели ведут к утрате национальной и цивилизационной самобытности народов и государств во многих регионах мира. Причем, происходит не видоизменение национальных культур под влиянием других, не их адаптация к современным реалиям, а замещение их навязанной псевдокультурой, несущей чуждые для национальных культур ценности. Это заставляет, в свою очередь, для выживания «Русского мира» вырабатывать альтернативные цивилизационные модели. Исходя из вышесказанного, наша сегодняшняя задача – создать культурное течение, базирующееся на фундаментальных ценностях народов «Русского мира», и отвечающее требованиям современности.

К слову, Россия всегда шла по своему уникальному цивилизационному пути, фундаментом которого является особая система ценностей, культурных, духовных и нравственных ориентиров. На протяжении многих веков эта система, собственно, и обеспечивала выживание российской цивилизации в кризисные этапы. Ядром этой системы, безусловно, является культура во всех ее пониманиях. Именно традиционная культура есть фактор самоидентификации этноса, народа, цивилизации. Стоит отметить, что в данном случае мы не противопоставляем традицию современности, поскольку, по мнению Р.И. Соколовой, «традиция жива лишь постольку, поскольку она развивается, поскольку способна участвовать в современности» [5, с. 50]. В свою очередь С. Айзенштадт отмечает двуединство традиции: инновационность и консервативность (традиция в узком смысле слова).

Говоря о феномене русской культуры в ее ретроспективе, необходимо отметить ее одну уникальную черту: любое явление, которое так или иначе с русской культурой взаимодействует, интегрируется в нее и становится ее неотъемлемой частью. Причем, остается это явление как в своем аутентичном виде, в котором оно в русскую культуру пришло, так и в измененной, адаптированной форме. Так, например, произведения зарубежной литературы положены в основу отечественных произведений зрелищных искусств – драматических, оперных и балетных спектаклей, кинематографических и мультипликационных

произведений, становясь достоянием отечественной культуры. То же самое справедливо будет и в отношении стилей, направлений, жанров и течений зарубежной культуры. К примеру, французская кадрили – появившись в России как салонный танец, стала одной из плясовых форм русского традиционного танца. Затем наряду с остальным фольклорным танцевальным наследием получила развитие в сценической хореографии. В то же время она продолжала исполняться на балах в том виде, в котором и была заимствована. Таким образом, сегодня кадрили присутствует в нашем культурном пространстве как фольклорный танец, как форма сценической хореографии и как историко-бытовой танец. В этом, собственно, и проявляется двуединство традиции: ранее существующая культура остается как консервативный компонент традиции, а ее изменения, внедряемые извне элементы и их синтез, образуют инновационный компонент. Также это наглядно демонстрирует сосуществование в цивилизационном развитии России признаков, как Запада, так и Востока. Открытость культуры и способность принимать в себя элементы извне как признак Запада, сохранение культуры в аутентичном виде – Востока. Вышеуказанное определяет развитие «Русского мира» как евразийской цивилизации. Поэтому рассмотрим возможность формирования новой социокультурной концепции именно на базе евразийской идеи.

Фундаментом любой культуры является система ценностей. На наш взгляд ключевым неприемлемым и крайне опасным для русской культуры фактором развития модернистских и постмодернистских течений является игнорирование воспитательной и формирующей функции искусства. Искусство стало рассматриваться лишь как средство самовыражения художника, снявшего с себя ответственность за то информационное воздействие, которое он оказывает на зрителя. Игнорирование объективных закономерностей психологического педагогического и информационного влияния транслируемых образов не нивелирует это влияние, даже наоборот, отсутствие понимания об информационном воздействии на личность препятствует критическому восприятию потребляемой информации. Поэтому отказ от ценностного подхода к формированию содержания и подачи искусства, характерный для западной культуры XX в., противоречит развитию цивилизации, ориентированной на духовно-нравственное воспитание. Такой ориентир принят в России на государственном уровне, чему

свидетельствует ряд стратегических документов и государственных программ. Однако до сих пор государством не сформирована позиция относительно допустимости тех или иных культурных элементов (к примеру, защиты национального языка от необоснованных иностранных заимствований).

Для того, чтобы новая культурная концепция могла рассматриваться как фактор единения «Русского мира» в рамках евразийского пространства, необходимо преодоление не только межэтнических и межрелигиозных противоречий, но и противоречий между различными историческими периодами. Только в таком случае возможно восприятие истории как целостного национального опыта, с учетом которого и будет развиваться традиция.

Основой содержания такой культурной концепции будут национальные традиции евразийских народов. Однако это не означает, что содержание будет ограничено фольклором и его производными. Безусловно, в новой отечественной культуре должны найти отражение лучшие образцы мировой культуры, созданные как западной цивилизацией, так и восточной. Насколько допустимо принятие в культуру того или иного элемента зависит от того, не противоречит ли этот элемент фундаментальным ценностям, на которых базируется культура.

Как было отмечено выше, культура и искусство оказывает влияние на своего зрителя (слушателя, читателя) вне зависимости от того, ставит ли автор целью научить зрителя чему-либо. В этой связи необходимо следить, чтобы продукт культуры оказывал позитивное влияние на общество и личность. Что касается форм, в которых будет существовать культура, – не должно быть искусственного изменения форм, за исключением только несущих априори негативное содержание. Любое изменение формы должно быть продиктовано изменением содержания. В обратном случае мы наблюдаем «псевдоинновационность», когда идет погоня за новизной, «новым видением», которая не имеет ничего общего с реальным, а не формальным развитием культуры.

Постараемся определить основные требования, которым должна отвечать евразийская культура:

- Самобытный вектор развития.
- Основой культуры должны быть общечеловеческие нравственные ценности.

- Двуединство традиции: консервативность и инновационность.
- Единство в многообразии.
- Равнозначность зрелищности, эстетической ценности и педагогической функции.

По словам С.Н. Рериха, «самым верным, самым простым путем является путь красоты. Ибо, следуя им в поисках красоты, мы неизменно следуем путем, проложенным эволюцией. Движение эволюционных сил протекает в глубине человеческого сердца, и если только внимательно прислушаться к его голосу, к этим космическим шепотам, мы будем знать, куда идти, мы сможем различать ту цель, к которой движется Природа» [3, с. 99].

Литература:

1. Корнев С. Традиция, постмодерн и вечное возвращение [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL <http://kitezh.onego.ru/tradition.html>
2. Марун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93). С. 43-77.
3. Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. Москва: Академический проект, 2004. С. 394-395.
4. Рерих С.Н. Искусство и жизнь. Москва: МЦР, Мастер-Банк, 2007.
5. Соколова Р.И. Традиция как духовный фундамент политической стратегии // Философские науки. 2011. № 9. С. 48-59.

ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ КАК ПЛОЩАДКА ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Дурманова Т.Ю., Мазайлова Т.А., г. Барнаул (Россия)

Социальные практики реабилитации населения имеют свою специфику и вектор развития, конфигурацию и способы их использования. Так, внедрение инновационных технологий реабилитации может опираться на практики, которые

используются в гражданском обществе для реализации интересов потребностей как отдельных представителей общества, так и общества в целом.

По мнению И.В. Мерисяева, к практикам гражданского общества можно относить взаимопомощь, взаимную поддержку частную филантропию, добровольческую деятельность, а также участие в деятельности негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициатив, добровольное участие в общественной работе, защита своих прав и др. [2, с. 143].

Важным моментом использования практик гражданского общества в основе интеграции, является активное поведение представителей социальных групп населения, их ориентация на участие в реализации этих практики. Как показывают результаты исследований различных научных школ, наиболее активными представителями общества, участвующими в реализации таких практик, являются молодые люди, а также представители среднего возраста.

Одним из направлений развития этих форм активности является добровольческая деятельность, которая позволяет актуализировать человеку уже имеющиеся знания и опыт и получить взамен что-то новое. Также молодых людей привлекают инновационные, нестандартные формы приложения личностных ресурсов в добровольческой деятельности. Участие молодых людей в продвижении новых форм и методов реабилитации населения обусловлено рядом факторов, среди которых желание помочь, нестандартное приложение сил и умений, полезная социальная активность и т.д.

Технология больничной клоунады обладает рядом характеристик, которые делают ее привлекательной для участия молодых людей. Технология больничной клоунады стала активно развиваться в центральной части России в последние годы. Сейчас в гг. Москва, Санкт-Петербург, Казань, Томск действуют организации, которые на постоянной основе реализуют эту технологию. Членами этих организаций являются молодые люди в возрасте от 19 и до 45 лет.

В Алтайском крае и Республике Казахстан технология больничной клоунады находится в стадии становления. Больничная клоунада – это технология помощи, направленная на социальную адаптацию и реабилитацию ребенка, находящегося в медицинском учреждении. Она имеет ряд правил и процедур применения, как и любая социально-психологическая технология

[1, с.18]. Именно обучение правилам реализации технологии позволяют качественно и эффективно внедрять ее в практику работы медицинского учреждения, а также формирует профессиональный взгляд, подход к осуществлению реабилитации.

Обучение является весомым фактором интеграции молодежи и, как было сказано выше, формирует единую стратегию развития технологии, мировоззрение и профессиональную позицию, а также способствует сплочению и повышению активности молодежи.

Для достижения этих целей и решения задач по развитию технологии, социальной интеграции молодежи в г. Москва в течение 4 лет проводится Международный обучающий семинар по больничной клоунаде для волонтеров России и стран ближнего зарубежья. Преподаватели и руководители АНО «Больничные Клоуны» делятся многолетним опытом работы. Так в 2014 г. семинар собрал около 150 участников. Обучение посетили инициативные группы регионов России и стран СНГ. Это представители из городов России (гг. Архангельск, Барнаул, Иваново, Саратов, Самара), Белоруссии (г. Гомель), Украины (гг. Ровно, Запорожье), Казахстана (г. Астана) и т.д. На занятиях использовались методики, используемые в Швейцарии, Израиле, Франции и Голландии.

Основной целью семинара была передача опыта, накопленного АНО «Больничные Клоуны» в процессе регулярной и профессиональной работы. Был аккумулирован опыт работы в России. Все приехавшие обучались навыкам игровой работы клоуна, принципам классической цирковой клоунады, актерского мастерства, получили основы знаний по клинической психологии и т.д. В семинар были включены тренинги по поиску образа клоуна, пластике тела, тренинги на развитие взаимодействия в паре, доверие партнеру, внимание и реакцию, занятия, посвященные специфике работы больничных клоунов в больничных палатах, т.е. были представлены почти все аспекты работы актера со средствами больничной клоунады. Особое внимание было уделено умению работать в команде и обмену опытом командной работы в разных странах и регионах России.

Как показал опыт организации деятельности больничных клоунов разных регионов и стран, везде есть единый подход, общая основа понимания построения работы. Различие состоит в процедуре формирования стратегии развития технологии, объектах работы больничных клоунов. Больничные клоуны

работают не только с детьми, которые находятся в медицинских учреждениях и испытывают госпитальный синдром, а также работают с детьми, находящимися в детских домах, домах для детей инвалидов, и даже в домах престарелых.

Для Алтайского края клоунотерапия является инновационной социальной практикой. На сегодняшний день при наличии 9 клинических больниц ни в одной из них нет волонтеров, способствующих улучшению психологической атмосферы у детей, родителей и сотрудников больниц [3, с. 364]. В среднем по г. Барнаулу в больницах города лежат более 1000 детей в месяц, степень их эмоционального состояния варьируется от тяжелой до удовлетворительной в зависимости от поставленных диагнозов. В 2015 и 2016 гг. благодаря Грантам губернатора Алтайского края в сфере молодежной политики в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций технология больничной клоунады в Алтайском крае получила свое развитие. Теперь в двух медицинских учреждениях, находящихся в г. Барнауле на постоянной основе работают клоуны-добровольцы из числа инициативной молодежи Алтайского государственного университета. Для сравнения в Казахстане работа клоунов также осуществляется на базе больниц, а также социальных учреждений для детей с инвалидностью.

Особенности внедрения этой технологии имеют сходства и различия для обеих территорий. Как в Алтайском крае, так и в Казахстане развитие и внедрение данной технологии осуществляется некоммерческой организацией, добровольцами организации, для которых данная технология является привлекательным и интересным способом приложения своих усилий. Важным фактором развития данной технологии является способ поддержки ее внедрения со стороны субъектов управления. На обеих территориях проектная форма внедрения технологии получила поддержку со стороны государственных субъектов управления.

Однако, как на территории Алтайского края, так в Казахстане, по мнению экспертов, эта технология не имеет широко и активного применения, не всегда она принимается медицинскими специалистами, специалистами тех учреждений, куда приходят добровольцы-клоуны. Важно, что обмен опытом с коллегами позволяет увидеть новые перспективы развития технологии, ее потенциал в реабилитации населения и сформировать

совместный план действий по формированию совместных обучающих школ и встреч.

Отличительной особенностью развития технологии в Алтайском крае является ориентация на ресурс студенческих инициатив, активное привлечение студентов, обучающихся в высших учебных заведениях. В Казахстане также к работе больничных клоунов привлекаются студенты и все желающие молодые люди. Инициативная группа формирует основное направление и стратегию развития технологии в соседней с нашим краем территории.

В перспективе для продвижения технологии на обеих территориях планируется проведение совместных встреч, супервизий, позволяющих получить новый положительный опыт и поддержку в продвижении инновационных технологий реабилитации детей. Важно, что такой взаимообмен позволит:

- выявлять основные трудности в развитии технологии и разрабатывать совместный план по их преодолению;
- получать поддержку профессионального сообщества;
- выявлять наиболее успешные и наименее успешные формы работы;
- повышать профессиональный уровень и встраивать тесные связи между инициативными группами и т.д.

Все эти мероприятия будут способствовать объединению молодежи в развитии инновационной технологии реабилитации, формировать ценности помощи, взаимопомощи, расширять сферы добровольческой активности молодежи и способствовать развитию гражданского общества, социальной интеграции молодежи.

Литература:

1. Сиротина Т.В., Миллер С.М. Больничная клоунада как технология адаптации и реабилитации ребенка в больничном учреждении // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. С. 17.

2. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Под ред. Л.И. Якобсона. М., 2008.

3. Чуканова Т.В. Разработка концепции социальной защиты населения как условие социальной безопасности региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сб. статей. Вып. 3 / Под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 364-368.

СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО В РОССИИ И АРМЕНИИ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Тамразян Н.А., г. Барнаул (Россия)

Процессы реформирования всех областей социальной жизни и поиски современных путей решения основных социально-экономических проблем, происходящие в нашей стране в последние годы, болезненно отражаются на наименее социально защищенных категориях граждан. Ключевой проблемой российской современности стало «социальное сиротство». Неблагоприятная демографическая ситуация в России усугубляется за счет того, что с каждым годом, при общем снижении рождаемости, относительно большее количество детей рождается в неблагополучных семьях. Не случайно семейная и демографическая политика, социальная защита прав детей объявлены одним из стратегических приоритетов государственной политики.

В условиях нестабильности социально-политической обстановки, инфляции, безработицы и вынужденной миграции населения, снижения жизненного уровня семей, ослабления их инфраструктуры отмечается постоянный рост числа детей, находящихся в социально опасном положении, ухудшение физического и психического здоровья подрастающего поколения, увеличение социального сиротства, безнадзорности и беспризорности, преступности и наркомании среди детей и подростков [2, с. 40].

Фактически общество переживает состояние растерянности по поводу возможности разрешить тот комплекс проблем, который обусловлен ситуацией сиротства. Оно ставит перед психологией, педагогикой и медициной как социально ориентированными системными науками острые социальные запросы.

Проблема сиротства была включена в сферу научных и практических интересов медицины и психологии относительно недавно, во время второй мировой войны, когда многие дети, лишившись родителей, стали нуждаться в замещающей заботе. В последние годы в связи с небывалым ростом числа детей-сирот в Российской Федерации и, в том числе, в Алтайском крае актуальность данной проблемы для нашей страны резко возросла [4, с. 18].

По официальным данным на фоне сокращения общей численности детей число детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей, продолжает увеличиваться. В середине 2000-х гг. количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, достигло чрезвычайно высокого уровня, что позволило многим экспертам заявлять о реальной угрозе национальной безопасности. Эта проблема не осталась незамеченной и высшими органами российской власти, что отразилось в комплексе мер, направленных на ее решение. В результате ситуация с сиротством детей в последние годы стабилизировалась [1, с. 105].

Напомним, что в России численность детей-сирот в 2015 г. составила 71,4 тыс. детей. Это на 18% меньше, чем в конце 2014 г. (87,6 тыс. детей) и на 33% меньше, чем в конце 2013 г. (107 тыс. детей). За весь 2015 г. передано на воспитание в замещающие семьи более 42 тыс. детей. Всего в России численность детей на 1 января 2015 г. составила 27 млн. 374 тыс. Соответственно, 3,83% детей являются социальными сиротами.

В Армении на учете в государственном банке данных о детях находятся сведения о 1178 детях – за 2015 г., ситуация практически стабильная в 2014 г. число детей было 1140. Всего в Армении 13 детских домов, 8 из них государственные. Согласно данным Национальной статистической службы, детей в Армении на 1 января 2015 г. 41815 тыс., из этого следует, что 0,35% детей являются социальными сиротами.

Несмотря на ряд позитивных тенденций, которые стали заметны в последние годы, ситуация с сиротством продолжает оставаться крайне сложной, о чем свидетельствуют статистические данные.

Самое драматичное последствие социального сиротства – это прямой вред здоровью, психическому и социальному развитию ребенка, лишившемуся попечения родителей. До 60% контингента домов ребенка составляют дети с тяжелой хронической патологией, преимущественно центральной нервной системы, относящиеся к III-IV (наиболее низким) группам здоровья. Почти 55% детей отстают в физическом развитии. Лишь 4,7% детей квалифицируются как практически здоровые.

Чем раньше ребенок отрывается от семьи, тем более выражены деформации по всем направлениям психического развития: основной приобретенный дефект – задержка психического развития и искажение личностного развития;

комплекс сложных нарушений эмоционального развития – бедность эмоций, трудности в общении, пассивность, трудности адаптации в социуме и др. [5, с. 17].

В Армении незыблемость семейного очага всегда традиционно возводилась в культ и в советское время проблемы детского сиротства здесь как таковой не существовало. Но постперестроечные годы стали в Ереване богатыми на «улов» беспризорников, неожиданно вынырнувших из руин развалившейся страны. В те годы замерзших и голодных ребятишек работники милиции, минуя высокие инстанции, прямо с улицы приводили в детские дома. Возможно, благодаря такому милосердию сегодня в Армении практически отсутствует детская беспризорность.

Во всяком случае, на улицах городов уже не встретишь юных попрошаек, однако это не означает, что такой проблемы не существует в Армении. Согласно данным Национальной статистической службы в Армении зарегистрировано 13 детских домов, из которых 8 имеют статус государственных. Количество проживающих в них детей на протяжении последних лет стабильно удерживается в пределах 1130 – 1140 человек. В общей сложности за последний год на их содержание было затрачено 1,5 млрд. драмов, причем госбюджетное финансирование составило 952,8 млн., остальное – пожертвования частных лиц и меценатов.

С 2007 г. в Армении введена альтернативная модель патронатной семьи, скалькированная с европейской модели воспитания.

Сравнительный анализ современной ситуации проблемы социального сиротства в России и Армении позволяет сделать следующие выводы.

Система учреждений для детей-сирот. В России достаточно развита система учреждений для детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки. В Армении мы практически не видим данной системы, поскольку приоритет отдается семейному воспитанию.

Усыновление. Длительна процедура, занимает много времени. Быстрая процедура. Иногда менее трех дней. Желающих усыновить ребенка всегда очень много.

Причины социального сиротства. В России аморальное и асоциальное поведение родителей, отказ от детей. В Армении причины практически те же за исключением того, что случаи отказа от ребенка очень и очень редкие.

Льготы для детей-сирот. В России бесплатное питание, ежемесячные выплаты, отдых и оздоровление. В Армении – предоставление жилой площади в подарок от государства, ежемесячные выплаты, отдых и оздоровление.

Образование. В России предоставляются льготы на образование, а так же бесплатное получение первого высшего образования. В Армении образование для детей-сирот полностью бесплатное.

Сиротство как социальное явление присуще любому обществу, даже самому гуманному, богатому и цивилизованному. Основной причиной пополнения контингента воспитанников домов ребенка, детских домов и школ-интернатов является алкоголизм.

Другими причинами увеличения числа детей-сирот при живых родителях являются падение социального престижа семьи, ее материальные и жилищные трудности, увеличение количества родителей, ведущих асоциальный образ жизни, рост внебрачной рождаемости.

Организационная структура образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, остается традиционной и нуждается в создании новых форм устройства осиротевших детей. Возникают проблемы постинтернатной адаптации выпускников детских домов, выбора или сферы профессиональной деятельности, обеспечения жильем. Усугубляются проблемы дезорганизации семьи, прежде всего связанные с нестабильностью браков.

Возросло число семей с отрицательным психологическим климатом, сложными межличностными отношениями. Растущая бедность, увеличение количества неполных семей, распространяющаяся безработица, алкоголизм приводят к тому, что родители не могут, а часто не хотят воспитывать детей в соответствии с правовыми и моральными нормами. К тому же негативно влияют на детей своим образом жизни [3, с. 120].

Таким образом, в Армении и России в решении проблемы социального сиротства есть различия и сходства. Всем детям предоставляются льготы и бесплатное образование. Но самое главное отличие Армении в том, что вопросы ответственного родительства, серьезного отношения к браку включены в основную задачу воспитания детей, т.е. в армянских школах, университетах нет специальных внеклассных уроков, предметов, посвященным данной теме, все эти вопросы решаются через

воспитание, задача каждого родителя привить эти ценности своему ребенку уже с детства. Может быть, именно строгий подход к данному вопросу дает в будущем меньшее количество детей-сирот в стране.

Мы также попытались выявить отношение молодежи армянского и русского народов к лекциям, тренингам, которые способствуют подготовке к родительству, выявили, готовы ли они стать родителями, как они относятся к гражданскому браку и рождению ребенка вне брака.

Для решения поставленных задач был разработан инструментарий исследования, основным методом стало анкетирование.

Разработанная анкета состояла из 11 вопросов. Сбор данных осуществлялся через онлайн-анкетирование с помощью программы Google Формы. Выборку составили респонденты от 17 до 30 лет армянкой и русской этничности. Всего в исследовании приняли участие 186 чел. Полученные данные были обработаны количественно.

Ответы у разных национальностей не совпадают по трем вопросам.

1. Как Вы считаете, бабушки, дедушки, другие родственники должны помогать родителям в воспитании их детей?

Армяне: 11% – нет, 89% – да. Русские: да – 44%, нет – 56%.

Связь поколений очень важна, как отмечают многие ученые, именно она играет важную роль в судьбе ребенка, оставшегося без попечения родителей. Ведь лучше, чтобы он жил со своими родственниками, чем в детском доме.

2. Как Вы относитесь к гражданскому браку (приемлем ли он для Вас)?

Армяне: положительно – 11%, отрицательно – 89%. Русские: положительно – 56%, отрицательно – 44%.

3. Допустимо ли для Вас рождение ребенка вне брака?

Армяне: да – 2%, нет – 98%. Русские: да – 49%, нет – 51%.

В целом, респонденты отвечают, что готовы и хотят стать родителями, но не желают принимать участие в курсах по подготовке к родительству, не хотят овладевать навыками по улучшению межполового взаимодействия.

Все перечисленные мероприятия (курсы, тренинги, лекции и т.д.) являются частью первичной профилактики социального сиротства. Они необходимы для создания здорового мыслящего

поколения, ведь именно от них зависит не только их будущее, но и будущее всей страны.

Таким образом, был разработан ряд рекомендаций по первичной профилактике социального сиротства:

1. Проводить уроки, внеклассные часы, начиная уже с 9 класса, чтобы заранее подготовить молодежь к взрослой жизни.

2. Проводить тренинги, ролевые игры, чтобы каждый мог «примерить» на себя роль родителя, и понять, какие трудности могут возникнуть.

3. Проводить деловые игры с участие разных национальностей, чтобы обменяться мнением об актуальной проблеме социального сиротства.

4. Ввести как обязательный предмет «Ответственное родительство» в университетскую программу.

Литература:

1. Антонович И.В., Васильева Е.В., Дронова Е.Н., Калинина Ю.А., Мазайлова Т.А., Скорлупина Е.А., Сиротина Т.В., Чудова С.Г. Инновационные подходы в профилактике социального сиротства в Алтайском крае: институциональные и дискурсивные аспекты // Вестник Алтайской науки. 2013. № 1. С. 105-109.

2. Астоянц М.А. Отношение к детям-сиротам – толерантность или отторжение? // Социальная педагогика. 2005. № 2. С. 40-42.

3. Байтингер Е.В. Меры защиты воспитанников детского дома // Директор школы. 2002. № 4. С. 115-125.

4. Инновационные практики социального сиротства на региональном уровне: монография. Барнаул, 2012. 430 с.

5. Сиротина Т.В., Миллер С.М. Больничная клоунада как технология адаптации и реабилитации ребенка в больничном учреждении // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. С. 17.

РОЛЬ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЕТЕЙ

Силонова М.В., г. Барнаул (Россия)

Современная система дошкольного образования представляет собой многофункциональную сеть дошкольных образовательных учреждений (ДОУ), каждое из которых отличается спецификой

функционирования, основными направлениями деятельности и условиями для развития личности. Одна из главных целей дошкольного образовательного учреждения – способствовать успешной социализации ребенка. Взаимосвязь всех видов деятельности детей в дошкольном образовательном учреждении является важным компонентом социализации личности. Наиболее эффективна социализация в условиях интеграции.

Нами было проведено исследование с целью изучения различных типов дошкольных образовательных учреждений в процессе социализации и социальной интеграции детей. Исследование проводилось с помощью анкетного и экспертного опросов. Выборка в анкетном опросе составила 240 чел., в экспертном опросе 10 чел. Респондентами в анкетном опросе выступили родители воспитанников каждого их типов дошкольных образовательных учреждений. Экспертами были работники администрации по образованию г. Барнаула.

Анкетный опрос показал следующие результаты. Большинство родителей (84%) полностью устраивает работа педагогов в детских садах, которые посещают их дети, (16%) устраивает частично. Кроме того респондентам был предложен такой альтернативный ответ как: «не устраивает совсем». Однако данный вариант ни один из родителей не выбрал, что, несомненно, радует и говорит о хорошей работе педагогов во всех типах детских садах.

Почти все респонденты (да – 57%; скорее да, чем нет – 43%), участвующие в опросе, ответили, что для всестороннего развития и воспитания детей условия в детских садах созданы. Это значит, что дети могут комфортно находиться в детском саду в течение дня и успешно развиваться в нем.

Более благоприятная предметная среда создана в ДОУ компенсирующего типа. Это можно объяснить тем, что данный тип детского сада направлен на коррекцию имеющихся каких-либо физических или психических отклонений в развитии у детей.

Работники постоянно поддерживают связи с учреждениями дополнительного образования и со школой лучше в ДОУ «центр развития ребенка». В данном типе детского сада организована совместная работа учебных учреждений разной ступени, включающей три направления: работу с родителями, работу с детьми и методическую работу.

Главной психологической основой интеграции является деятельность, которая способна объединять внутри себя разрозненные компоненты и обеспечить необходимые условия

для появления нового образовательного продукта, в создание которого включены и педагоги, и родители. Интеграция различных видов деятельности в детском саду, по мнению Е.Н. Зубковой, «позволяет ребенку сформировать свое представление об окружающем мире и своем месте в нем» [3, с. 38]. В каждом из различных типов детских садов данный процесс имеет свою специфику.

Подавляющее число респондентов полностью удовлетворены художественно-эстетической работой в детских садах «центр развития ребенка». Поскольку данный вид деятельности является приоритетным в задачах данного типа детского сада, то и процесс социальной интеграции по большей мере проходит через нее. Такой интегрированный подход «способствует специальной подготовке дошкольников к процессу восприятия, пониманию информации, формированию у дошкольников понятий и представлений о взаимодействии всего в мире» [2, с. 25]. Интеграция различных видов художественно-эстетической деятельности в дошкольном образовании носит естественный характер. В связи с этим развитие культуры эффективного социального включения в различные группы общества и принятие других культур происходит у дошкольников стихийно.

Во всех типах детских садов процесс социальной интеграции протекает через познавательную-исследовательскую, трудовую и коммуникативную деятельности. Как отмечает Л.В. Ступакова, именно «разнообразная деятельность в дошкольном образовательном учреждении одновременно является важным условием и средством приобщения ребенка к социальной действительности, которые обеспечивают детям возможность активно познавать окружающий мир, а также самим становиться его частью» [81.8, с. 419]. В процессе трудовой деятельности дошкольников детский коллектив объединяется: ребята учатся работать сообща, оказывать товарищу помощь, находить совместные решения для достижения требуемого результата. В результате освоения интегративной деятельности, у ребенка формируются целостные социальные и психологические образования, интегрированные способы деятельности, индивидуальный стиль деятельности, происходит освоение социального опыта и развитие творческих способностей.

Крайне важен тот факт, что в детском саду процесс социальной интеграции происходит естественным образом в процессе игры, которая является неотъемлемой частью

воспитательного процесса. Именно через игровую деятельность, как подчеркивает Т.В. Бурцева, «происходит освоение детьми социального опыта, совершенствование коммуникативных навыков и навыков построения взаимоотношений со сверстниками» [1.1, с. 24]. Многообразие возможностей игровой деятельности, по мнению А.Д. Поповой, проявляется в «активизации познавательных способностей, коррекции недостатков личностного развития, формировании умения ориентироваться в социальной действительности и интеллектуально осваивать всю систему человеческих отношений» [7, с. 477].

Социальная интеграция ребенка с отклонениями в развитии предполагает «включение его общую систему социальных отношений и взаимодействий в рамках той образовательной среды, в которую он интегрируется» [6, с. 112]. Данный процесс у детей с ограниченными возможностями здоровья проходит в детских садах компенсирующего типа, так как они направлены на коррекцию имеющихся каких-либо физических или психических отклонений в развитии у детей. В таких специализированных дошкольных образовательных учреждениях проводится трудовая, психологическая подготовка для «вхождения» в полноценное общество. Кроме того, «успешность социальной интеграции детей с нарушением развития зависит не только от характера имеющихся физических или психических нарушений и от эффективности учитывающих эти нарушения учебных программ и технологий, но и от системы отношений к таким детям со стороны социального окружения и, прежде всего, от той образовательной среды, в которую ребенок интегрируется» [5, с. 294]. Эффективная социальная интеграция в дошкольном возрасте способствует дальнейшей педагогической интеграции ребенка с проблемами в развитии при обучении в массовой школе.

Социальная интеграция детей с отклонениями в развитии не менее эффективно проходит и в детских садах комбинированного типа, где одновременно воспитываются и обучаются нормально развивающиеся дети, и дети, нуждающиеся в коррекционной помощи. Такая интегративная модель способствует формированию терпимости к физическим и психическим недостаткам другого, развитию чувства взаимопомощи и стремления к сотрудничеству. В свою очередь, у детей с ограниченными возможностями здоровья совместное обучение и воспитание «формирует положительное отношение к своим сверстникам, способствует адекватному

социальному поведению, более полной реализации потенциала развития и обучения» [4, с. 35].

По итогам исследования было выявлено, что роль дошкольного образовательного учреждения в процессе социализации и социальной интеграции детей велика. Дошкольное образование акцентирует внимание на развитие личностных качеств ребенка, задачей которого является донесение до ребенка базовых основ культуры и правил поведения в обществе, а также интеллектуальное и эстетическое воспитание. Взаимосвязь всех видов деятельности детей в дошкольном образовательном учреждении является необходимым компонентом социализации личности и важным условием социальной интеграции. Комплекс психолого-педагогических практик, задействующий потенциал свободы и порядка специально организованной среды, постоянно повышающаяся компетентность педагогов и родителей по воспитанию детей – все эти факторы позволяют обеспечить успешность социальной интеграции как полностью здоровых детей, так и имеющих какие-либо отклонения в развитии.

Литература:

1. Бурцева Т.В. Социализация ребенка в условиях образовательного процесса // Педагогика: традиции и инновации: материалы V междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2014 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2014. С. 24-28.
2. Гревцева Г.Я. Особенности социально-культурного развития личности в детстве как феномен ее социализации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. 2015. № 1. С. 23-31.
3. Зубкова Е.Н. Методическая работа в ДОУ как фактор управления качеством воспитательно-образовательного процесса // Актуальные задачи педагогики: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Чита, октябрь 2013 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. С. 38-41.
4. Иванова Е.Ю. Доступность дошкольного образование в России: Практики выравнивания спроса и предложения // Социальные движения, коллективные действия в условиях социального неравенства. Сборник материалов Круглого стола. М.: МГГЭУ, 2016. С. 23-44.
5. Мансуров В.А. Дошкольное образование в период реформ // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы,

перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 288-295.

6. Милованова Н.Ю. Воспитание, социальное воспитание и социальная адаптация личности в контексте социализации // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 108-113.

7. Попова А.Д. Социализация детей старшего дошкольного возраста в игровой деятельности // Молодой ученый. 2015. № 1. С. 477-479.

8. Ступакова Л.В., Масанова М.Д. Социальная направленность работы дошкольного образовательного учреждения // Молодой ученый. 2014. № 10. С. 417-420.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Эбелинг Э.О., г. Барнаул (Россия)

Концептуализация и разработка методологических основ анализа риска является актуальной научной темой в социологии относительно недавно – лишь с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. «Риск» как научный термин и элемент понятийного аппарата активно используется в математике, экономике, юриспруденции, психологии, политологии и т.д. В каждой области научного знания существуют свои представления о данном понятии, критериях анализа, предметной направленности и формах проявления риска. Кроме этого, в современных междисциплинарных исследованиях риск выступает как объект изучения и инструмент оценки определенного явления, ситуации или процесса. Таким образом, при анализе термина «риск» необходимо учитывать все многообразие подходов к его определению в мировой и отечественной науке.

В массовом сознании риск понимается как «...действие наудачу в надежде на счастливый исход...» [5]. Однако такое определение уместно лишь в «теории азартных игр». В зарубежных исследованиях категория риска фигурирует в **традиционной статистической теории** (П. Аш, Е. Бердал, Х. Бонди, Ф.-Х. Кауфман, Х. Куглер, П. Словик, С. Хартвиг, Х. Юнгерман и др. [9, с. 15]); в **экономической теории** (М. Браун, Дж. Диллон, А.

Джонсон, Е. Кашдан, П. Лоранг, Ф. Найт, В. Норман, Д. Окрент, О. Ренн, Дж. Роумассет и др. [9, 18]); **в теории решений** (Д. Белл, А. Вилдавски, Г. Кюнрейтер, Н. Луман, М. Дуглас, Д. Луптон, К. Дрейк и др. [4, 6, 15]) и др. Общим для этих теорий является прагматичное отношение к риску, оценивается целесообразность принятия тех или иных решений для минимизации издержек (рыночная полезность). Риск, таким образом, выступает как измеряемая количественная категория, поддающаяся математическому анализу и, соответственно, исчислению.

Такой же **«экономический подход»** к анализу рисков широко распространен и в отечественной науке. В частности, советские, а затем и российские ученые (А. Альгин, В. Буянов, М. Ершов, Э. Уткин и др. [1, 5, 11].) анализировали управленческие, экономические, инвестиционные риски и т.д. Например, А.П. Альгин под риском понимает «деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации с неизбежным выбором, в процессе которой имеется возможность оценить вероятности достижения предполагаемого результата, неудач и отклонения от поставленной цели» [1, с. 19].

Принципиально другим направлением исследования рисков является **социологический подход**, изучающий «социальные риски». Точкой отчета нового этапа в изучении рисков в мировой науке стало появление концепции «общества риска», у истоков которой стояли У. Бек и Н. Луман [3, 15]. Суть их идей сводится к следующему: современное индустриальное общество порождает техногенные и социогенные риски. Промышленность и информационные технологии, из-за своего высокого уровня развития, начали производить не только материальные блага и услуги, но и неконтролируемые риски и угрозы глобального характера, опасные как для отдельного индивида, так и для общества в целом. Таким образом, «общество риска» постоянно продуцирует новые и новые цивилизационные риски, политизирует социально-значимые риски и, в конечном итоге, образуется «специфическая субкультура риска» [22, с. 35]. Причина социальных рисков кроется в материальном (классовом) неравенстве социальных групп. По мнению У. Бека социальные риски «в определенном смысле ... являются следствием неравенства классов и социальных слоев» [3]. Существует определенная закономерность распределения социальных рисков в обществе: чем выше уровень доходов и социальный статус человека, тем меньше количество рисков, и наоборот – наиболее

подвержены социальным рискам люди из низших слоев социума: «Бедность притягивает к себе несчастливый избыток рисков. Напротив, те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут купить себе безопасность и свободу от риска (путем выбора места жительства, обустройства квартиры, питания, отношения к информации и т.д.)» [3]. Эта тенденция характерна и для макрообществ – развитые государства с богатой экономикой защищены от большинства социальных рисков, в то время как бедные, развивающиеся страны сталкиваются с множеством рисков социального характера. Тем не менее, констатирует У. Бек [3], социальные риски, стремительно распространяясь в обществе, несут в себе «социальный эффект бумеранга», т.е. индивидуумы, классы и государства, обладающие богатством и властью, постепенно сами начинают попадать в «рискогенные ситуации», даже в том случае, если именно они произвели эти социальные риски и извлекали из них определенную выгоду в прошлом.

Таким образом, «общество риска» становится всеобъемлющим, под влиянием социальных рисков трансформируются все структуры и системы общества: социально-стратификационная, духовно-нравственная, ценностно-нормативная. В итоге ни один человек в такой среде не может чувствовать себя в безопасности, защищенным от социальных рисков. «Иными словами, неопределенность и риск становятся основными элементами современной реальности, а определенность является лишь ее редким проявлением» [9].

Бытие в «обществе риска» актуализирует научный дискурс, направленный на изучение сущности, природы риска, основных характеристик социальных рисков, их видов и особенностей. В **социологической теории риска** можно выделить несколько базовых подходов к анализу данного феномена, принятых научным сообществом:

1. Социокультурный (социогенный) аспект

Современные западные и российские социологи (У. Бек, А. Альгин, В. Зубков, О. Кашина, Е. Кашдан, Н. Луман, Г. Малинецкий, Ф. Найт, С. Никитин, К. Феофанов, А. Мозговая, Н. Смакотина, О. Яницкий и др.[1, 3, 12, 14, 15, 16, 18, 26]) считают риск важнейшей категорией, требующей всестороннего изучения. По мнению ученых, риск – это своеобразная мера опасности ситуации, в которую попадает общество или отдельный человек [15, 18]. Доказывая социальную природу риска, исследователи обосновывают зависимость объема риска от качества социальных

отношений и процессов. Риски существуют объективно и при этом постоянно производятся обществом во всех сферах жизнедеятельности человека, т.е. речь идет об угрозах не техногенного, а социогенного характера (в самом широком смысле этого понятия). Это связано с вероятностной природой многих процессов, многовариантностью общественных отношений, в которые вступают субъекты социальной жизни [23]. Поэтому любые нарушения социального порядка (особенно радикальные реформы и революции) являются источником рисков. Существует и обратная зависимость: риски, постепенно накапливаясь в обществе, могут, в конечном итоге, привести к изменениям определенной социальной структуры или системы [9].

2. Психологический аспект

Зарубежные социологи (К. Дейк, Фернхем А., Хейвен, П. М. Браун, Г. Крепс, Д. Нэлкин, С. Ребрик, П. Фишхофф и др.) изучают особенности восприятия риска в обществе: какие оценки риску дают определенные социальные группы и отдельные индивиды, в чем проявляется реакция человека на риск и т.д. Исследуя природу риска, ученые анализируют рациональность / иррациональность поведения индивидуумов в ситуациях социального риска [6, 9, 24].

Отдельным направлением исследования социальных рисков в рамках «психологического аспекта» можно назвать анализ девиантного поведения и его связи с различными формами рискованной деятельности в условиях неблагоприятной окружающей среды (в первую очередь социальной среды). Этими изысканиями занимаются российские социологи Ю. Амирханян, В. Афанасьев, Я. Гишинский, С. Голод, И. Голосенко, С. Максимова, Л. Платт, Л. Шипицына, Л. Колесова, О. Морозов и др. [2, 8, 22].

3. Модернизационный аспект

Риски модернизации, социальные последствия индустриальных рисков, а также инвайронментальные (социально-экологические) риски находят в фокусе научных исследований западных и отечественных ученых (Д. Белл, А. Вилдавски, Э. Гидденс, М. Горшков, К. Исаев, М. Кастельс, А. Панарин, В. Романов, Е. Кашдан и др. [4, 6, 7, 10, 13, 26]. В рамках концепции модернизма риск выступает как «сокрушительная сила современности», делающая будущее общества неопределенным.

4. Техногенный аспект

В отдельную группу можно выделить отечественных исследователей, которые уделяют особое внимание изучению

рисков в современном технократическом обществе, а также анализируют последствия технологических рисков. Представителями этого направления можно назвать О. Остроухова, Г. Новичкову, В. Рачкова, Е. Федину, В. Полуянов и др. [19, 21, 20].

Таким образом, риск – это систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом общественной жизни как таковым [9]. В этом определении кроется ключ к пониманию социальной сущности риска. Современное общество, «перегруженное» социальными рисками, само становится источником различных рисков [26]. А за обеспечение социальной безопасности и снижение рискогенности ответственны социальные субъекты: индивиды, фирмы, государственные учреждения и политики [23].

Социальные риски – это интегральное понятие, объединяющее все виды рисков, исходящих от социальной среды [9]. Поэтому к социальным рискам можно отнести любые риски, возникающие в той или иной сфере жизнедеятельности человека. На этом тезисе исследователь Н.П. Гончарова базирует свою классификацию социальных рисков [9]:

- Риски, возникающие в политической сфере (нарушение институтами власти Конституции, законов, административных норм; нарушение прав, свобод и законных интересов граждан и др.);

- Риски в экономической сфере (снижение темпов производства, несправедливость распределения материальных благ и услуг, собственности и доходов; рост уровня безработицы и т.д.);

- В социальной сфере общества (потенциальная угроза социальному статусу индивида; кризисы, вызванные социальным неравенством в обществе; антагонизация социальной структуры и отношений между субъектами социума; любые ухудшения качества жизни населения; рост криминального, девиантного поведения);

- В духовной сфере жизни общества (нарушения социальной идентичности культуры, науки, образования, информации);

- В социально-экологической сфере общества (риски, вызванные взаимным влиянием природной среды, социальной организации и человеческого поведения).

Таким образом, современный человек вынужден жить и действовать в «пространстве риска», разнообразные социальные риски «преследуют» каждого индивида фактически от рождения

до самой смерти. В таких условиях поведение личности, ее социальные действия и реакция на возникающие социальные риски являются определяющими факторами в формировании благоприятного жизненного пространства вокруг себя и своих близких. Именно неспособность индивида адаптироваться к изменяющейся / опасной / рискогенной социальной среде и приводит к возникновению рискованного поведения.

Исходя из определения риска как «выбора варианта поведения с учетом опасности, угрозы, возможных последствий» [21], можно предположить, что одни индивиды будут более склонны к рискованной деятельности и, соответственно, подвержены социальным рискам в большей степени, а другие люди будут сознательно избегать рискогенных ситуаций и жить в относительно спокойной стабильной социальной среде. Конечно, важен фактор влияния самого социального пространства на поведение и поступки конкретной личности (человек, попавший в трудную жизненную ситуацию, например, увольнение с работы, становится беззащитным перед целым рядом социальных рисков, и каким будет его «выбор варианта поведения» сказать наверняка невозможно).

Тем не менее, современные исследователи для характеристики людей, склонных к рискованной деятельности и подверженных социальным рискам в силу ряда объективных (социальных) и субъективных (психологических) причин, используют понятие «группы риска» [17]. Представители «групп риска» воспринимаются членами общества как «другие», отличные, не соответствующие их представлениям о правильном и должном, а значит, они являются потенциальным источником социальных рисков для остальных [25].

Таким образом, можно выделить основные причины, провоцирующие рискованное поведение личности: *принадлежность к «группам риска»; индивидуальные особенности психологической структуры личности; влияние социально-опасной ситуации, в которую человек неожиданно попадает; социальные риски, распространенные в обществе.* Социологическая теория рисков обладает огромным научным потенциалом для дальнейшего исследования природы социальных рисков, изучения рискогенных ситуаций, бытующих в современном социальном пространстве, анализа причин рискованного поведения личности и построения концептуально-теоретических и эмпирических

моделей, описывающих особенности распространения определенного социального риска в конкретной социальной среде.

Литература:

1. Альгин А.П. Грани экономического риска. М., 1991.
2. Амирханян Ю.А. Рискованное сексуальное поведение: социальная диагностика и профилактика: Автореф. дисс... канд. социол. наук. СПб., 1999.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: Пер. с англ. М., 1999.
5. Буянов В.П. Управление рисками (рискология) / Буянов В.П., Кирсанов К.А., Михайлов Л.А. М., 2002.
6. Вилдавски А., Дейк К. Теория восприятия риска: кто боится, чего и почему? // THESIS. 1994. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://riskprom.ru/TemaKtlg/RiskSociety/vildavski_dejk_riskvosprijatteor_1990.pdf
7. Гидденс Э. Социология. М., 2005.
8. Гишинский Я. Девиантология. СПб., 2007.
9. Гончарова Н.П. Социальные риски в процессе распространения эпидемии ВИЧ/СПИД в современном российском регионе на рубеже XX-XXI веков (по материалам социологических исследований): Дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Барнаул, 2005.
10. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.
11. Ершов М.В., Лохмачев В.Ф., Татузов В.Ю., Танасова А.С. Российская экономика: актуальные внешние риски. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/66404855.pdf>
12. Зубков В.И. Социологическая теория риска: монография. М., 2003.
13. Исаев К. «Общество риска» в условиях глобализации // Социс. 2001. № 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/12-2001/003Isaev.pdf>
14. Кашина О.И. Концептуальные принципы и подходы к измерению и прогнозированию социальных рисков и построению интегрированной информационной системы социальной безопасности // Вопросы статистики. 2004. № 4. С. 43-49.
15. Луман Н. Риск, неопределенность, случайность // THESIS. 1994. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igiti.hse.ru/data/423/313/1234/5_2_2Luhm.pdf

16. Малинецкий Г.Г. Управление риском и редкие катастрофические события // Математическое моделирование. М., 2002. С. 107-112.

17. Морозов О. Группа риска. М., 1990.

18. Найт Ф. Понятие риска и неопределенности // THESIS. 1994. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igiti.hse.ru/data/411/313/1234/5_1_1Knigh.pdf

19. Остроухов О.В. Риск и чрезвычайная ситуация в социальной системе: Автореф. дисс... докт. социол. наук: 22.00.04. М., 2000.

20. Полуянов В.П. Технологическая цивилизация, риски и общество // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2012. Т. 25. № 1-2 (64). С. 367-376.

21. Рачков В.П., Новичкова Г.А., Федина Е.Н. Человек в современном технизированном обществе: проблемы безопасности развития. М., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/rachkov_chelovek/

22. Социальная безопасность – социальные риски: теоретические и эмпирические модели воспроизводства девиаций / Под общ. ред. С.Г. Максимовой. Барнаул, 2012.

23. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. М., 2000.

24. Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://niip.su/phocadownload/knigi/psix/li%20%20%20.pdf>

25. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://isprras.ru/pics/File/books/Youth%20in%20risk.pdf>

26. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII. № 1. С. 3-35. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Magazines/Yanitsky_2003_n1_p3-35.pdf

Сведения об авторах

Абросимов Александр Евгеньевич, студент факультета подготовки сотрудников полиции и следователей Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (БЮИ МВД России), тел.: 8-913-261-25-93

Вараксина Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Алтайского государственного университета, e-mail: varaksins@yandex.ru

Гончарова Наталья Петровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, e-mail: g-natalia@mail.ru

Давлетбаева Оксана Владимировна, магистрант факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета, e-mail: oksan.pin@mail.ru

Деделова Мария Артуровна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: mariadedelova@gmail.com

Дергунова Ирина Вячеславовна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: miss.dergunowa2015@yandex.ru

Дмитриева Дина Сергеевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и восточного языкознания Алтайского государственного университета, e-mail: diastelli@mail.ru

Дмитриева Лидия Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий базовой кафедрой русского языка как иностранного и восточного языкознания Алтайского государственного университета, e-mail: dmitrlm@mail.ru

Домашев Анатолий Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры общей социологии Алтайского государственного университета, e-mail: domashev.a1960@gmail.com

Доровских Алена Святославовна, магистрант кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, e-mail: alenkodo@mail.ru

Дурманова Татьяна Юрьевна, студент факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: bakulinat@mail.ru

Жабина Алена Владимировна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: kukusiki-12@mail.ru

Замятина Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Алтайского государственного университета, e-mail: olga_zamjtina@mail.ru

Игнатенко Анна Владимировна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: nusya1991@bk.ru

Каратаев Алексей Антонович, студент хореографического факультета Алтайского государственного института культуры, e-mail: karataev_1992@mail.ru

Кобелев Константин Юрьевич, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: praeda_cerberus@mail.ru

Ли Юйсинь, студент факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета, e-mail: yuxin130401@163.com

Мазайлова Татьяна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Алтайского государственного университета, e-mail: bakulinat@mail.ru

Максимова Светлана Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, e-mail: svet-maximova@yandex.ru

Мамчур Юлия Юрьевна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: mamchur.yulia@mail.ru

Меженин Ян Эдуардович, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Алтайского государственного университета, e-mail: qraga@ya.ru

Мыльникова Анна Викторовна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: avm0501@gmail.com

Неваева Динара Алиевна, аспирант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, e-mail: dinaranevaeva@mail.ru

Ноянзина Оксана Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, e-mail: noe@list.ru

Омельченко Дарья Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, e-mail: daria.omelchenko@mail.ru

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: syldysma93@mail.ru

Семьянов Святослав Алексеевич, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: semyanov11@yandex.ru

Силонова Мария Вячеславовна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: maria.silonova@yandex.ru

Сытых Ольга Леонидовна, доктор философских наук, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, e-mail: sytykh@yandex.ru

Тамразян Нелли Артуровна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета, e-mail: nellyta94@mail.ru

Трофимова Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (БЮИ МВД России), e-mail: trofimova_yu@mail.ru

Шахова Екатерина Владимировна, аспирант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, e-mail: EWS05@yandex.ru

Эбелинг Эвелина Олеговна, ассистент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, e-mail: eva-ebeling@yandex.ru

Научное издание

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ
ЭТНОКУЛЬТУР В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник материалов

Подписано в печать 04.10.2016 г.

Объем 9,3 уч.-изд. л. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Тираж 115 экз. Заказ №3898.

Отпечатано в типографии «Новый формат»,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,

тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,

nf-kniga@yandex.ru,

сайт: типография-новый-формат.рф